Одесский
альманах

№63

IV / 2015

ДЕРИБАСОВСКАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ

PLASKE
ПЛАСКЕ

Литературно-художественное издание серии «Одесская библиотека»
«Дерибасовская – Ришельевская». Альманах
№ 4 (63), 2015
Издается с 2000 г.

Учредитель и издатель: Издательская организация АО «ПЛАСКЕ»
(свидетельство ДК № 3673 от 21.01.2010 г.)
Председатель редакционного совета: Иван Липтуга
Редактор: Феликс Кохрихт
Редакционная коллегия: Евгений Голубовский (заместитель редактора), Олег Губарь, Иван Липтуга
Технический редактор: Геннадий Танцюра
Верстка, корректура: Татьяна Коциевская

Свидетельство о государственной регистрации печатных средств массовой информации:
КВ № 19644-9444Р от 08.01.2013 г.

Адрес редакции: 65001 Украина, Одесса, ул. Ак. Заболотного, 12, а/я 299
Тел.: +380 (48) 7-385-385
books@plaske.ua
www.plaskepress.com

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «Плутон»
65023 Украина Одесса, ул. Нежинская, 56
Тираж 500 экз.
Заказ № _____

Літературно-художнє видання серії «Одеська бібліотека»
«Дерибасовская – Ришельевская». Альманах
№ 4 (63), 2015
Видається з 2000 р.

Засновник і видавець: Видавнича організація АТ «ПЛАСКЕ» (свідоцтво ДК № 3673 від 21.01.2010 р.)
Голова редакційної ради: Іван Ліптуга
Редактор: Фелікс Кохріхт
Редакційна колегія: Євген Голубовський (заступник редактора), Олег Губар, Іван Ліптуга
Технічний редактор: Геннадій Танцюра
Верстання, коректура: Тетяна Коцієвська

Свідоцтво про державну реєстрацію друкованих засобів масової інформації:
КВ № 19644-9444Р від 08.01.2013 р.

Адреса редакції: 65001 Україна, Одеса, вул. Ак. Заболотного, 12, а/с 299
Тел.: +380 (48) 7-385-385
books@plaske.ua
www.plaskepress.com

Надруковано з готового оригінал-макету у типографії «Плутон»
65023 Україна Одеса, вул. Ніженська, 56
Тел.: +38 (048) 700-42-42
Наклад 500 прим.
Замовлення № _____

© АО «ПЛАСКЕ», 2015
© «Дерибасовская – Ришельевская», 2015

От редакции

В конце уходящего года или в начале наступившего читатели по традиции получают очередной выпуск нашего альманаха – книжку или электронный вариант на сайте Всемирного клуба одесситов. Нынешний номер – 63. Предыдущие были выпущены за 15 лет, что, как свидетельствуют библиографы, – одесский рекорд.

Как правило, мы выбираем для обращения к в читателями тему, которая представляется важной, понимая, разумеется, что наши критерии не всегда совпадают с вашими. И все же сегодняшняя, уверены, отличается особой актуальностью, ибо несет в себе позитивный заряд.

Давайте вспомним яркие события в разных сферах культурной жизни Одессы, а их было на удивление много в 2015 году. Чем объясняется такой всплеск творческой активности наших земляков, к которым присоединились коллеги из многих стран? Об этом сегодня размышляют культурологи, критики, журналисты. Важно, что инициатива деятелей искусства и литературы была поддержана различными институциями гражданского общества – властными структурами, просвещенными бизнесменами, общественными организациями, отечественными и зарубежными. Но главное – все начинания организаторов – фестивали, концерты, премьеры, выставки (независимо от жанра), все юбилейные события нашли отклик у публики. Одесситы и гости города зачастую становилась не только зрителями, но и участниками этих ярких и незабываемых встреч.

Итак, вспомним то, что нас радовало, заставляло сопереживать, размышлять в этот длинный и разнообразный сезон. Разумеется, назвать все события просто невозможно, да и у каждого из нас – свои приоритеты. Мы лишь обозначим их – иногда без полных (титульных) названий, фамилий организаторов и т. д. Это заняло бы слишком много времени и выглядело бы не обменом впечатлениями, а неким реестром…

Музыка. Фестивали «Два дня и две ночи», «Одесса Классикс», оперный и балетный, джазовый, «Золотые скрипки Одессы», юбилей Святослава Рихтера, открытие музея Леонида Утесова, конкурсы пианистов – памяти Эмиля Гилельса, и юных саксофонистов…

Кинематограф. Традиционный Одесский фестиваль и ретроспектива фильмов Киры Муратовой.

Драматическое искусство. Премьеры во всех одесских театрах.

Юбилеи. Одесскому русскому театру – 140 лет. Одесскому украинскому – 90. Принимайте поздравления!

Изобразительное искусство. Выставки во всех музеях. Биеннале «Манифесто», проект, посвященный одесским концептуалистам, показ работ Михаила Жука.

Литература. На Аллее звезд увековечена память выдающихся личностей, связанных с Одессой, в том числе и литераторов. О двух из них – Эдуарде Багрицком и Саше Черном – рассказывается в этом выпуске.

Фестиваль «Провинция у моря» в Ильичевске.

Первый Международный литературный фестиваль, который решено проводить ежегодно. О нем и участии авторов нашего альманаха – в специальном разделе номера.

В канун нового года и в первые его дни мы предвкушаем будущие творческие встречи в нашем городе, где родились, выросли, учились, начинали творческий путь, становились мастерами многие из тех, чьи произведения, чье искусство радовали нас в театральных, концертных, музейных залах.

Два эссе о жизни и смерти

В этом декабрьском номере, завершающем совсем не простой 2015 год, мы предлагаем читателям подаренные альманаху великим сатириком два эссе – «Удар с предоплатой» и «Стыдно за себя», предисловие к книге воспоминаний Егора Гайдара «Дни поражений и побед».

Написал «два эссе» – и вздохнул спокойнее. Сколько раз за 60 лет его творчества литературоведы ломали копья, что же пишет этот самый одесский Жванецкий. «Эстрадные миниатюры» – уверенно утверждали одни, «юморески» – подпевали другие, «фельетоны» – как бы давая добро на творчество, резюмировали третьи. Вроде бы – какая разница? Но они знали, что эстрадные миниатюры, юморески, даже фельетоны долго не живут. Утром в газете, вечером в куплете – и поминай как звали.

И тут выходила нестыковочка. Эти тексты жили. Их помнят уже три поколения слушателей и читателей. Не стареют.

Мудрец Мишель Монтень почти пять веков тому назад ввел новое понятие в литературу – эссе. Жанр короткой острой публицистической и философской художественной литературы. И сам писал «эссе» – свои знаменитые «Опыты». И другим завещал. В России эссе полюбились Пушкину, Герцену, Салтыкову-Щедрину, особенно – Василию Розанову. А позже – Илье Эренбургу, Виктору Шкловскому, Иосифу Бродскому. Попробуйте перечитать их – они не устаревают.

Два эссе М.М. Жванецкого разделяют годы. Одно было написано и с огромным успехом прочитано 22 года назад. Другое – из портфеля 2014 года. Но и сегодня зал воспринимает их не только злободневными, что само собой понятно, но и, увы, вечными.

Потому что всегда высокое искусство воспитывает в человеке чувство собственного достоинства.

Евгений Голубовский

Михаил Жванецкий

Удар с предоплатой

Государственный разговор в дорогом ресторане

– Поймите! От развитых стран нам требуется не помощь, а партнерство. Объясняю, как это все происходит. Вы даете деньги – мы равноправно участвуем, то есть мы высказываем свой взгляд на наши проблемы.

Вы не просто даете нам деньги, вы получаете взамен наше видение наших проблем.

Вот как в этом ресторане. Мы вас пригласили, так? Вы оплачиваете и взамен получаете вот эти блюда. Но мы не оставляем вас без внимания и наших консультаций. Здесь наши знания и наш опыт неоценимы. Ибо мы здесь живем. В этом и открытость нашей экономики сегодня.

Да, сегодня мы за ваши деньги угощаем вас вашими продуктами. Но вы получаете от нас нечто более ценное – анализ сегодняшней ситуации и, если хотите, прогноз. Но это не все: преимущество мы отдаем той помощи, которая влечет за собой другую помощь, более мощную и длительную. То есть речь уже идет о поддержке, которую мы вам можем оказать, и за это вам, конечно, придется бороться с другими. В этом, еще раз подчеркиваю, открытость нашей экономики и даже, скажем четко, ее суть.

Кстати, эти первые взносы, которые мы получаем от вас за право оказать нам помощь, – ничто по сравнению с той борьбой, которая развернется за право помогать нам через два-три года.

Ведь мы можем брать у вас все. Начиная от лекарств, кончая деньгами.

Причем возможности наши неограниченны. Мы будем брать у вас фильмы, программы, телеигры, даже реплики «оставайтесь с нами» и подтяжки ведущих, все это мы у вас берем. И к этому мы будем еще брать у вас деньги на осуществление всего этого. И это только начало.

Но за право нам помогать вам придется побороться. В основном с нами на первых порах!

Наша ментальность… видите, мы и это слово взяли у вас. Так вот, наша ментальность позволяет нам принимать помощь от вас, только если вы будете воспринимать проклятия в ваш адрес с благодарностью. Обвиняя вас в заговоре, лишая виз, не давая вам никаких прав, лишая всяких надежд на прибыль и подставляя вас под пули наших новых, мы устанавливаем тот баланс интересов, которым мы уравновешиваем вашу помощь.

Вы меня поняли? Это и будет тем стимулом, который подтолкнет вас на наш рынок.

А рынок у нас огромный. Я не представляю даже, что нам сегодня не нужно. В чем мы свирепо не нуждаемся. Любой гвоздь. Обломки кирпича. Отходы вашей пищебумажной продукции. Нет, я не оговорился, пища – пищебумажной продукции. Любые проповеди и музыкальные инструменты. Причем все это

с обслуживанием, запчастями и гарантией. Это в крупных городах. А глубинка вообще… там будут рады, даже если вы осенью проедете мимо них. На чем угодно. Это будет незабываемо и для вас, и для них. Поэтому никого не слушайте, везите деньги, машины, продовольствие.

А в качестве ответной платы мы требуем только одного – принять нас в Совет Европы, в Парижский клуб, в Совет развитых стран и Миротворческий процесс. И, конечно, учитывая, какие возможности мы предоставляем вам, мы вправе требовать в процессе расширения НАТО отхода от наших границ, то есть расширяться – сужаясь. Но здесь я уже касаюсь военной доктрины.

Так вот! Вы, конечно, должны нам дать возможность угрожать вам, а может, и нанести первый ядерный удар, если мы восстановимся до такой степени с вашей помощью, на что мы тоже вправе рассчитывать.

Таким образом, предлагаемый нами баланс взаимных интересов наступит только после того, как вы на деле, а не на словах вложите деньги в нашу военную стратегическую промышленность, чтобы мы могли нанести по вам удар. Причем внезапный – и это наше условие. Но, естественно, с вашей предоплатой.

Михаил Жванецкий

Стыдно за себя

Предисловие к книге воспоминаний Егора Гайдара
«Дни поражений и побед»

Ты пользуешься результатами этой великой жизни.

Этого великого дара предвидеть и предчувствовать.

Стыдно видеть на тротуарах нестоптанные ботинки, на мостовой – прекрасные машины, в магазинах и ресторанах слышать: «Заходите! Будем рады!».

И еда, еда...

Ее так много, что развивается безвкусица в театре и на экране.

Одежды так много, что обсуждается каждый поясок или оттенки баклажанного цвета дамского пальто.

По телевидению несчетные потоки завтраков и обедов, вызывающие раздражение отсутствием серьезных проблем.

Конкурсы сыров, медов, диет.

Рецепты похудания и здоровой жизни.

Обсуждения, как обставить дом, квартиру, как уменьшить скопления машин...

Господи! Вот вам наши проблемы, наши банкеты, ваши речи и юмор, пустой, как стол после банкета.

Казалось бы, где страдания? Где мудрость?

Где массовые стройки с обедом: хлеб и бутылка молока?

Где фильмы о веселых поездах на целину? С луковицами, загримированными под яблоки. Чтоб актеры не ели, но могли откусить.

Где умные головы, выбивающие в командировках дефицит?

Где такой массовый романтический уход из жизни в 58 лет?

Это все есть в этой книге, но уже нет в нашей жизни.

Последний голод, последняя нищета премьера.

Нам теперь остается только проклинать глупую развлекуху телевидения, южные фантазии, подрывы благополучных благополучными, попытки внести кровавое разнообразие в долгие каникулы.

Кому теперь стыдно пригласить иностранца в Москву?

Кто стесняется своих сорока долларов в Париже?

Пропало наслаждение заграничной литературной жизнью в запертой голодной стране.

Под этой обложкой человек, который своей короткой жизнью продлил жизнь людей в этой стране, наполнил аптеки, освободил нас от доставания самого насущного.

Эти проблемы ушли из квартир и перешли в кабинеты.

Проблемы перестали быть унизительными.

Появилась борьба с коррупцией, которой мы гордимся.

Борьба с хранением денег в чужих банках.

Отслеживание нетрадиционной любви и тяжелая схватка с геями.

Мало ли что возникает у сытых людей.

Даже войны.

Под этой обложкой человек, который впервые в СССР не обманул, дал каждому то, что тому смертельно недоставало – человеческое существование.

Он сделал наш язык переводимым, книги понятными, нас – гражданами мира.

Заплатил очень дорого.

Заплатил атмосферой ненависти, непонимания вокруг себя.

Вот все, что он получил при жизни и получает до сих пор.

Сегодня идет очень результативная борьба за возвращение прошлого.

За возвращение женщин в литейные цеха.

Хороших новостей в программу «Время».

И в оборону…

Видимо, низы сошлись с верхами.

Когда есть главное, хочется чего-то еще…

Конечно интересно, как будет выглядеть советская власть в новой России!

Настолько трудно себе ее представить снова в этой стране, как представить висячий замок на компьютере.

Гениальный человек дал миру планшет.

Наш гениальный человек дал нам все остальное.

Разница между ними только в том, что наш рисковал и до сих пор рискует своей жизнью.

Может, потому, что многим стыдно за себя.

Да, наши уехавшие выглядят счастливыми.

Но наши оставшиеся перестали быть несчастными.

Все!

Я ему рассказал о нас.

А сейчас он расскажет нам о себе.

Феликс Кохрихт

«Здесь все Европой дышит, веет…»

Так писал Александр Пушкин об Одессе, вдохновившей его на создание замечательных произведений – глав романа «Евгений Онегин», поэм, стихов. Они и стали Грамотой на бессмертие, данной в XIX веке великим поэтом городу, которому в 1823 году было всего 29 лет. «Язык Италии златой звучит на улице веселой…» – это об Итальянской, ныне Пушкинской, где он жил. И далее поэт перечисляет представителей разных этносов, из которых (разумеется, и не только из них) сформировалась общность – одесситы, давшие миру множество ярких личностей, обогативших мировую культуру, искусство, науку.

Нынешней осенью мы вспоминали пророческие слова поэта в Литературном музее и на других площадках, где проходили чтения, дискуссии, встречи с участниками «01 Международного литературного фестиваля в Одессе» – так он был назван в официальных документах. К нам приехали писатели, поэты, критики, журналисты из разных стран, они встречались с одесситами и гостями города – об этом уже много сказано и будет написано.

Закономерно, что первые плодотворные и конкретные переговоры инициаторов проведения международного фестиваля в нашем городе Ульриха Шрайбера (ФРГ) и Ганса Рупрехта (Швейцария) состоялись именно во Всемирном клубе одесситов – с его директором Еленой Павловой.

Одесса и ранее была мостом между народами и культурами. Только за последние годы под эгидой Литературного музея (директор Татьяна Липтуга) и московского журнала «Октябрь» (редактор Ирина Барметова) при помощи АО «ПЛАСКЕ» (президент Олег Платонов) и при участии Всемирного клуба одесситов (пре-

01.
international
literature festival
odessa
01.
міжнародний
літературний
фестиваль
в одесі
01—04 10 2015

А вот кто представлял наш альманах на фестивале: Евгений Деменок – соруководитель клуба «Зеленая лампа» (ВКО), Тина Арсеньева, Ирина Беньковская, Игорь Божко, Елена Боришполец, Анатолий Глущак, Майя Димерли, Влада Ильинская, Ольга Ильницкая, Константин Ильницкий, Анна Костенко, Евгения Красноярова, Александр Мардань, Галина Маркелова, Наиль Муратов, Анна Стреминская, Андрей Хаецкий.

Особая благодарность научным сотрудникам литмузея и нашим авторам Елене Каракиной и Алене Яворской, а также Евгении Юрист (Одесский национальный университет им. Мечникова).

зидент Михаил Жванецкий) прошли представительные международные фестивали, посвященные Одесской литературной школе, творчеству выдающихся писателей и поэтов, входивших в нее. По их итогам наши издания публиковали материалы, специально написанные одесскими участниками и гостями.

И все же форум, собравший востребованных литераторов из многих стран, пользующихся вниманием читателей и критики, авторов, пишущих на самые актуальные и острые темы современности, стал для нас, да и для всех одесситов, серьезным испытанием. Мы поделимся с вами, уважаемые читатели, некоторыми соображениями и выводами, которые сделали в эти дни члены редколлегии и авторы альманаха «Дерибасовская – Ришельевская»: ведь именно наше издание выбрали устроители фестиваля для представления международной писательской общественности среза одесской литературной жизни. Узнав об этом, мы испытали и гордость, и чувство ответственности, и волнение. И каждое ощущение подтвердилось – в той или иной степени.

Гордость. В программном документе фестиваля сказано: «Одесса, самый крупный город Причерноморья, был и является одним из особенных в Европе и целом мире… Издавна открытая сердцем Одесса была границей между Европой и Азией, между Востоком и Западом»… Наша идея, пишут устроители, – «организация такого фестиваля, который охватит не только восточноевропейскую литературу, но и литературу причерноморского региона и… подчеркнет многоцветие этого чудесного портового города».

О том, что это удалось, что общение было плодотворным, свидетельствует решение, принятое организаторами и спонсорами:

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ БУДЕТ И ВПРЕДЬ ПРОВОДИТЬСЯ В ОДЕССЕ.

Уже начата подготовка к очередному, который пройдет с 28 сентября по 2 октября 2016 года.

Чувство ответственности. Мы понимали, что наш альманах вовсе не претендует на статус издания, которое в полной мере отражает все течения и направления сегодняшней литературной жизни Одессы. Отсюда стремление – Евгения Голубовского и мое – по возможности максимально представить наших авто-

ров, работающих в разных жанрах, манерах и стилях, пишущих на разных языках, обладающих разным опытом и литературным багажом. Отсюда и, увы, неизбежный цейтнот – не всем из них удалось прочитать собравшейся аудитории все, что было намечено… В чем я как модератор презентации вижу и свою провинность. Что до произведенного впечатления – не нам судить, хотя отмечу, что Золотой зал музея был полным, и слушали наших авторов со вниманием.

Волнение. Оно сопутствовало нам на всех этапах – подготовки фестиваля, презентации альманаха, да и сейчас не оставляет нас, перерастая в чувство неопределенности. Дело в том, что не известны формат и регламент Второго Одесского фестиваля. Вовсе не обязательно организаторы вновь изберут для участия в нем наше издание и наших авторов. Но если мы, члены редколлегии и издатели, относимся к этому философски, то этого нельзя сказать о писателях, вкусивших роскошь общения с коллегами из разных стран и просвещенной взыскующей публикой, собиравшейся в Золотом зале Литературного музея, а поэты вновь и вновь переживают яркие моменты вечерних тусовок на культовой площадке «Терминала 42»…

Так или иначе, но мы готовимся к следующему фестивалю – каждый по-своему: до осени 2016 осталось меньше года.

Сегодня мы публикуем впечатления от фестивальных дней, записанные сразу же после его окончания Ольгой Ильницкой.

С особым чувством радости от встречи с большим писателем и мыслителем Иоахимом Сарториусом (ФРГ) и гордости за наш город дарим читателям его эссе, посвященное Одессе.

Ольга Ильницкая

Литературные мосты

Первый Международный литературный фестиваль с разворотом плеча в косую сажень прошел по Одессе громко и с последствиями для города, в хорошем смысле этого слова: не часто приходилось мне в Одессе видеть такую «наполненность залов» по преимуществу молодыми людьми, слушающими прозу, стихи, беседы писателей друг с другом и вступающими в прямой разговор со слушателями. Тексты авторы читали на родном языке – с параллельным переводом на русский или украинский языки. Я фотографировала лица внимательные, с напряженным «наклоном слуха», и я еще не видела столько новых молодых и не знакомых мне одесситов и гостей города, и столько иностранных интервьюеров, съехавшихся в Одессу на большой разговор о литературе.

А вдумчивые и вздернутые внутренним напором голоса авторов из Германии, Швейцарии, Болгарии, Австрии, Великобритании, Турции, Ирака, Канады, США, Индии кого не впечатлили, не обратили во внимательного сопереживающего человека, не встрепенули в нем читателя?!

И голоса украинцев – Сергея Жадана, Андрея Куркова и Юрия Андруховича, и русских писателей Виктора Ерофеева и Михаила Шишкина, и авторов разных стран с одесскими корнями, и авторов, проживающих в родной Одессе, – авторов альманаха «Дерибасовская – Ришельевская», в Золотом зале Литературного музея тоже прозвучали.

Модерировали выступление одесских писателей Феликс Кохрихт и (заочно) Евгений Голубовский. Мысленно находясь рядом весь вечер, Евгений Голубовский прислал приветствие фестивалю, и его зачитал Евгений Деменок:

«Да, мы говорим не на русском, мы говорим не на греческом, не на еврейском, не на украинском – мы говорим на одесском языке, в котором есть части всех этих языков.

Для мирового культурного сообщества Одесса открылась как огромного значения культурный город, а может, и целый мир, в начале XX века. Имена Бабеля, Олеши, Багрицкого, Катаева, Паустовского, Ильфа, Петрова – можно продолжать и продолжать… И на всех этих этапах в Одессе поражало немыслимое для остальной России чувство свободы. Об этом писали маркиз де Кюстин, Марк Твен, Луи Арагон… По легенде, после этого литература в Одессе закончилась. Это неправда. Такой пример – Иосиф Бродский, который приезжал в Одессу, который любил Одессу, который посвятил Одессе прекрасное стихотворение, за свою жизнь составил всего два «Избранных» своих соотечественников…

…И Липкин, и Ратушинская – одесситы. И в 30-е, и в 40-е, и в 50-е, и в 60-е, 70-е годы литература в Одессе была. Она не занимала, возможно, столь значительного места, и тем не менее, хотелось бы, чтобы нашлись исследователи, которые прочитали бы внимательно и прозу Аркадия Львова, и стихи Бориса Нечерды, и стихи Юрия Михайлика, Анатолия Глущака, Ольги Ильницкой, Ефима Ярошевского, Анатолия Гланца… Убежден, сейчас мы находимся на приходе новой литературной волны. С ней мы и связываем надежды нашего альманаха «Дерибасовская – Ришельевская».

Елена Павлова на открытии фестиваля сказала: «Счастлива иметь отношение к тому, что проект состоялся! Одесситы тоже славно потрудились!».

Город сразу откликнулся на приезд европейских мастеров фестивального дела и включился в подготовительную программу: Литературный музей, Театр кукол и «Терминал 42», где проходили авторские выступления и круглые столы, предоставили залы. Переводчиками фестиваль обеспечила университетская команда Лидии Голубенко. Переведенные на украинский и русский языки тексты читали актеры одесских театров. За что спасибо всем, не пожалевшим усилий, убежденным, что Одесса тот рычаг, та точка мира – о, дайте только опору! – и мир сдвинется к лучшему! Так что широкий разворот фестивального плеча городу подходит.

Одесситам хотелось еще и еще авторских выступлений, а условия жанра поясняют – на фестиваль не приглашают, на фестиваль подают заявки, и этот момент объясняет, что именно нужно фестивалю. Информация о фестивале поступила в информационное поле города и широкую сеть Интернета за месяц до открытия, это только форточка в фестивальные залы, хочется широко распахнуть двери! Идея фестиваля – идея всемирной значимости литературы, и «Всемирные одесские новости» уже много лет оповещают мир: Одесса город мировой!

А еще было братство писателей-пеновцев и запомнившиеся их выступления, и были беседы в кулуарах с президентом PEN Internetional Джоном Ролстоном Солом и вице-президентом ПЕНа украинского центра Андреем Курковым, выдающимся немецким писателем Иоахимом Сарториусом, написавшим эссе – свидетельство любви к Одессе.

Правозащитная роль писателя и значимость его работы со словом, примиряющим и объединяющим великое разноязычье всего населения земного шара по единому национальному признаку: читатель! – это тема-рефрен всех писательских встреч и бесед за круглыми столами. Появилась мечта выпустить постфактум фестивальный сборник прозы билингвой, перевести на немецкий язык авторов из Одессы, заговорили о возможном портфеле прозы для будущей антологии…

Это все было, и рок-концерт громыхал, и Сергей Жадан с харьковской ска-панк-группой «Собаки в космосе» пели песню «Бийся за неї» из альбома Жадана и «Собак».

…Ах, а как жжет Жадан, как заводит зал, и танцоры отжигают, потому что рок есть рок, не устоять. И да, не остановить пляски под уже узнаваемый голос Сергея! – я впервые лет за десять отплясывала с Бригиттой Войкович, бравшей перед тем у меня интервью и говорившей на серьезные и трагические темы. Но Бригитта танцевала так, что я не удержалась и пошла в пляс, и притихло болевое и страшное, о чем говорили мы минут двадцать тому. Умри, война!

Придумал фестиваль в Одессе писатель Андрей Курков, а инициировали и воплощали проект в жизнь немецкий «мафиози фестивального движения» – основатель берлинского

литературного фестиваля Ульрих Шрайбер и его коллега, швейцарец Ганс Рупрехт.

«Одна из целей фестиваля – подчеркнуть культурное влияние Одессы», – отметил Шрайбер. А Рупрехт добавил, что Одесса с ее потенциалом может стать мостом в Европу. Организаторы фестиваля уже приняли решение о следующем фестивале в будущем году.

Мне привычна идея моста – я сама люблю играть в эту замечательную игру и «ношу в клюве» книги, журналы и рукописи из страны в страну, и участвую в совместных фестивалях с верой, что они служат объединению людей, преодолению вражды и войны. Так что видеть перспективу литературного моста Одесса – Берлин, Париж – Одесса, Одесса – Вена, и далее по всему миру так же вероятно и представимо, как традиционные литературные связи Одесса – Москва и Москва – Одесса. И эти связи делают мир прочнее и надежнее, противостоя «незлым тихим словом» пуле-дуре.

Дело славное, дело прекрасное, мирное и житейское этот пронесшийся по Одессе четырехдневный литературный шквал.

Полагаю, одесский литературный мост нагрузку хорошей литературы выдержит, он тренирован традициями классической и авангардной литературы разных народов, пишущих на языках разных народов мира.

А вот и одно из прямых последствий прошедшего в Одессе на ура фестиваля:

«Наш город стал местом рождения замечательной традиции европейского масштаба – Первый Международный литературный фестиваль, который собрал в Одессе писателей, поэтов, критиков, журналистов из многих стран. Несколько дней чтения, дискуссии, беседы авторов с публикой собирали полные залы.

Организаторы фестиваля приняли решение: отныне проводить его в Одессе. Следующий фестиваль состоится осенью будущего года.

Первые итоги фестиваля подвели 15 октября собеседники журналиста Феликса Кохрихта в программе «Диалоги на Нежинской». Ее можно посмотреть на сайте: http://odessa1.com/live/dialogi-na-nezhinskoy-pervyy.html».

Йоахим Сарториус

Одесса

Рассматривая карту Черного моря

Ребекке Хорн

Здесь серо-зеленым
Азовское море,
картина унылых степей,
где варвары сметали все на пути:
греков, римлян, скифов, сарматов.
Прямоугольнички, их много,
указывают на могилы.
Глубоко под землей погребенные принцессы,
с каждой – уздечки от 49 лошадей
и груда венцов,
только костяшки пальцев
изгрызены
мышами.

Здесь бурый хребет Кавказа, а еще снег,
белые потеки, окаймленные синим,
но побережье – светло-зеленое от пальм,
светлые Сухуми, Батуми
и весело заштрихованные
в прыжке афалины.
А дальше, правее, ты видишь реки –
Дон, Днепр, Кубань –
их устья
с коричневыми ветвящимися сетками,
нерестилища, шельфы.

И корабли, белые и соразмерные,
буравят воды до самой турецкой границы,
до Трабзона и Синопа
(чьими серебряными монетами
похвалялись богини
в серьгах с подвесками),
до гладких дельфинов.

Судоходные линии –
нежно-голубые,
и тянутся все, почти все,
слегка изогнувшись, как к чаше цветка,
к Одессе,
красной точке
под коптящими фонарями набережной.

Что может быть родиной для Одессы?
Не твой взгляд, не эта картинка.
Ею хочет быть затерянное письмо Исаака Бабеля,
полное упреков Овидию:
почему тот писал в Томах о Риме,
а не о Томах.
Может быть, эта печаль городов о себе –
Родина. Жалоба, что великие времена миновали.
Лестницы уже не так грандиозны,
паром обветшал.
Но Черное море могу
описать я
лишь на своем языке.

Черное море? На карте
плавный синий овал,
над которым диковинной тучной кистью
навис коричневый Крым. Что
знали картографы о плавящем зное Истории?
О том, что варвары переплавят
древнейшие племена – в ареалы новых народов?

Знали ль чертежники о городах более ранних –
Ольбии например, богатой
пшеницей, сушеной рыбой, рабами?
Немыслимую красоту создавали ее мастера.
Выставленная в провинциальном музее,
она перевернула наше сознание.

Одесса должна была зваться «Одессос».
Каприз Екатерины Великой –
город-женщина. Скольких
она пропустила через себя?
Что есть красота этого города?
Его замысел? Женщины? Его свет?
Что есть красота этого города?
Знать об упадке. Что он такое.
Все может прийти в упадок.
Дворцы, тела, колонны.

Но Одессу могу
описать я
лишь на своем языке.
На самой вершине лестницы – Урания.
Она омывает город лазурью,
возвращает ему утро.
Жемчужная россыпь сверкает
над камнями гавани –
бетону, моллюскам, морю.
Урания пишет на стекле (стекле духа),
ее прозрачное творение вот: сеть из кристаллов,
оживляемая золотым жезлом.
И, помещенная в средоточье светло-голубой воды,
роза ветров
с ее глубинными потоками и лучами
так себя превозмогает,
что к каждой жемчужине присоединен
большой круг, универсум.

Так разрастается Одесса,
с верхней ступени лестницы,
большой прямоугольник, испещренный деревьями,
через теснины, срывающиеся к кораблям, –
идеальный баскетбольный щит,
играючи воздетый водой,
выброшенный отливами,
под перламутровым орехом
луны в надире.

Одесситы собираются вокруг Урании.
По указке жезла ее
смотрят на гавань,
на ряды кораблей между кранами
у черных шлюзов.
И здесь, на земле, всюду кошки.
Они вылизывают свои узкие красные десны,
чувствуя тяжкий вес времени.
Что есть красота этого города?
Он красив так же, как все мои тайны.
Ночь прыгает из окна,
с платанов на акации, от сверчка
к луне, от дворца Воронцова
к гигантскому темному зеркалу под ним.

Но море на карте,
вечно синее и глубокое,
бездвижно, мертво.
Мы сочувствуем
лишь соли,
что дрейфует сквозь наши сны.
Лишь тлению осетров
там, где дна уже не разглядеть.

Перевод с немецкого Веры Котелевской

Юрий Шуйский

Город и порт Одесса

Физико-географические условия существования крупного порта в Одесском заливе Черного моря в период Средневековья

В современной украинской исторической литературе содержатся попытки доказать, что в XIV-XV веках в Одесском заливе находился крупный торговый порт, а при нем – большой город. Анализ физико-географических условий Одесского залива показал, что это невозможно. Прежде всего, по причине крайне малых глубин возле берега. Неблагоприятной была система течений, морских волн, ледового режима. Высокой была подвижность наносов, море часто прорывалось в лиманы и образовывало довольно глубокие прорвы. Крупные оползни не позволяли вести строительство при тогдашнем уровне техники. Достаточные источники воды и топлива отсутствовали. Нависала постоянная угроза нападения кочевников на открытом пространстве засушливой степи. Ни на одной карте того времени не обозначен данный пункт как крупный торговый порт. Сумма всех этих условий делала невозможным существование достаточно крупного населенного пункта и порта на месте современной Одессы.

Постановка задачи

Судьбы городов, как и людей, бывают разными. Одни города начали свое существование в незапамятные времена, даже древние письмена и глиняные таблички об этом не помнят. В безвестности возникнув, они в безвестности и исчезают. У других судьба счастливая. Даже не имея длительной истории, эти другие города расцветают, становятся столичными, культурными, научными, торговыми и даже промышленными центрами. Такая счастливая судьба была судьбой подарена Одессе, крупному городу и порту,

культурному, научному, промышленному и административному центру с населением более 1 млн чел.

Город Одесса взял себе имя древней греческой колонии Одессос: во времена Екатерины Великой Российскую империю охватила повальная мода на все античное (поэзию, архитектуру, науки, философию, имена и др.). Херсон получил свое имя в память Херсонеса Таврического, Николаев был назван именем богини победы Ники, а Тирасполь – в честь античного названия Днестра. Одесса стала следствием строительства в конце XVIII века нового торгового порта, который планировался для торговых отношений со странами Средиземноморья, Африки, Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии. Одновременно ему была уготована судьба административного центра земель, отвоеванных Российской империей на территории причерноморской степи («Западный Ногай») у Оттоманской империи. Эти земли были названы Новороссией и Южной Бессарабией [2, 5]. Относительно точной даты основания Одессы идут споры, май или сентябрь 1794 г., то ли январь 1795 г. Но это не принципиально, потому что в этих спорах нет отрицания появления совершенно нового города именно в 90-е годы XVIII столетия.

Вместе с тем ряд историков и археологов относят появление Одессы не позже, чем к XIV столетию в виде крупного портового города «Качибей», по всей видимости – украинского. В силу болезненной предвзятости такие авторы во что бы то ни стало хотят, чтобы Одессе было 600 лет [3, 4, 5]. А для этого не брезгуют домыслами, догадками, неаккуратным обращением с фактами, тенденциозностью, а главное – они не учитывают существенные изменения природных физико-географических условий в течение многих веков. Понятно, что для появления и развития Одессы требовалась достаточно сильная экономическая база: совершенная промышленность, машинное производство, возведение фундаментальных построек и на суше, и на море. Но такие работы были недоступны в XIV веке в условиях причерноморской степи, тем более – «украинцам», а у команов и ногайцев жизненный уклад, традиции и обычаи не способствовали строительству городов, да еще портовых. Построение городов и крепостей в те далекие времена требовало также специальных материалов, длительного времени – многие десятки лет, как, например, при постройке Джинестры, Солдайи

Рис. 1. Схема одесского побережья между м. Бол. Фонтан и Бол. Аджалыкским лиманом на Черном море в начале XXI века

или Кафы. Судя по апеннинской традиции в Средневековье, в те далекие времена на пустынных колонизованных берегах генуэзцы и венецианцы устраивали в основном небольшие наблюдательные посты, небольшие замки, причем им всегда давались латинские имена, и соседние посты должны были быть в зоне видимости один другого. Для такого поста были очень удобны высокие, хотя и глинистые, мысы Ланжерон и Сев. Одесский (Рис. 1). Видимо, один из таких постов и мог быть впоследствии назван татарами «Хаджи Бей» (или искаженное славянское «Качибей»), поскольку находился на землях важного татарского сановника возле м. Сев. Одесского, а в районе м. Ланжерон располагался пост Возия.

Но вот 400 лет спустя, в XVIII веке, уровень развития науки и техники уже позволял выполнять даже ряд сложных строительных работ, в том числе землеройные, и гидротехническое строительство на море. Гораздо более точными были гидрографические съемки, основанные на инструментальных методах с применением временной триангуляции. Стали известны более детальные закономерности развития береговой зоны моря, появились более совершенные карты, более совершенное проектирование портов, крепостей и населенных пунктов. Россия, одна из сильнейших европейских стран, активно стремилась к выходу на море и все делала, чтобы закрепиться на Черном море. Принципиально изменилась и возросла производительность труда. Поэтому, в отличие от татарско-ногайского кочевого уклада и возможностей, уже в начале XIX столетия технически более развитая Российская империя смогла преодолеть любые препятствия на пути преобразования суровой природы земель, которые осваиваются. Получается, что созрели со-

циально-экономические условия для возникновения нового торгового порта и города в засушливой Новороссии, на берегу небольшого залива в Черном море, прообраза города-миллионера.

Следовательно, цель данной статьи: выявить физико-географические причины и следствия возникновения и развития морского порта и города Одесса. Для достижения этой цели были решены такие основные задачи: а) рассмотреть краткую историю сведений о «Качибее»; б) выполнить анализ исходной природы берегов и дна Одесского залива; в) оценить общие географические черты залива и его побережий. Таким образом, объектом работы является Одесский залив и его побережье, а предметом – анализ физико-географических условий для возможного строительства гидротехнических сооружений и территории морского порта. Данная работа важна с точки зрения роли физико-географического анализа в исторических и археологических исследованиях. В последние годы применение этого анализа существенно помогло в определении местонахождения античных поселений, торговых центров, памятников. В данном случае физико-географические сведения периода венецианско-генуэзской колонизации на берегах Черного моря использованы для оценки природных возможностей существования крупного морского порта и большого торгового центра на месте современной Одессы.

Обсуждение сведений о городском населенном пункте

Каких-то пару сотен лет прошло со времени реального основания Одессы. И за это время город стал крупнейшим на Черном море портом, наиболее значимым населенным пунктом-миллионером, приобрел всемирную известность. То же должно было сопровождать и «очень значительное торговое место», город и порт «Качибей» в XV веке, но об этом молчат исторические хроники и летописи. А вообще, если задуматься, то разве возраст города определяет его успешную судьбу?

И значит ли, что в старом городе лучше жить, чем в молодом? Так зачем же так упорно ведется поиск признаков, по которым

Одессе может быть 600, 800 и даже 2500 лет? Особенно часто в книгах и статьях встречаются размышления о том, что уже в 1415 г. на месте Одессы был крупный морской порт «Качибей» (искаженное татарское слово «Хаджи Бей»), очень большое торговое место со значительным числом жителей и разносторонними торговыми связями [3, 4, 5]. Но название слишком уважаемое для мусульман, чтобы татары или турки назвали им город.

Возможно ли это, учитывая, что указание на крупный город и порт на месте Одессы в XV веке содержится в единственном документальном источнике? Там, в хронике Яна Длугоша, говорится, что «…в 1418 году польский король Владислав отправил из Качибея несколько кораблей с хлебом к осажденному турками Константинополю». Каких кораблей? Сколько было их? Какое количество хлеба? Были ли такие перевозки постоянными или единичными? Сведений нет. Если бы на высоком берегу на месте Одессы существовал более или менее большой населенный пункт, да еще и морской порт по меркам эпохи Возрождения, то, конечно же, он был бы весьма известным и у татар, и у молдаван, и у литовцев, и у турок, и у поляков, и в целом в Европе. Как Килия, Несебър или Кафа. Однако никаких более-менее подробных сведений о «древней Одессе-Качибее» того века в литературе не встречено.

Дошедшие до нас свидетельства очевидцев ставят под сомнение не только местонахождение «Качибея», но и факт его существования вообще. Нет «Качибея» ни на одной морской карте, что неестественно для морского порта, да еще и крупного. Да и единственный первоисточник весьма сомнителен и является неопределенным, без точного местоположения и описания морского берега. Никто не знает, где находился польско-литовский «Качибей», если исключить его принадлежность генуэзцам и венецианцам. И был ли он вообще польско-литовским? Название явно тюркское, но литовцы, а тем более – поляки, всегда давали заложенному или приобретенному населенному пункту свое название. Почему в данном случае этого не было сделано – можно полагать, во-первых, что пункт не был литовским или польским. Во-вторых, он был весьма незначительным, недостойным даже упоминания – так, типа временного сторожевого поста. В-третьих, об удивительной пустынности побережья Черного моря между устьями Днепра и Днестра

(«Западный Ногай») в конце XIV века сообщают хроники французских монахов-миссионеров, которые возле устья Днепра построили католический монастырь и оказывали влияние на всю Тартарию и на «Дикое Поле». Они наблюдали, что «Западный Ногай» на морском берегу никогда не имел городов [7, 10]. Если бы здесь располагался крупный портовый город «Качибей», то в нем была бы обязательно построена католическая церковь монахов-францисканцев или даже монастырь. Однако в своих хрониках педантичные монахи такой пункт даже не упомянули.

Наиболее серьезным научным трудом о Крымском ханстве, его кочевых союзниках и вассалах эпохи XVIII века считается работа немецкого путешественника Тунманна [10]. Она даже вошла в строго научный географический сборник «Новое землеописание» Антона Ф. Бюшинга (1724-1793 гг.), впервые изданный в Германии в 1759 г. В работе приводится описание Тартарии, Западного Ногая, «территории между Днестром и Южным Бугом в XV-XVIII веках». Еще во времена команов эта приморская земля характеризовалась как «безлесная и безводная плоская равнина, где нигде не найдешь ни дерева, ни куста», «где подолгу нет ни капли дождя, пересыхают реки, а путнику негде утолить жажду». Такая характеристика была и в свидетельствах-хрониках монахов-францисканцев и латинских колонистов из Генуи и Венеции. Именно по причине неблагоприятных физико-географических условий тех веков на степном побережье моря апеннинцы не построили ни одного города, ни одной крупной крепости, в отличие от Крыма, а обошлись замками или мелкими сторожевыми пунктами. Исключение составила Джинестра, но она занимала «обжитое место», да и то в лимане. Традиционно с первых веков после Рождества Христова эта открытая равнинная территория называлась «скифской пустыней», позже – гетской и половецкой пустыней, а в XV столетии – ногайской пустыней. В этой связи вызывает удивление замечание Тунманна [10], что «…неподалеку от устья Днестра, у Черного моря, существовал Качибей, очень значительное торговое место, особенно в литовский период. Главные предметы торговли были зерно и соль» (с. 34). Обратим внимание: не просто значительное, а очень значительное. Свидетельство важное, но вот почему-то не содержащее точного местоположения «крупного

города». И на генуэзско-венецианской навигационной карте не обозначенного. Остается предположить, что некий караван с хлебом из Подолии и Побужья (житницы Польши) по землям Хаджи Бея («святого господина», побывавшего в Мекке) через генуэзский сторожевой пост на мысе Сев. Одесский, или из Возия, был отправлен единоверцам-христианам в Константинополь в качестве вклада в борьбу против турецких иноверцев, завоевателей-мусульман. Окрестные земли прилегали к двум стоячим озерам, в которые впадали три реки («Кугальники») [10]. Эти озера – соляные. Самые богатые солью были Хаджигол («озеро святого господина») и другое, лежащее у прежнего «Качибея». Тут угадывается современный Хаджибейский лиман (но ни литовцы, ни поляки, ни молдаване не воспользовались бы таким названием), то есть озеро Хаджи Бея, а другое озеро – рядом: кроме Куяльницкого лимана, иного озера здесь нет. Получается, что стойбище Хаджи Бея, от которого можно было отправить морской караван с хлебом в осажденный Константинополь, предположительно было и могло находиться на месте современной Крыжановки, в устье Крыжановской балки, где сложился наиболее удобный для причала рельеф, рядом с ближайшим генуэзским сторожевым постом. Редко встречались также и небольшие татарские и ногайские поселки, на 10-15 семей, обычно рыбацкие, которые вели рыбную ловлю и торговали рыбой.

Наличие татарских и ногайских кочевых становищ в «ногайской пустыне» и в «Диком Поле» причерноморских степей было обычным делом. Их расположение на побережье было весьма вероятным, поскольку в неурожайные годы, в периоды мора можно было спастись рыбной ловлей и добычей морепродуктов. Да и жители Восточного и Западного Ногая вели свою весьма скудную заморскую торговлю через дальний Гёзлев (сейчас Евпатория) в Западном Крыму, но не из ближнего «Качибея». Совершенно непонятно при наличии рядом большого торгового порта.

Оставляли путевые записи немногочисленные путники, которые обычно старались обходить суровую кочевую «Дикую Степь». В 1421 г. путешественник Ж. де-Ланнуа составил краткое описание морского берега между Днестровским и Днепровским лиманами. Однако между Мон-Кастро и Очаковом в те годы он не встретил ни одного постоянного населенного пункта. В 1578 г. посланник

польского короля М. Броневский указал на разрушенное «Качибеево городище» (возможно, Никоний или Барабой), но в устье Днестра. Знаменитый турецкий путешественник, который засвидетельствовал суровость климата и пустынность Причерноморья, Эвлий Челеби в 1656 г. описал татарское становище «между устьями Барабоя и Тилигула»: «Здесь на скудных землях некогда паслись овцы Хаджи Бея («Качибея»), он получил их в награду за ревностную военную службу от татарского хана» [7]. Но этот дар относится к концу XV века, когда на этом побережье не было даже следа какого-либо стоящего поселка. Где же здесь непрерывное существование мистического «крупного торгового города Качибея»? Небезынтересно, что уже после образования Новороссии, во второй половине XVIII столетия (1764 г.), Турция обратилась к России со следующей просьбой возродить очень древнюю постройку XV века, которая не являлась крепостью: «…это не что иное, как восстановление и починка бывшего в том месте в древние времена небольшого строения с возведением одной высокой башни для устройства огня для безопасности мореплавателей и выхода кораблей в тамошний залив, да четырех или пяти магазинов для хранения зерна или других припасов, в том краю собираемых и в Константинополь увозимых». А среди древних капитальных строений не было других, кроме генуэзских и венецианских сторожевых постов с маячным огнем по ночам. Остатки одного из них и были использованы для построения Гаджибейского замка.

Местоположение древних поселений, ушедших под землю и на дно залива, устанавливал К.К. Шилик [11]. Им была опробована и доказана применимость своеобразной методики обнаружения этих поселений с использованием вибробурения на суше и на море, а также локатора бокового обзора и профилографа. При обследовании морского берега в Одесском заливе в 1974-1976 гг. Г.И. Иванов и К.К. Шилик произвели зондирование верхнего слоя осадочных пород на пересыпях лиманов Хаджибей и Куяльник и пробурили на дне залива скважины на трех профилях до глубины 11 м. Однако остатков крупного средневекового поселения и морского порта не было обнаружено, начиная от Заводской гавани торгового порта Одесса и до м. Сев. Одесского, как на берегу, так и на дне. Поэтому неудивительно, что даже в 1709 г. шведский подданный Густав

Адлерфельд, проезжая по пересыпи Куяльницкого лимана, возле высокого коренного берега упоминает «ничтожную татарскую деревушку», вероятнее всего – весьма похожую на рис. 2. При этом он даже имени ее не называет, настолько она была незначительна, по-видимому – только кочевое стойбище. Лишь в 1766 г. русский купец И. Исленьев, составляя по просьбе властей рукописную карту турецких, татарских и ногайских поселений в причерноморских степях, зафиксировал наличие небольшого турецкого поселения и построенного в 1764-1765 гг. «Гаджибейского замка» – «малой турецкой крепостцы». Она была названа «Ени-Дунья» и располагалась на открытом месте, без древесной и кустарниковой растительности, на возвышенном оползневом берегу (Рис. 2), над водой залива, между устьями балок Карантинная и Военная в современной Одессе [2, 8]. Судя по данным плана местности будущего города, «крепостца» действительно была скорее «замком». Ее стены ограничивали площадь не более 50×80 м, на фасаде располагались ворота с двумя сторожевыми башнями по углам. К замку прилегали малочисленные постройки, скудные выгоны и пастбища. В разгар войны 1787-1791 гг. ее гарнизон не превышал 300 солдат, офицеров и обслуживающего персонала. Поэтому она была быстро взята

Рис. 2. Натурное изображение древнего турецкого замка (на высоком берегу) и типичного ногайского хутора Хаджибей на месте современной Одессы, предположительно – тогдашнее устье Военной балки. Обращает на себя внимание рыбацкий причал, типичный на одесском побережье Черного моря

частями пехотного корпуса русских войск генерала И.В. Гудовича (с участием отряда сотника А. Головатого). Получается, что и у турок на берегах Одесского залива не было города и крупного порта.

Таким образом, практически невозможным является город и торговый порт «Качибей» (искаженное турецк. «Хаджибей») на берегах Одесского залива. Будучи едва упомянутыми только в одном источнике, какие-либо сведения о «городе» исчезли вплоть до второй половины XVIII столетия. Почти 400 лет спустя турками был построен Гаджибейский замок (поскольку недалеко от Хаджибейского застойного озера), а затем русскими начал строиться город, но уже под другим именем – Одесса, в память об античном Одессосе. В другое время, в других условиях, по другой причине, в другом государстве, в другом месте. Так при чем здесь «Качибей»? Справедливости ради надо сказать, что ни одна книга на тему о «Качибее» не анализирует те физико-географические условия, в которых находилось побережье Черного моря между Днестром и Южным Бугом во времена Возрождения. Как они могли повлиять на строительство «очень значительного города и торгового порта»?

Анализ природных условий

Надо сразу же заметить, что выводы по археологическим исследованиям и при анализе летописной литературы и хроник практически не учитывают изменений окружающей природы. Здесь надо всегда помнить, что в течение веков природа меняется настолько сильно, что может повлиять на выбор мест расположения различных поселений и организации сельскохозяйственных угодий. Относительно упомянутого Яном Длугошем «Качибея» следует, прежде всего, заметить, что 600-650 лет назад уровень Черного моря был на 2-3 м ниже современного. К тому же за эти годы море разрушало и отодвинуло береговую линию более чем на 0,5 км [12]. Поэтому в XIV веке по флангам Одесского залива берег был выдвинут в море далее теперешнего положения, а на морском дне расположились широкие отмели (А, Б), как это можно видеть сегодня на естественном, ненарушенном дне (Рис. 3). Такое геологическое строение и рельеф

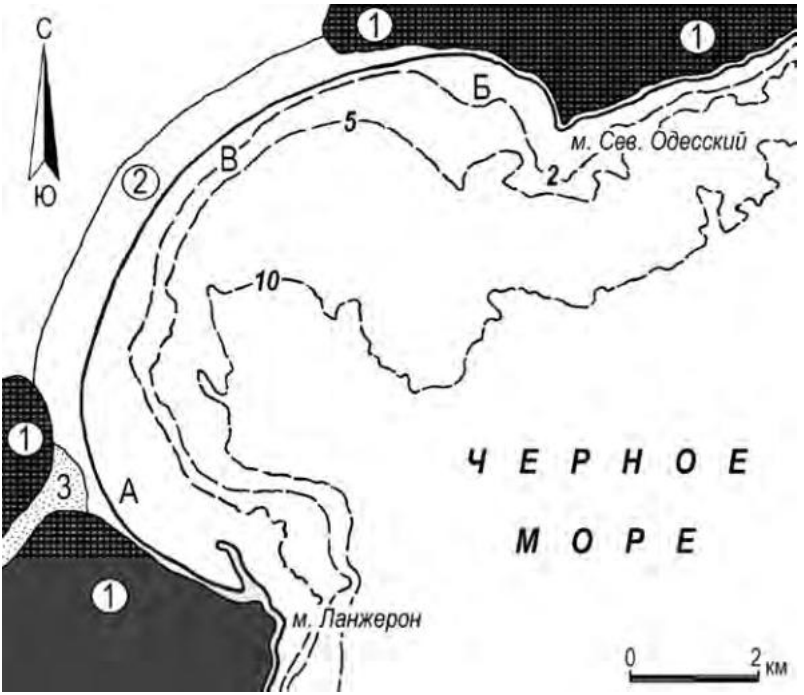

Рис. 3. Берег и дно Одесского залива в XVIII веке. Условные обозначения: 1 – междолинные глинистые плато – приморские водоразделы на Одесском побережье; 2 – широкий песчаный пляж – фронтальная полоса пересыпей Куяльницкого и Хаджибейского лиманов; 3 – расположение Водяной балки. Цифры на штриховой линии – глубины в метрах. А, Б, В – важные участки на прибрежном дне

определены голоценовой историей залива: по мере развития послеледниковой трансгрессии днище пра-Куяльника заполнялось песчано-гравийными и алевритовыми наносами (В), а бортовые склоны долины образовали пологие коренные глинистые бенчи, постепенно срезаемые абразией [12]. С течением времени абразионный врез продолжался, ширина абразионных отмелей росла, на мелком дне оставались известняковые гряды после очередных оползней, а все дно залива продолжало испытывать тектоническое опускание.

Глубина над отмелями достигала всего < 1,0-1,5 м, а мощность сопряженных песчаных пересыпей Хаджибейского и Куяльницкого лиманов увеличивалась. Вероятнее всего, в XIV-XV столетиях пересыпи существовали, а прирастали как со стороны моря, так и со стороны лимана. Но глинистые отмели не позволяли большим лодкам («фелюгам» и «шаландам») подходить к берегу (изображенным на рис. 2). До конца XVIII века ширина отмелей стала превышать 1 км, а глубина увеличилась (рост уровня и тектоническое опускание продолжались). В итоге устройство «Качибея» требовало существенного углубления и надежного закрепления оползневого склона, искусственного насыпания территории, достаточной для размещения портовых и части городских построек и сооружений. В противном случае средневековый «Качибей» XIV века не мог быть сколько-нибудь удобным для строительства причалов и подхода судов и больших лодок к берегу. В то время не было техники, которая могла бы существенно углубить дно (сложенное плотными глинами) ни для большого, ни для малого порта. Но во второй трети XIX века на наиболее закрытом от действия ветров, волн и течений фланге залива началось углубление отмелей, а выкопанная грунтовая масса стала укладываться в виде искусственной террасы у подножья оползневого клифа. Это заметно затормозило оползневые подвижки коренного склона, пригрузило склон, позволило создать территорию для порта, для улицы Приморской, для жилой застройки.

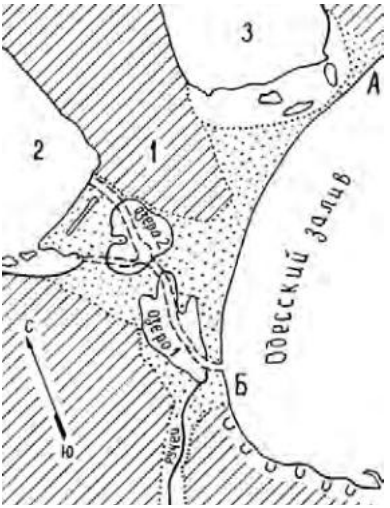

Рис. 4. Песчаные пересыпи Хаджибейского (2) и Куяльницкого (3) лиманов, разделенные межлиманным плато (1). А – восточный угол залива; Б – западный угол залива

На участке берега Б (Рис. 4) на высоких склонах господствовали оползни, не было территории для порта. Любая постройка

здесь разрушалась, а во время шторма подвергалась действию нагона воды, значительному синоптическому росту уровня (до 2 м выше среднего) и ударам прибойного потока. Перенести порт на участок Хаджибейско-Куяльницкой пересыпи было нельзя, это было далеко от места основания современной Одессы – в 5-6 км. При тех портовых сооружениях, которые можно было возвести в XIV веке, песчаный берег и дно пересыпи приводили бы к неоправданно сильной заносимости акватории. Но спустя века, в XVIII столетии, глубины несколько выросли в Одесском заливе (Рис. 3) за счет результативного («относительного») среднего роста уровня моря – примерно на 2 мм/год. Средние глубины были всего на 0,4-0,5 м ниже современных [13]. На участке Б (Рис. 4) также располагался подводный глинистый бенч. На нем обнажались на дне толщи ракушечных известняков неогена. Но такие глубины (2-3 м) уже позволяли подходить к берегу и построенным молам хотя бы гребным судам и рыбацким двухмачтовым баркасам.

Климат в районе Одесского залива 600-700 лет назад характеризовался гораздо меньшими температурами [6]. Тот период был назван «малым ледниковым», поскольку климатические температуры приземной атмосферы составляли до 2,0-2,5°С меньше средних современных по 30-летним скользящим. Конечно, даже по 5-летним разница была больше. В Причерноморье средние зимние были –(4-6)°С, а средние летние 20-22°С в 1380-1440 годах, согласно расчетам по методике Ю.Л. Раунера, А.Н. Золотокрылина и М.Е. Ляхова [6]. Проживание кочевников и рыбаков было весьма неблагоприятным, особенно учитывая отсутствие древесного или угольного топлива и надежных искусственных укрытий. В те же годы суровые зимы были характерными, обычными: экстремально теплые зимы имели повторяемость 20,5% (последние 50 лет XX века – 70%), экстремально холодные зимы повторялись в 63,6% случаев (последние 50 лет XX века – 33,3% случаев) по 30-летним скользящим. Повторяемость дождливого лета была минимальной, а засушливое лето было типичным явлением. Поэтому население лишалось возможности возделывания пищевых культур в условиях исключительно засушливого климата.

Ось Сибирского антициклона была выражена четко и несколько смещена к югу. На этом фоне чаще прорывались холодные воздушные массы на Причерноморскую низменность. Поэтому зимние месяцы были холоднее современных на 2,5-3,5°С, господствовали более сильные циклональные ветры от северо-востока и востока [9]. Это значит, что вдоль ногайского берега Черного моря зимой ледовая обстановка была гораздо более суровой, морской лед появлялся каждый год, а мощность его была значительной. К тому же дополнительное количество льда было речным и приходило из Днепра и Южного Буга. Он набивался большой массой в вогнутость берега А (Рис. 3), а дно и берега Одесского залива подвергались его сильному механическому влиянию.

Установление северо-восточной составляющей ветрового режима и значительное повышение климатической скорости ветра привело к усилению ветровых нагонов морской воды и росту их продолжительности на фланге Б, в «углу» между современным местоположением основного мола нефтегавани Одесского торгового порта и устьем Карантинной балки (Рис. 4). Это значит, что вся береговая территория на этом участке каждый год заливалась морской водой. Происходил прорыв берегового песчаного вала на Хаджибейской пересыпи, а поскольку уровень моря при нагоне и уровень лимана при сгоне часто отличались на > 2-3 м, то формировался большой перепад уровней. При этом во время прорыва вода устремлялась в лиман огромной массой, способной прорыть глубокий пролив, а его русло достигало лимана. Следы таких проливов еще во второй половине XIX столетия четко просматривались на картах, а сегодня четко видны на геологических разрезах.

Следовательно, колебания уровня Черного моря, суровый волновой режим, холодная зима, засушливое лето и реальный риск выращивания овощей и фруктов, высокая подвижность прибрежных наносов, активная оползневая деятельность, широкие отмели как препятствие судоходству, отсутствие достаточных запасов пресной воды и местного топлива, открытость территории и враждебность кочевых племен, их религия, отсутствие у местных племен интереса к морю и морскому хозяйству – все это вместе взятое направлено против появления в XIV-XV столетиях «очень значительного» города и торгового порта при нем.

В связи с этим наиболее вероятным является то, что Ян Длугош не был свидетелем «Качибея», а сделал свою запись со слов других людей, не столь уж аккуратных в своих сообщениях. В то время стремление закрепиться в татарских и ногайских степях сильно владело Литвой и Польшей. При этом как может литовский или польский город иметь имя «Качибей», созвучное с татарским или турецким именем «Хаджи Бей»? В данном случае похоже на то, что «Качибей», или даже «Качибеево», – это более позднее тюркское искаженное имя, скорее всего, на славянский лад. Однако в Одесском заливе, где была позже основана Одесса, татары никогда не строили городов и портов.

Но если исходить из того, что груз зерна в Константинополь был направлен, то как и на чем? В тот XIV век в Европе только зарождалось «настоящее» судостроение, еще не были построены морские корабли, способные совершать далекие плавания с грузом. Еще и мечты не было о кругосветных плаваниях, а в 1415 г. Генрих Мореплаватель еще не создал свое «конструкторское бюро». Торговые плавания совершались не на кораблях, а на больших лодках, типа тех, которыми пользовались викинги или арабы. Поэтому, вероятнее всего, что таким «кораблям» достаточными были временные пирсы, подобные показанному на рис. 2, а не портовые причалы. Такая методика применялась на черноморских берегах Украины еще совсем недавно – до 50-60-х годов XX века на рыбопромысловых пунктах («причалах»), которые обслуживали ставные сети («ставники») для прибрежного рыбного лова. На каждом таком пункте в морское дно забивались обычно деревянные сваи, на них делался дощатый настил, по настилу укладывались рельсы, по рельсам ездила небольшая вагонетка. Сваи выдвигались обычно на глубину до 1,5-2,0 м, в ложбину между первым и вторым подводными валами. Этого было достаточно, чтобы причаливала большая лодка – шаланда, баркас или фелюга с грузом рыбы, как можно видеть на рис. 2, а вагонетка отвозила в десятках ящиков рыбный товар на берег, в «рыбный лабаз». Во время штормов эти лодки лебедкой вытаскивались на берег. А на зиму с настила снимались и рельсы. Как правило, зимой и ранней весной такой причал разбивался ударами штормовых волн или срезался льдом, который был особенно

частым и мощным в XIV веке. Сооружение было простое и дешевое, поэтому оно почти каждый год восстанавливалось заново или ремонтировалось. Рыбопромысловый пункт обслуживался бригадой до 15-25 рыбаков на 3-5 лодках. И не нужно никакого «крупного города и порта», чтобы зерно на нескольких шаландах или баркасах отправить в Константинополь.

Выводы

Анализ имеющейся информации о возможном средневековом предшественнике Одессы и использование при этом физико-географических данных позволил сделать следующие основные выводы.

1. Письменные и материальные свидетельства эпохи Возрождения в Восточной Европе упоминают возможность нахождения крупного города и торгового порта «Качибей» на берегах Одесского залива Черного моря. Это название ассоциируется с восприятием тюркского «Хаджи Бей», а потому возникшим позже турецкого завоевания прилегающей к морю территории. Анализ свидетельств и реконструкций показал их ненадежность. Поэтому нет серьезных оснований считать «Качибей» предшественником Одессы.

2. В эпоху Возрождения, во время XIV-XV веков физико-географические условия Одесского залива, прежде всего гидрометеорологические, отличались от современных. Их совокупность делала невозможным существование крупного морского порта, о котором нет сведений на навигационных картах того времени. Поэтому «Качибей» надо относить к пунктам незначительным, спорным, о котором не было достоверных упоминаний почти 5 веков, а потому не связанных с современной Одессой.

3. Описана методика отправки груза морским путем на Черном море с временных пирсов, а не от портовых причалов. В этой связи нет необходимости в наличии крупных морских торговых кораблей (типа «каравелла» или «фрегат»), в наличии «крупного порта» на берегах Одесского залива, открытых всем ветрам, где море было мелководным, зимой ледовая и штормовая обстановка весьма суровая, отсутствовали источники воды и топлива, а местность не была защищена от многочисленных врагов.

Литература

1. Агбунов М.В. Античная география Северного Причерноморья. – Москва: Наука, 1992. – 223 с.

2. Атлас А. Старая Одесса: ее друзья и недруги. – Одесса: Ласми, 1992. – 208 с.

3. Болдырев О.В. Одесі – 600! – Одеса: Юг, 1994. – 72 с.

4. Гончарук Т.Г. Історія Хаджибея (Одесса). – Одесса: Астропринт, 2004. – 133 с.

5. Загоруйко В.А. По страницам истории Одессы и Одесщины. – Одесса: Облиздат, 1957. – 156 с.

6. Изменчивость климата Европы в историческом прошлом // Сб. научн. работ: Отв. ред. А.Н. Кренке. – Москва: Наука, 1995. – 223 с.

7. Муха Б.Б. О книге Эвлия Челеби «Книга путешествия»: описания земель Украйны (провинции Речи Посполитой) и Молдавии в XVII веке // Вюник Одеського нац. університету. Географічні та геологічні науки. – 2009, т. 14, вип. 16, с. 119-133.

8. Смольянинов К. История Одессы // Записки Одесск. Об-ва истории и древн. – 1853, том III, с. 2-349.

9. Современные глобальные изменения природной среды // Отв. ред. Н.С. Касимов и Р.К. Клиге. Том 1. – Москва: Научный мир, 2006. – 696 с.

10. Тунманн К.Ф. Крымское ханство. – Симферополь: Таврия, 1991. – 96 с.

11. Шилик К.К. К палеогеографии Ольвии // Ольвия. Сб. научн. работ: Отв. ред. С.Д. Крыжицкий. – Киев: Наукова думка, 1975, с. 51-91.

12. Шуйский Ю.Д., Выхованец Г.В. Эндогенные процессы развития аккумулятивных берегов в северо-западной части Черного моря. – Москва: Недра, 1989. – 198 с.

13. Шуйский Ю.Д., Выхованец Г.В., Иванов Г.И. и др. Исследование литодинамических процессов в береговой зоне северо-западной части Черного моря. Рукопись // Заключительный отчет по теме 14.02.525: № гос. рег. 01870083023. – Одесский государственный университет им. И.И. Мечникова. – Одесса, 1988. – 160 с.

Андрей Добролюбский, Лариса Пикановская

Археологические поиски в песках Ланжерона

Прошлым и нынешним летом мы продолжили археологические поиски на Ланжероновском мысу, начатые в позапрошлом году (см.: Дерибасовская – Ришельевская, кн. 59, с. 22-25). К этому времени единственный сохранявшийся участок у дельфинария «Немо», который ранее оставался доступен для раскопок, был, увы, полностью уничтожен строительством автостоянки. В сущности, наша деятельность оказалась стихийно приуроченной

У дельфинария, разрез. 2013 г.

к апогею масштабных «благоустроительных» работ по всей территории мыса. С точки зрения археологического поиска это оказалось весьма продуктивным – при обильном и повсеместном рытье «благоустроителями» всевозможных ям, траншей и котлованов на поверхность извлекались остатки древней посуды и иных изделий. В результате нам удалось собрать довольно обширную археологическую коллекцию, пожалуй, почти «всех времен и народов». Подавляющее большинство находок – сотни экземпляров керамики – происходило из строительных отвалов в районе бывшего водолазного центра, ресторана «Хуторок» и паркинга дельфинария «Немо». Это позволяет уверенно полагать, что здесь в античную эпоху существовало довольно крупное поселение. А в XVIII веке здесь также был какой-то поселок – видимо, окраина турецкого Хаджибея. Оба поселения были уничтожены в результате оползней, при террасировании и нивелировке прибрежных склонов, а также при перманентном строительстве бесчисленных увеселительных заведений в XIX-XX веках. Их археологические следы в виде остатков керамики оказались в перемешанных поздних слоях.

Самыми древними из найденных нами изделий оказались три каменных растиральника для зерна, а также несколько кремниевых орудий, обнаруженных довольно компактно. Не исключено, что перед нами находки так называемого «киммерийского времени» (X-VII вв. до н. э.). Из находок античной эпохи выделяется хорошо сохранившаяся петлевидная ручка и часть тулова чернолакового древнегреческого килика, которая довольно убедительно датируется серединой VI в. до н. э. А остатки керамики V-III вв. до н. э. – амфор и кухонной посуды – насчитываются десятками. Имеются также несколько выразительных фрагментов сосудов римского времени (первые века н. э.).

Не меньшую часть нашей коллекции составляют обломки средневековой керамики. Одним из наиболее ярких является осколок импортного расписного глазурированного сосуда (так называемая «люстровая» керамика) иранского производства середины XIV века. Большинство же находок – турецкого производства, с зеленой, желтой и коричневой поливой (типов «Изник» и «Кютахья»). Они относятся ко второй половине XVIII века –

времени турецкого Хаджибея. Такие находки также исчисляются десятками. Помимо этого имеется немереное количество обломков посуды XIX века. В сущности, в подобных находках не было ничего особенно неожиданного – они встречаются повсеместно на одесском побережье.

Стенки амфор

Территория же самого пляжа Ланжерон оказалась как бы отдельной зоной поиска, поскольку сегодня она представляет собой искусственную насыпь у кромки коренного берега. Эта насыпь, образованная намывным песком, тянется вдоль побережья. Песок начал сюда завозиться при масштабных строительных работах по укреплению одесского побережья и спасения его от бесчисленных оползней. Это происходило в первой половине 1960-х гг.

Окатанная керамика. Ланжерон, 2014, песок

Ручка килика, VI в.
Ланжерон, у ресторана «Хуторок»

Хорошо известно, что одесское побережье медленно, но неотвратимо отступает от наступающего моря со времени основания Одессы. Изначально оно было обрывистым, с постоянными оползнями. Его укрепление в районе порта началось еще при де Волане и продолжалось на протяжении всего XIX века. Это знают не только геологи и все население города, но и мировая литература.

Средневековье. Ланжерон

В 1820-е годы молодой Пушкин стремительно сбегал к морю с обрыва в районе нынешнего Приморского бульвара, а в начале XX ст. молодой Жаботинский ходил на пляж прямо с Дерибасовской по нынешней улице Гоголя и радостно купался и катался с девушками на лодке по Арбузной гавани. А ныне эти склоны закреплены портовыми сооружениями, и вся Приморская улица насыпная. В обрыве оказалась и большая часть бастионов Хаджибейского замка, найденного нами в свое время у Воронцовского дворца.

К началу XX века отступление коренного берега в центральной части города удалось приостановить, хотя и здесь он за предшествующее столетие отступил на 20-25 м. А остальная часть обрывистого побережья продолжала беспрепятственно оползать. Прямо над Ланжероном оползла в обрыв вся правая сторона улицы Черноморской. Так продолжалось по всему побережью до 1960-х гг., когда начались упомянутые строительные работы по его повсеместному укреплению и благоустройству.

Такое укрепление осуществлялось нивелированием и искусственным террасированием береговых склонов, засадкой их деревьями и кустарниками. А также сооружением бетонных молов, волноломов и созданием искусственных песчаных пляжей из привозного песка. Так были обустроены пляжи Ланжерона, Отрады, Малого Фонтана (пляж «Дельфин»), Аркадии и Большого Фонтана. В 1960-х гг. эти работы были выполнены впервые, и в последующие десятилетия пляжи лишь периодически поддерживались в рабочем состоянии. Песок завозился исключительно с Одесской банки – обширнейшей песчаной отмели, которая простирается на запад от оконечности Кинбурнского полуострова и заканчивается напротив Одесского залива. Она отстоит от побережья примерно на 15-50 км. Это было наиболее целесообразно из производственных соображений – отмель,

образованная намывами из бассейнов Днепра, Южного Буга, Тилигула, Куяльника, Хаджибея и других рек, представляет собой обширнейшее естественное хранилище морского и речного песка. Его изъятие оттуда производилось, в частности, и для расширения и углубления фарватера. Поэтому, когда в сентябре-октябре 2007 года возобновились реконструкция и укрепление одесских пляжей, песок на них стал завозиться все с той же Одесской банки. Делалось это с помощью специальной техники (самозагружающийся рефулер ХАМ 318) между траверсами № 1-2. Тогда непосредственно на Ланжероновский пляж песок был намыт в объеме 32 000 куб. м. Забор этого песка (согласно справке Управления инженерной защиты территории города и развития побережья № 02-1109 от 10.02.2015 г.) производился на площади 185,5 га. Совершенно ясно, что искусственные пляжи от Ланжерона до Большого Фонтана образованы песком, привезенным в последние годы с Одесской отмели. Этот же песок, как и ранее, использовался и для изготовления бетонных укреплений – молов, плит и волноломов, в том числе и всей набережной в районе дельфинария «Немо».

Все находки в песке Ланжероновского пляжа были нами сделаны в процессе сплошного археологического обзора коренного берега мыса, где были найдены упомянутые обломки посуды античного и турецкого времени. Поэтому сначала они не привлекли нашего специального внимания и воспринимались просто как переотложенные эрозийными и оползневыми береговыми процессами, а также в результате разрушения склонов и берега непрекращающимся строительством набережной, гостиниц, автостоянок, ресторанов, кафе и других увеселительных заведений. Находки фрагментов «из песка» отличались от фрагментов с коренного берега лишь своей выраженной обкатанностью и обмытостью. Разумеется, они были и худшей сохранности, чем «береговые», и в массе своей менее выразительны. Однако среди них имелось и множество достаточно индикативных экземпляров. Они позволяли видеть, что состав «песчаных» находок хронологически соответствует «береговым». Получается, что вся античная и средневековая обкатанная керамика была завезена сюда вместе с песком с Одесской отмели осенью 2007 года.

Это означало, что на отмели было античное поселение. И тогда мы решили интенсифицировать поиски – следовало перебрать руками весь, по возможности, песок на этих пляжах. Чем мы, в сущности, и занимались на протяжении пляжных сезонов последних двух лет.

У нас стихийно оказалось множество добровольных помощников и консультантов – постоянных, периодических, эпизодических и случайных посетителей пляжа, детей и взрослых. Среди них нашлись подлинные энтузиасты. Очевидно, здесь сработала стихийно использованная нами методика Тома Сойера, героя знаменитого романа Марка Твена, которую он изобрел при покраске забора. Эту методику мы с Олегом Губарем отработали еще двадцать лет тому. Тогда, начав рыть яму у оперного театра лишь втроем, мы за несколько дней обрели десятки помощников-энтузиастов. Люди за лопатами стояли в очереди. Так и сейчас, доброхотов оказалось немало. Немалую помощь нам также оказывала и администрация пляжа, уборщики мусора, аквалангисты дельфинария и ныряльщики за рапанами. Последним мы обязаны многочисленными и бесценными сведениями об археологическом состоянии морского дна в припляжных водах на расстоянии до 300 м. В общем, наши поиски снова обрели форму подлинно «народной археологии». В результате удалось собрать довольно обширную коллекцию из песка, которая отчетливо разделяется на две хронологические группы – античное (VI-IV вв. до н. э.) и турецкое (XVI-XVIII вв.) время.

Сам факт обнаружения в песках Ланжерона множества фрагментов посуды античного времени, привезенных с Одесской отмели, – это самый приятный и любопытный результат наших поисков. Он лишний раз доказывает, что отмель тогда возвышалась над поверхностью моря. И на ней напротив Одесского залива существовало античное поселение. И его археологические остатки вместе с песком этой отмели оттуда извлечены, перевезены и высыпаны для нас на пляж Ланжерон.

Среди многих десятков керамических находок преобладают, разумеется, обломки амфор, но встречаются также и фрагменты чернолаковой посуды, а также бесформенные обожженные сгустки глины – полуфабрикаты или отходы, сероглиняные

Ланжерон. Два шара

и светлоглиняные – свидетельства местного производства соответствующей керамики античного времени. Интересно также обнаружение обломков античной керамики в бетонных плитах – бетон изготавливался здесь же, на месте, из песка, привезенного с Одесской банки.

Среди изделий античного времени особую радость нам доставила неожиданная находка в песке у входа на пляж под «Двумя шарами» продолговатого амулета в виде скарабея, изготовленного из гематитового железняка, или так называемого «кровавика». Судя по контексту находок, скарабей также относится к античному времени. Если это так, то пребывание скарабея на одесском побережье обеспечивает, несомненно, очень сильную магическую защиту этой местности. Ибо общеизвестно, что скарабеи, изготовленные из гематита, в Древнем Египте считались одними из самых сильных защитных талисманов.

Изначально скарабей ассоциировался с богом Хепри, воплощением которого было восходящее солнце – символ постоянного

Тот самый скарабей

возрождения. Считалось, что этот маленький жук повторяет путь солнца: подобно тому, как солнце совершает путешествие по небу, излучая свет и тепло, создавая условия для возрождения жизни во всем сущем, скарабей перекатывает свой шар с яйцами с востока на запад, пока зародыши не созреют и не родятся на свет. Поэтому он был символом жизненной силы, воскрешения, движения вперед.

И если это так, то мы не напрасно два года перебирали руками упомянутые 32 000 тонн песка. Ведь, как знать, быть может, по какому-то капризу Великих Богов именно наш гематитовый скарабей «прикатил» сюда «Два шара» и установил их при входе на солнечный Ланжероновский пляж. С тем чтобы они надежно его защищали от любых невзгод.

Ева Краснова, Анатолий Дроздовский

Исаак Эммануилович Бабель

Неожиданная находка

Биография великого одессита Исаака Эммануиловича Бабеля подробно изучена самыми разными исследователями. О нем написано множество статей, монографий, книг, мемуаров – очень авторитетными одесскими и столичными авторами. Мы тоже слегка прикоснулись к бабелевской теме, описав в статье «Роль земледельческих машин в судьбе И. Бабеля» уникальную находку – доселе никому не ведомый рекламный бланк фирмы Эммануила Бабеля, где четко прописаны производства, с которыми он сотрудничал (Дерибасовская – Ришельевская, № 44), и еще много интересного.

Наша новая уникальная находка, на сей раз фотографическая, заставила нас вновь заняться поисками вокруг И. Бабеля. Неожиданно нам попалась выпускная виньетка в тяжелой золоченой раме Одесского коммерческого училища имени императора Николая I за 1911 год.

Среди фотографий 27 выпускников и 18 преподавателей сразу бросился в глаза снимок будущего писателя Исаака Бабеля.

Виньетка выполнена известным в городе маститым фотографом, который «по высочайшему повелению» пожалован был званием «личного почетного гражданина Одессы», Иосифом Шнейдером, фотосалон которого находился всегда в самом центре Одессы, в этом году – на улице Екатерининской, 19, вблизи Дерибасовской. Наград мастера на паспарту его фотографий, в том числе и личных благодарностей высочайших особ Российской империи, множество. Это члены российского императорского дома: «ее императорское высочество великая княгиня Александра Иосифовна, его императорское высочество великий князь

Выпускъ учениковъ Одесскаго
Коммерческаго
училища
19[illegible]г.

Константин Константинович, ее высочество принцесса Е.Г. Саксен-Альтенбургская и прочие». Лестных отзывов и благодарностей фотография И. Шнейдера удостоена от «члена Государственного совета А.А. Сабурова, его сиятельства князя А.Е. Гагарина, господина президента Французской Республики, короля английского, царя болгарского, греческого королевича Андрея и других высокопоставленных особ». Интересно, что в разряд «других» попал со временем одесский градоначальник граф П.П. Шувалов, после того как перестал занимать этот пост в Одессе.

При этом в рекламе заведения Шнейдера сказано: «Цены умеренные. Исполнение аккуратное и добросовестное. Срочные заказы в 24 часа».

Фотографу в оформлении виньетки помогал очень интересный художник – И.А. Шклявер. Иосиф Акимович Шклявер (1871-1941) учился в Одесской рисовальной школе, затем в 1902-1909 годах в Академии художеств в Санкт-Петербурге. Вернувшись в Одессу, Шклявер преподавал в средних учебных заведениях графическое искусство и чистописание, участвовал во многих городских выставках. Его работы успешно продаются по сей день на художественных аукционах.

Видимо, для художника украшение виньетки было подработкой, как сейчас говорят – «халтурой». В заглавии виньетки Шклявер разместил символ торговли, крылатый жезл – кадуцей – бога торговли Меркурия (Гермеса). Шрифт заглавной надписи и некоторые элементы рисунка выполнены в древнерусском стиле. Портреты учеников и преподавателей обрамлены растительным орнаментом.

А теперь логично было бы рассказать об учебном заведении, в которое И. Бабель попал по желанию своих родителей, мечтавших видеть его успешным коммерсантом. Однако в № 61 альманаха «Дерибасовская – Ришельевская», вышедшего весной 2015 года, появилась обстоятельная статья заместителя директора Одесского литературного музея по научной работе Алены Яворской по истории создания и работе Коммерческого училища в Одессе.

Поэтому, чтобы не повторяться, расскажем лишь об аспектах, связанных с фотографической виньеткой и изображенных на ней преподавателях и соучениках И. Бабеля.

Здание Коммерческого училища в начале Преображенской улицы

Коммерческое училище – первое на юге Российской империи такого рода заведение – было создано в 1862 году по инициативе одесского купечества и поначалу размещалось в наемных помещениях. Лишь в 1877 году по проекту архитектора Феликса Гонсиоровского было выстроено собственное здание прекрасной архитектуры в начале Преображенской улицы (№ 8).

Два красивейших внутренних вида Коммерческого училища, наперебой расхваленного многими путеводителями по Одессе, фотограф И. Шнейдер разместил на виньетке. На одном снимке – парадная лестница «из мрамора в три марша, с широкой площадкой между ними, и круговая с арками и пилястрами открытая лоджия в верхнем этаже». На другом снимке – актовый зал с внушительной мраморной скульптурой императора Александра II, выполненной по специальному заказу одесского купечества «во весь рост, в царской мантии, со скипетром и жезлом в руках». Скульптура водружена на постамент и обрамлена бархатной драпировкой. Император Николай I, имя которого было присвоено училищу, удостоился надписи на фронтоне здания «В память

императора Николая I» и живописного портрета в полный рост, в разные годы размещавшегося на разных стенах актового зала.

И. Бабель

Кроме того, на фронтоне была хорошо различима надпись, что училище учреждено одесским купечеством. Как и в других коммерческих училищах Российской империи, в Одесском коммерческом училище Николая I еврейская квота была равна проценту бюджета учебного заведения, поставляемому еврейским купечеством Одессы, то есть была велика. Однако большой наплыв желающих получить коммерческое образование в торговом городе Одессе составлял определенную конкуренцию при поступлении.

Плата за обучение в таком учебном заведении была установлена поначалу в 60, затем в 100 рублей, на рубеже веков попечительский совет училища, состоявший из крупнейших одесских купцов, повысил плату до 125 рублей, а отцу И. Бабеля уже пришлось вносить 135 рублей в год за обучение сына коммерческим наукам.

В своих автобиографиях, составленных в разные годы, Исаак Эммануилович поминает свое учебное заведение добрыми словами:

«Там обучались сыновья иностранных купцов, дети еврейских маклеров, сановитые поляки, старообрядцы и много великовозрастных биллиардистов.

На переменах мы уходили бывало в порт на эстакаду или в греческие кофейни играть на биллиарде, или на Молдаванку пить в погребах дешевое бессарабское вино».

Порт и эстакада находились вблизи училища, не было недостатка и в греческих кофейнях поблизости. Однако трудно себе

представить, сколько длились перемены в училище, если учащиеся успевали сбегать на Молдаванку, а путь туда занимал не менее 20 минут быстрым шагом, насладиться вином и вернуться в alma mater к следующему уроку. Видимо, эти походы совершались после окончания занятий, и Бабель немного слукавил.

Фотография 17-летнего Бабеля на виньетке, как и его соучеников, была повторена фотографом И. Шнейдером в кабинетном, или визитном формате, по традициям того времени. Нам известны аттестаты многих учебных заведений Российской империи, в том числе и Одесского коммерческого училища, к которым прикреплялся специальными нитками снимок визитного формата с портретом выпускника. Видимо, снимок, выполненный фотографом Шнейдером, прикреплялся к аттестату И. Бабеля, и вот уже много лет приводится в многочисленных трудах о детстве и юности будущего писателя. Многие соученики Исаака Эммануиловича, что видно из фотографий на виньетке, выглядят значительно старше его.

Воспоминания о совместной учебе с Бабелем и дружеских отношениях с ним в течение его недолгой жизни «Мы были знакомы с детства» («Воспоминания о Бабеле», «Книжная палата», Москва, 1989 год) оставил Мирон Наумович Берков, который много лет сидел за одной партой с Бабелем. Фотография юноши с пробором М. Беркова размещена на виньетке правее фотографии И. Бабеля. В отличие от Исаака Эммануиловича, Мирон Берков окончил училище с отличием, получил звание коммерции советника и работал после окончания в конторе Русского колониального общества в Одессе, позднее обосновался в Киеве. Школьные друзья неизменно посещали друг друга, оказываясь в одном городе. Бабель, работая над сценарием фильма по произведению «Как закалялась сталь» для Киевской киностудии в 1937 году, несколько месяцев прожив в Киеве, часто навещал друга детства. Это были их последние встречи. Мирон Наумович пишет, что, приехав в Москву в 1939 году, он узнал, что И. Бабель арестован.

Заметим «в скобках», что Исаак Эммануилович в 1920-1930-е годы для заработка писал сценарии для многих фильмов. Так, например, в нашей коллекции сохранился почтовый конверт, «прошедший почту» внутри Киева в 1928 году, на котором

стоит рекламный штамп фильма «Джіммі Хіггінс» за сценарієм Бабеля та романом Е. Сінклера». Подобная реклама на конвертах, отправляемых по почте, была разрешена властями в 1924 году.

Но вернемся к разговору о школьных товарищах И. Бабеля. Еще один известный нам друг и одноклассник Бабеля – Исаак Леопольдович Лившиц, который, в отличие от М. Беркова, так и не написал воспоминания о своем друге, сколько ни уговаривала его вдова Бабеля Антонина Николаевна Пирожкова. Однако в 2007 году, через много лет после смерти И. Лившица, опубликованы письма Исаака Бабеля Исааку Лившицу с 1923 по 1940 год из личного архива семьи Лившиц. Исаак Лившиц был верным другом писателя, его поверенным в личных делах, доверенным лицом в вопросах книгоиздания. Письма великого писателя другу наполнены обычными житейскими заботами, тревогами о здоровье родных, собственном нездоровье, жалобами на безденежье. Но наряду с этим он серьезно писал о своей работе, о литературных планах, что было для него главным и составляло смысл жизни.

М. Берков

И. Лившиц

С. Грубер

Кроме писем сохранились книги И.Э. Бабеля с теплыми дружескими дарственными надписями, как, например: «Милым Лившицам вечным друзьям». Хранить письма и книги репрессированного друга было очень рискованно, но, видимо, уничтожить память о близком человеке Исаак Леопольдович не мог, несмотря на нависшую нешуточную опасность.

Остались устные воспоминания Исаака Леопольдовича, записанные в начале 1970-х годов литературоведом С. Поварцовым, в которых он говорит, что с Бабелем подружился во втором классе. А в седьмом классе будущий писатель «со товарищи» пытался издавать рукописный литературный журнал, что было в те времена в порядке вещей. К Буденному оба Исаака собирались вместе, но Лившица не пустили родители, а Бабель уехал. Фотографии Лившица и Бабеля на выпускной виньетке расположены рядом, как бы касаясь друг друга.

Вероятно, приятельствовал юный Бабель с Абрамом Крахмальниковым – сыном владельца крупнейшей в Одессе фабрики сладостей братьев Крахмальниковых. Дружба прервалась в «окаянные дни» в связи с отъездом купеческого семейства в полном составе в США.

Арон Вайнтрауб также входил в круг общения Бабеля, во всяком случае, известна фотография четырех учеников старших классов Коммерческого училища: И. Бабеля, И. Лившица, А. Крахмальникова и А. Вайнтрауба.

Дружил ли Исаак Эммануилович со своим однокашником Соломоном Ильевичем Грубером, сыном купца 2-й гильдии, мы утверждать не беремся. Но его снимок на виньетке

соседствует со снимком Бабеля. По непостижимому стечению коллекционных обстоятельств, в нашем одесском собрании есть аттестат Соломона Грубера, согласно которому он «удостоен звания личного почетного гражданина, кандидата коммерции и награжден золотой медалью». Аттестат выдан 3 июня 1911 года, скреплен печатью училища и подписями председателя попечительского совета купца 2-й гильдии М. Крапивина и нескольких членов, директора училища А. Вырлана, инспектора М. Заборовского, секретаря педагогического комитета Г. Вандрачека.

Затронув тему попечителей и руководителей учебного заведения, перейдем к рассказу о преподавателях коммерческого училища, которые внесли некий вклад в становление личности будущего писателя.

Портрет директора училища действительного статского советника Александра Васильевича Вырлана помещен во главе виньетки. Он был опытным педагогом, поначалу преподавал историю в 4-й гимназии, а с 1896 года в коммерческом училище, которое со временем возглавил. Возможно, Вырлан был хорошим администратором, но как преподаватель истории он не нравился, по словам М. Беркова, И. Бабелю, так как излагал свой предмет сухо, не отступая от текста в учебнике.

Справа и слева от директора инспекторы училища: статский советник Мечислав Владиславович Заборовский, чья подпись стоит под коллекционным аттестатом, и статский советник Павел Андреевич Искра. В обязанности инспектора входило наблюдение за нравственностью и поведением учащихся. Как и директор, инспектор жил в помещении училища. М.В. Заборовский проработал много лет в училище преподавателем и лишь потом занял должность инспектора.

Интересно, что П.А. Искра в свое время был преподавателем русского языка и много лет с начала 1890-х годов до середины 1900-х инспектором коммерческого училища, но к 1911 году он в этой должности не состоял. Видимо, его поместили на виньетку, учитывая заслуги перед учебным заведением и то, что он был инспектором тогда, когда выпускники 1911 года только начинали учиться.

Павел Андреевич был неординарной фигурой среди преподавателей и научных работников Одессы. Потомок гетмана П. Полуботка, он написал в 1873 году кандидатскую диссертацию по окончании историко-филологического факультета Новороссийского университета на тему истории казачества и его взаимоотношений с властями. Это была первая и одна из немногих работ на такую неблагодарную в те времена тему.

В коммерческом училище преподавали законоучители: православного, римско-католического и иудейского вероисповедания. В центре виньетки снимок православного священника, с 1908 года настоятеля Александро-Невской домовой церкви при Одесском коммерческом училище Николая Алексеевича Чудновцева. Как и И. Бабель, бывший законоучитель был репрессирован властями в конце арестных 1930-х годов.

Слева от православного священника размещена фотография католического священнослужителя Филиппа Яковлевича Беккера, служившего в Новом костеле во имя святого Климента на Балковской улице угол Выгонной (ныне – Заньковецкой). Про этот костел И. Ильф и Е. Петров писали: «…Костел был огромен. Он врезался в небо, колючий и острый, как рыбья кость…». «Красный» костел, построенный из красного кирпича, не спасла его революционная окраска, и он был варварски разрушен в 1930-е годы. Сохранился только элегантный дом католической церкви, расположенный рядом с костелом, но ближе к Бароновскому (Горбатому) мосту, где проживал Ф.Я. Беккер. Кроме коммерческого училища он работал законоучителем в Женском коммерческом училище Южнорусского немецкого общества и в женской гимназии А. Висковатой.

Бабелю и его друзьям иудейского вероисповедания преподавал законоучитель еврейской веры Давид Гершкович Златковский, проживавший в Новобазарном переулке (ныне – Богданова), 3. В автобиографии И. Бабель пишет, что «по настоянию отца до 16 лет изучал дома еврейский язык, Библию, Талмуд. Дома жилось трудно, потому что с утра до ночи заставляли заниматься множеством наук». Вероятно, он был подготовлен частными учителями по вопросам еврейской веры и не усердствовал на уроках, проводимых Златковским.

Приват-доцент по кафедре физической географии Новороссийского университета, надворный, позднее статский советник Сергей Георгиевич Попруженко учил будущих коммерсантов физике и математике, однако эти предметы И. Бабелю не давались, его не интересовали, и хороших отметок он у Попруженко не получал.

С.Г. Попруженко

Сам Сергей Попруженко учился усердно и в Ришельевской гимназии, и в Новороссийском университете. В нашей коллекции есть «Похвальный лист» за отличную учебу и примерное поведение в 1883-1884 годах ученика 6 класса Ришельевской гимназии Сережи Попруженко. А в 1897 году кандидат университета Сергей Георгиевич Попруженко был приглашен своим однокашником и коллегой надворным советником Петром Васильевичем Катаевым и его супругой Евгенией Ивановной в качестве восприемника – крестного отца – их первенца, будущего писателя Валентина Катаева. Таинство совершилось в Скорбященской при Стурдзовской общине церкви.

М. Берков вспоминал, что на вопрос Бабелю, почему он так мало пишет, тот сказал: «У меня плохой характер. Вот у Катаева хороший характер. Когда он изобразит мальчика бледного, голодного и отнесет свою работу редактору, и тот ему скажет, что советский мальчик не должен быть худым и голодным, – Катаев вернется к себе и спокойно переделает мальчика, – мальчик станет здоровым, краснощеким, с яблоком в руке. У меня плохой характер – я этого сделать не могу».

Племянник Сергея Попруженко, сын его сестры Клавдии и протоирея Василия Флоровского, Антон Васильевич Флоровский в 1908 году окончил историко-филологический факультет

Новороссийского университета и в 25 лет уже преподавал в коммерческом училище русский язык. В 1916 году Флоровский стал профессором Новороссийского университета, а в 1922 – выслан из России. Вся его научная деятельность проходила за границей, но была посвящена изучению русской истории. На фотографии Антон Васильевич выглядит моложе некоторых своих учеников. Никто из друзей Исаака Эммануиловича по коммерческому училищу не упоминает этого ставшего выдающимся ученого-историка и незаурядного человека.

Из воспоминаний Мирона Беркова мы знаем, что директор коммерческого училища был слабым преподавателем истории, но в последний год его заменил намного более интересный преподаватель, великолепно знавший историю, надворный советник Григорий Нарцисович Вандрачек, с которым Бабель подружился. Кроме коммерческого училища Григорий Нарцисович преподавал историю в женской гимназии А. Гореевой.

Однокашники Бабеля в своих воспоминаниях сходятся на большом значении для будущего писателя преподавателя французского языка в училище Александра Александровича Вадона. Нельзя не привести слова самого Исаака Эммануиловича о школе, которая была для него незабываема потому, что учителем французского языка там был мсье Вадон: «Он был бретонец и обладал литературным дарованием, как все французы. Он обучил меня своему языку, я затвердил с ним французских классиков, сошелся близко с французской колонией в Одессе и с пятнадцати лет начал писать рассказы на французском языке». Вспоминая выступление И.Э. Бабеля на конгрессе во Франции, Илья Эренбург отмечал в своем предисловии к произведениям Бабеля: «…Он говорил по-французски свободно, весело и мастерски».

Одесскому журналисту Михаилу Бинову («Дерибасовская – Ришельевская», № 14) удалось установить, что А.А. Вадон – обрусевший француз, однако не бретонец, как думал Бабель, а провансалец, предки которого жили на юге Франции, в Провансе. Александр Александрович родился в Херсоне в 1873 году и со временем, согласно семейным традициям, отправился получать образование на родину предков. Он успешно окончил Сорбонну, вернулся в Россию и обосновался в Одессе. Кроме работы

в училище давал частные уроки. Умер в Одессе в 1933 году. Исаак Лившиц вспоминал о любимом преподавателе Бабеля, что отец его был французским консулом в Николаеве.

Учитель немецкого языка статский советник Эмилий Иванович Озецкий не оставил яркий след в душе учеников. По свидетельству М. Беркова: «Herr Озецкий был близорук и обыкновенно вел свой урок, сидя на кафедре и не замечая, что делается на партах. Бабель на его уроках работал до самозабвения над французским языком. Заканчивая свою работу, он вдруг издавал громко какой-то звук – знак не то удовлетворения, не то удовольствия. Озецкий всегда в этих случаях, обращаясь к Бабелю (он называл его Бабыл), произносил одну из двух фраз: «Бабыл, machen Sie keine faule Witzenfy» или «Aber, Бабыл, sind Sie verrikkt?» («Оставьте свои плоские шутки», «Вы что, с ума сошли?»).

Для будущих коммерсантов в училище преподавали английский язык. И.Л. Лившиц вспоминал некого англичанина Герда: «Этот учитель обладал вспыльчивым характером и, когда сильно гневался на кого-то

А.В. Флоровский

А.А. Вадон

из школяров, кричал на весь класс: «Еще один паршивий улибка на ваших лицах, и я вас вигоню!». Однако статский советник Роберт Робертович Герд оставил своих учеников около 1910 года, и в последнем классе английскому Бабеля и его товарищей обучал молодой преподаватель Алексей Владимирович Прокудин, чей портрет попал на виньетку.

Кроме общеобразовательных предметов в старших классах училища преподавали специальные: коммерческую арифметику, химию, товароведение, бухгалтерию и коммерцию, политическую экономию и законоведение.

Предмет «коммерческая арифметика» – это обучение искусству делать коммерческие выкладки, касающиеся цен на товары, процентов, процентных бумаг, переводов сумм, выраженных в деньгах одной страны, в деньги другой и т. п. Его вел профессор по кафедре чистой математики Новороссийского университета, преподаватель физико-математического факультета Одесских высших женских курсов статский советник Владимир Акимович Циммерман.

Бухгалтерии и коммерции обучал в коммерческом училище, на удивление, юрист по образованию, помощник присяжного поверенного Евгений Михайлович Зусман.

Приват-доцент Новороссийского университета по кафедре уголовного права и судопроизводства, магистр уголовного права, титулярный советник Эммануил Яковлевич Немировский читал в коммерческом училище курс политической экономии и законоведения. Преподавал он также на высших женских курсах.

Инженер-технолог Евгений Юльевич Зевальд был фабричным инспектором 1-го участка Херсонской губернии; почетным членом Общества защиты женщин; членом Технического общества. Ко всем этим занятиям около 1910 года он взялся преподавать в коммерческом училище химию и товароведение.

На двух снимках внизу виньетки – помощники классных наставников Семен Петрович Горбов, чей сын заканчивал учебу одновременно с И. Бабелем, и Алексей Николаевич Цеханович.

Коммерческие специальные предметы будущего писателя не интересовали, преподаватели этих предметов были людьми толковыми, сведущими в своих отраслях, но не оставили след в душе И. Бабеля, которого уже тогда влекло литературное творчество.

Познание будущим великим писателем И. Бабелем жизни, характеров людей происходило не только в стенах солидного учебного заведения, но и по дороге домой. Вот как пишет об этом сам писатель в неоконченной автобиографической новелле «Детство. У бабушки», написанной в 1915 году, а опубликованной впервые в 1965 году:

«По субботам я возвращался домой поздно, после шести уроков. Хождение по улице не казалось мне пустым занятием. Во время ходьбы удивительно хорошо мечталось, и всё, всё было родное. Я знал вывески, камни домов, витрины магазинов. Я их знал особенно, только для себя и твердо был уверен, что вижу в них главное, таинственное, то, что мы, взрослые, называем сущностью вещей. Все мне крепко ложилось на душу. Если говорили при мне о лавке, я вспоминал вывеску, золотые потертые буквы, царапину в левом углу ее, барышню-кассиршу с высокой прической и вспоминал воздух, который живет возле этой лавки и не живет ни у какой другой. А из лавок, людей, воздуха, театральных афиш я составлял мой родной город. Я до сих пор помню, чувствую и люблю его; чувствую так, как мы чувствуем запах матери, запах ласки, слов и улыбки; люблю потому, что в нем я рос, был счастлив, грустен и мечтателен, страстно неповторимо мечтателен.

Шел я всегда по главной улице, там было больше всего людей.

Ходьба занимала у меня много времени. Я долго рассматривал бриллианты в окне ювелира, прочитал театральные афиши от а до ижицы, а однажды осматривал в магазине мадам Розали бледно-розовые корсеты с длинными волнистыми подвязками».

За годы своей недолгой жизни Бабель сменил множество городов – Николаев, Киев, Ростов-на-Дону, Нальчик, Молоденово, Кисловодск, Борисполь, жил во Франции, но неизменно смотрел на мир глазами одессита: «Представьте себе Одессу, достигшую расцвета. Это будет Марсель».

Иван Петров

Пушкину и лицею

15 сентября 2015-го торжественно открыт пушкинский памятный знак на бывшем здании Ришельевского лицея, по улице Дерибасовской, № 16: скульптор – Александр Князик, авторы проекта – Олег Борушко и Олег Губарь.

Ришельевский лицей, второй в России после Царскосельского, учрежден в Одессе по высочайшему указу от 2 мая 1817 года на базе функционировавших ранее Благородного института и Коммерческой гимназии. Крупнейший просветительский центр на Юге. Образование здесь было приближено к университетскому, заведение считалось весьма престижным. В числе лицеистов немало представителей аристократии России и зарубежья – Волкон-

Татьяна Маркова, Олег Губарь, Олег Борушко открывают памятный знак

ские, Сен-При, Четвертинские, Рошфор и др. О лицее чрезвычайно лестно отзывались Зинаида Волконская, Батюшков, Сенковский, в его дортуарах обитал Мицкевич (1825), здесь бывали Жуковский, Вяземский, Полонский, Погодин, Надеждин, Стурдза, Свиньин и т. д.

Посещения Ришельевского лицея Пушкиным зафиксированы академическим изданием «Летописи жизни и творчества» М.А. Цявловского. Источниками служат свидетельства самих лицеистов. Подробно об одном из таких посещений в июле 1824 года рассказал тогдашний лицеист Александр Михайлович Сумароков («Одесский вестник», 1886, № 346):

«…Входит в класс незнакомая особа в странном костюме: в светло-сером фраке, в черных панталонах, с красной феской на голове и с ружейным стволом в руке вместо трости. Я привстал, он мне поклонился и, не говоря ни слова, сел на край ученической парты, стоящей у кафедры. Я смотрел на это с недоумением, но он первый прервал молчание:

– Я когда-то сидел тоже на такой скамье, и это было самое счастливое время в моей жизни.

Потом, обратившись прямо ко мне, спросил:

– Что вы читаете?

– Речь Цицерона, – ответил я.

– Как ваша фамилия?

– Сумароков.

– Славная фамилия! Вы, верно, пишете стихи?

– Нет.

– Читали вы Пушкина?

– Нам запрещено читать его сочинения.

– Видели вы его?

– Нет, я редко выхожу из заведения.

– Желали бы его видеть?

Я простодушно отвечал, что, конечно, желал бы, – о нем много говорят в городе, как мне передали товарищи.

Он усмехнулся и сказал:

– Я – Пушкин, прощайте.

Когда мы шли по длинному коридору, он сказал:

– Однако у вас в Лицее, как я вижу, свободный вход и выход.

– Это по случаю каникул…»

О посещениях Ришельевского лицея Пушкиным сообщает достойный всяческого доверия Николай Григорьевич Тройницкий, брат члена Государственного совета А.Г. Тройницкого, впоследствии друживший со Львом Сергеевичем Пушкиным и Н.В. Гоголем. В частности, Тройницкий уточняет: «…он (Пушкин) заходил в старшие классы, заходил, между прочим, и в ту классную комнату, которая обращена теперь в пивную в доме Вагнера (прежнее здание лицея)…» («Одесский вестник», 1887, № 93). Мемуарист говорит о знаменитой пивной Брунса, которую впоследствии, что символично, посещали Бунин, Куприн и другие знаменитости. Ныне это офис МЧС в дворовом корпусе, соединяющем фасадные строения со стороны Дерибасовской и Ланжероновской улиц.

Информативны и любопытны свидетельства Болеслава Маркевича (Б.М. Маркевич. ПСС. Т. XI. – СПб., 1885). Тема «Пушкин и Ришельевский лицей» детально исследуется в целом ряде разновозрастных публикаций о рукописном лицейском журнале «Ареопаг» (1828-1830 гг.), начиная со статьи А.М. де Рибаса. Все говорят о восторженной любви воспитанников Одесского лицея к поэту, буквально о культе Пушкина, установившемся в среде одесских лицеистов. «Ареопаг» как бы и сделался олицетворением этого культа.

Мемориальный знак на фасаде Ришельевского лицея замыкает часть формируемого международными поэтическими фестивалями «Пушкин в Британии» и «Пушкинская осень в Одессе» пушкинского маршрута меж Клубной гостиницей – основным местом пребывания поэта в 1823-1824 гг. – и ближайшими пушкинскими адресами по ул. Дерибасовской и в районе Соборной площади, где ранее уже открыты мемориальный барельеф и арт-объект. В следующие годы маршрут будет значительно продлен. Планируется открыть памятные доски и арт-объекты на домах де Рибаса, Поззи, Кирьякова, Фундуклея, Кошелева, Давыдовых, Бларамберга и др.

Олег Губарь

Дерибасовская, № 17 + Екатерининская, № 16: недвижимость Калафати (Санца)

Исторически соответствует месту № 78 в X квартале Военного форштата, позднее носило № 179. В настоящее время это два разных строения: Г-образное со стороны Дерибасовской, № 17 (Екатерининская, № 16), включая дворовую часть, и прямоугольное здание, примыкающее со стороны Екатерининской, которое носит № 18.

При первичной раздаче участков под застройку частным лицам в августе-сентябре 1794 года непосредственно де Рибасом и де Воланом место № 78 инженерная команда отвела купцу Григорию Яхонтовскому[1]. Однако все последующие исторические первоисточники четко и однозначно свидетельствуют о том, что Яхонтовский был в нарождающейся Одессе фигурой эпизодической, застраиваться не стал. Вскоре место занял приехавший сюда в следующем 1795 году с захваченного Оттоманской Портой острова Хиос греческий купец Дмитрий Иванович Калафати (Калафатис). Позднее уроженцы Хиоса занимали в Одессе чрезвычайно значимое положение в хлебной торговле: достаточно назвать семейства Ралли и Родоканаки.

В 1797-м, в возрасте 32-х лет, Д.И. Калафати записался во 2-й гильдии одесское купечество[2], застроил выгодное угловое место одноэтажным плановым домом, состоящим из двух жилых комнат и торгового помещения, в котором занимался реализацией бакалейных товаров[3]. Дмитрий Иванович избирался ратманом (членом) первых институций городского общественного управления – магистратов[4]. Есть информация о том, что осуществлявшиеся им коммерческие операции были связаны далеко не с одной бакалеей, но и с зерновой торговлей[5]. А.М. де Рибас пишет,

Дерибасовская улица угол Екатерининской

что до официального избрания присяжных маклеров (1803 г.) Калафати и некоторые другие греческие коммерсанты фактически занимались маклерством, разумеется, с выгодою для себя и в ущерб делу[6]. Претензии резонны, но иначе и быть не могло – это вполне естественный ход событий в процессе структуризации соответствующей инфраструктуры.

Сопоставление ранних генеральных планов города позволяет проследить эволюцию застройки интересующего нас участка на первых этапах существования Одессы. Самая ранняя упоминавшаяся угловая постройка фиксируется уже на утвержденном генплане 1803 года[7] и его прототипе 1802-го[8]. На плане, составленном городским архитектором Франческо Фраполли в 1807 году, место Калафати показано уже полностью застроенным по фасаду со стороны обеих улиц. Кроме того, во дворе показан флигель квадратной формы, занимающий угол по диагонали от угла улиц[9]. Городской план 1814 года в целом повторяет предыдущий с тою лишь разницей, что дворовой флигель показан прямоугольным, также обозначен въезд во двор со стороны Дерибасовской[10].

Дерибасовская угол Екатерининской

Генплан Джорджио Торичелли 1828 года дает хорошее представление о плановой застройке места Калафати в тот период, а равно предшествующих достройках. Первичный угловой дом был достроен до границы соседнего участка по Екатерининской и соединен с дворовым флигелем по той же меже. Со стороны Дерибасовской здание не достраивалось и занимало лишь около половины длины места по фасаду, оставляя широкий въезд во двор[11], наверняка сопровождавшийся, как тогда было принято, не только воротами, но и каменным забором.

К тому времени центральная часть Одессы постепенно обретала весьма благолепный вид, архаичные одноэтажные домики заменялись солидными двухэтажными, с 1818 года вводились ареалы, в которых не допускалось новое одноэтажное строительство, домовладельцы поощрялись к увеличению этажности. Однако интересующая нас недвижимость на протяжении многих лет курьезно оставалась недвижимой, на что были свои причины. Д.И. Калафати ушел из жизни в декабре 1818-го[12] холостым и бездетным. Почему он жил бобылем, можно лишь гадать: в Одессу приехал в довольно зрелом возрасте, имел средства; возможно,

оставил кого-то на Хиосе. Так или иначе, прямыми наследниками по мужской линии сделались племянники, сыновья брата. Однако тяжба, связанная с обретением ими законных прав на недвижимость дяди, затянулась на долгие годы. Ситуация разрешилась лишь в 1833 – начале 1834 годов. Подробности обнаруживаются в любопытном архивном деле за февраль 1834-го «О выдаче открытого листа наследникам Калафатиевым».

31 января 1834 года Одесский уездный суд слушал прошение наследников умершего купца Димитрия Калафатия – «родных братьев, провизора Степана и аптекарского гезеля (помощника. – **О. Г.**) Евстафия Степановых сыновей Калафатиевых» о имуществе, оставшемся после смерти родного дяди их одесского купца Димитрия Калафатия, заключающиеся в двух домах и двух хуторах на одесской городской земле. Наследники всему – они одни «по мужскому колену, ибо он, Калафати, бездетно и холостом умер». 1 июля (1833 г.) они утверждены в правах наследования. Дом на Военном форштате в X квартале, № 78, и два хутора: 1-й – в предместье города Одессы, 2-й – в урочище Дальник. Городской дом – «в безобразности», и если будет так оставлен, то пойдет

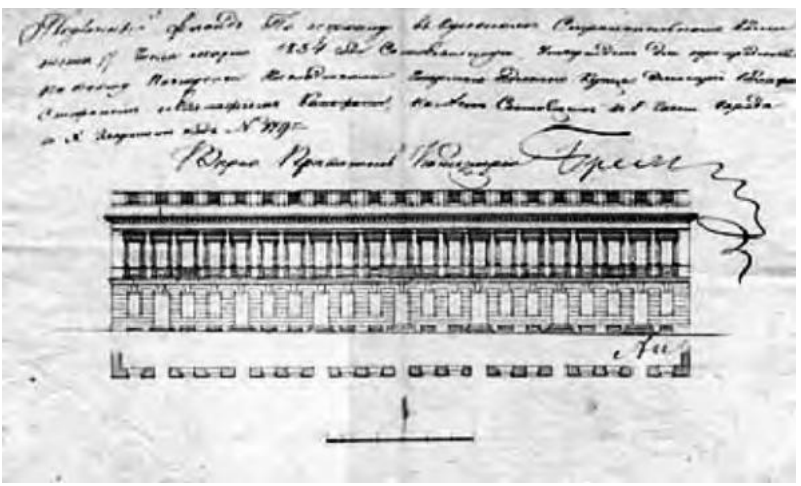
в публичную продажу, поскольку расположен в самой главной части города. Из дела явствует, что покойный Д.И. Калафати вовремя не озаботился оформлением надлежащих документов, официально подтверждающих права собственности (такое в ранней истории города случалось сплошь и рядом, реально существующие строения часто документировались на основании свидетельских показаний). Правда, в наличии магистратское свидетельство от 5 января 1817 года, побуждавшее покойного к модернизации ветхих строений, однако он бездействовал[13]. Озабоченность городского самоуправления понятна: обветшавшие строения находятся прямо напротив Благородного института, который как раз в 1817-м обрел статус Ришельевского лицея.

Одесский строительный комитет (ОСК) поручил городскому архитектору Торичелли провести ревизию и обследование обоих хуторов и городского дома, об исполнении какового поручения он и отрапортовал 19 февраля 1834 года. Хутора оказались обзаведенными даже в большей степени, нежели регламентировалось. Имеются каменные дома, колодец, в общей сложности 2.700 фруктовых деревьев, 6.000 виноградных кустов, 70 верб, 50 акаций и 13 тополей. Что касается городского дома, то и он «построен по плану, во всем сходно правилам архитектуры»[14]. Довольно солидное наследие, оставленное Д.И. Калафати, объясняется еще и тем, что еще ранее чумной эпидемии 1812-го он зарабатывал и как откупщик городских мер и весов, и даже зачислился в 1-ю гильдию[15]. Что касается обзаведения хуторов, он приступил к нему уже в 1802 году.[16]

Возникает вопрос, пользовались ли братья Степан Степанович и Евстафий Степанович городским домом покойного дяди как доходным до официального узаконения прав наследования? Да, пользовались, сдавая в аренду под различные заведения сферы торговли и обслуживания. Например, в пушкинское время здесь функционировала виноторговля нежинского грека Юрия Монахо.[17] В ту пору подобные заведения именовались ренсковыми погребами: несмотря на то, что этимология как бы обращает к берегам Рейна, реально здесь продавались вина из Италии, Греции, Франции, Испании. Виноторговля в доме Калафати стала традиционным делом на многие десятилетия, о чем еще пойдет речь.

Меж тем официальное наследование фармацевтами Калафати дома и места в престижной части Одессы позволяло им приступить к их кардинальной перестройке. В принципе оная недвижимость числилась за ними и ранее[18], однако они не имели формального права ее переиначивать. Поскольку у них, очевидно, уже сложились хорошие отношения с городским архитектором Торичелли, то ему они и заказали проект новостройки. По счастью, все документы на этот счет сохранились, включая раскрашенный чертеж фасада и сечения стены главного фасада двухэтажного дома, составленный Торичелли 17 марта 1834 года.[19] Даже беглое знакомство с проектом тотчас свидетельствует о назначении этого доходного дома по Екатерининской: в первом этаже – семь стандартных торговых лавок, второй этаж – жилые покои. Как мы увидим ниже, домов все же было два – новый, по Екатерининской, и другой, небольшой, по Дерибасовской, занимавший лишь часть фасада.

Синхронные исторические источники свидетельствуют: отстроенные помещения на бойком месте были немедленно востребованы и разобраны. В числе арендаторов жестянщик Амио,

Проект Торичелли, 1834 г.

портной Кассими, немецкий колонист позументщик Асмус, переплетчик Шмидт[20], которого сменяет другой переплетчик, знаменитый впоследствии владелец книжного и канцелярского магазина, издатель полиграфической продукции Густав Гезелле[21]. Портняжная специализация домов Калафати – одна из важнейших, опосредованно отразившаяся на самой эволюции зданий.

Занимательно, что под собственную аптеку Калафати арендовали помещения в чужих домах. Это тоже вполне логично: во-первых, такое заведение должно находиться на настоянном, привычном месте, во-вторых, аптека выходила за рамки лавки, что меняло концепцию устройства их собственного доходного дома. Кроме того, надо учитывать и то обстоятельство, что первые кварталы Ришельевской улицы, где обитала аптека, примерно до середины 1860-х были более престижны, нежели Дерибасовская. В конце 1820-х – 1830-х аптека Калафати помещалась в бывшем доме Портнова, Ришельевская, № 5,[22] а затем в бывшем доме Ржевусской, Ришельевская, № 12[23]. К чести Калафати надо сказать о награждении одного из них – Евстафия либо Степана Степановича, провизора – золотою медалью «За прекращение чумы в Одессе 1837»: в реестре указана только фамилия[24]. В ту пору одесские фармацевты оказали властям крепкое содействие в ликвидации эпидемии пожертвованием медикаментов.

Помимо виноторгового и портновского бизнеса в домах Калафати издавна процветал и ресторанный, причем первичными содержателями были преимущественно соплеменники домовладельцев, греки. Так, на рубеже 1830-1840-х здесь функционировала ресторация «Новоафинская».[25] В 1842 году именно в доме Калафати открывается история знаменитой виноторговой фирмы Пьера (Петра) Нуво, который к тому времени имел уже 20-летний опыт на российском рынке.[26]

Дела братьев Калафати продвигались настолько успешно, что 10 октября 1844 года в Одесском коммерческом суде была оформлена сделка о покупке Евстафием Степановичем дома, принадлежавшего другому аптекарю, дворянину Требальскому. Последний в продолжение ряда лет (1814-1821) снабжал медикаментами Городскую больницу.[27] Это было довольно значительное строение, сооруженное в середине 1820-х и занимавшее угол Спиридоновской

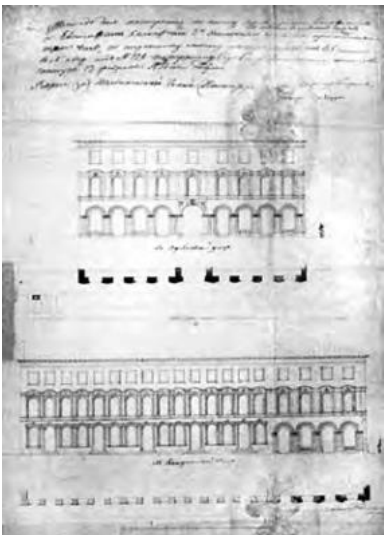
и Нежинской улиц в пределах современных зданий соответственно № 4 и № 71.[28] В 1846-м Калафати достроил его согласно утвержденному ОСК плану.[29]

Из ведомости об оценочной стоимости городской недвижимости на 1848 год видно, что два дома наследников Калафати по Екатерининской и Дерибасовской оценены довольно высоко – в 18.260 руб. Львиная доля, понятно, приходится на первый из них, но точнее мы не знаем. Тогда же дом и магазин провизора Евстафия Калафати по Нежинской улице оценены в 10.306 руб. Для сравнения: сохранившиеся по сию пору на той же Екатерининской улице, на углах с Греческой, двухэтажные дома греческого же семейства Прокопеус оценены соответственно в 15.000 (№ 23) и 19.510 руб. (№ 20).[30]

Спрос на более приличные помещения в деловом и культурном центре вынуждал домовладельцев искать новые решения обустройства доходных домов: речь не только об увеличении этажности, но и частичный отход от модели секционного торгового ряда, череды универсальных ячеек, к обособленным и более просторным. Оставив прежнюю схему на значительной части фасада с Екатерининской, братья Калафати задумали и реализовали модернизованную в новом доме со стороны Дерибасовской. Этого требовали такие элитарные заведения, как, скажем, виноторговый салон Нуво, кафе-кондитерские и др.

Идея была воплощена в жизнь проектом, составленным 13 февраля 1851 года архитектором Константином Васильевичем Кошелевым, сотрудником Одесского строительного комитета, затем землемером в канцелярии градоначальника, сыном небезызвестного в ранней истории Одессы коммерции советника

Проект архитектора Кошелева, 1851 г.

В.Е. Кошелева. На раскрашенном чертеже мы наблюдаем две основные метаморфозы: надстройку третьего этажа и некоторые изменения фасада и первого этажа комплекса построек со стороны Дерибасовской и угловой части со стороны Екатерининской.[31]

Реконструкция зданий отняла всего лишь несколько месяцев, и вскоре «Одесский вестник» оповестил горожан о том, что табачный магазин И.М. Краузе, бывший «Американский базар», переселился из дома Портнова по Ришельевской, № 5, в новый дом Калафати по Дерибасовской, № 17, напротив Ришельевского лицея.[32] Там же продолжал функционировать элитарный винный магазин Нуво. В торговых секциях по Екатерининской периодически происходила ротация арендаторов, связанная с изменением конъюнктуры. Так, в 1852-м в первой секции открылось значимое кондитерское производство: «Абрам Беккер, мастер хлебного цеха, одесский купец, занимающийся приготовлением в Одессе хлеба более 25 лет, открыл хлебную фабрику на Екатерининской, в д. Калафати, № 1-й. Хлеб для стола и к чаю: сахарные сухари, галеты, кренделя и прочие тому подобные булочки с сахаром. Заказы для стола и балов».[33] В одной из соседних секций помещался магазин часов и ювелирных изделий Руперта.[34]

По окончании Крымской войны в доме Калафати, рядом с винным магазином Нуво по Дерибасовской, открылась одно из лучших и популярнейших в городе кафе-кондитерских Кальгера и Келя.[35] Герман Германович Кель унаследовал дело своего отца, швейцарского уроженца, одного из старейших кондитеров Одессы. Еще в самом начале 1830-х старший Кель на паях с дру-

гим швейцарцем, Катани, сперва основали здесь шоколадную фабрику, а затем, по договоренности с властями, занимались устройством общественных увеселений с буфетом, балами, фейерверками: летом – в Ботаническом, а зимой – Городском саду.[36] К середине 1850-х фирменный шоколад Келя дополнялся эксклюзивными сортами пирожных, конфет и прочих сладостей.

Пряная палитра арендаторов – обычное дело для этнически пестрой Одессы. К преобладавшим на первых порах грекам прибавились французы, немцы, итальянцы, поляки и т. д. И все же, если рассматривать длительный период, заметно некоторое греко-немецкое преобладание. Характерно традиционное присутствие армян-цирюльников, причем нередко в секциях по Екатерининской могло функционировать и две цирюльни синхронно. К примеру, в середине 1850-х тут одновременно действовали заведения Карангивелова и Сетьянова.[37]

Помимо винного салона Нуво в доме Калафати квартировал и другой, П. Эдуардца (похоже, все-таки Эдуардса, представителя известной фамилии). Они не столько конкурировали, сколько дополняли друг друга, поскольку имели несколько различную специализацию. Нуво поставлял классические французские вина – бордо, бургонь, шампань, тогда как Эдуардс предлагал широкий спектр алкоголя – портвейн, херес, ямайский ром, портер и проч.[38], и его магазин вернее было бы назвать на советский лад, ликеро-водочным.

Кстати о портере и пиве. После перехода с откупной на акцизную реализацию питей эти напитки стали приобретать в Одессе все большую популярность. В 1860-х в городе регулярно открываются портерные и пивные залы, так называемые бирхоллы, биргале, биргалки.[39] В 1865-м у Калафати, со стороны Екатерининской, открылось заведение, ловко совмещавшее традиционный пивной зал и недорогой греческий ресторанчик. Названия, по существу, не было, если не считать таковым французское «A bon marche», то есть «Дешево». А пиво подавалось немецкое, одесского заводчика Иоганна Ансельма, развернувшего крупное производство в 1863 году.[40]

Верхние этажи сдавались в аренду под жилье, причем во втором нередко обустраивались лица, ведшие прием, – врачи, адвокаты, представители различных фирм, страховых обществ, кредитно-

банковских учреждений, торговые агенты, преподаватели, оптики и ювелиры. Например, в течение долгих лет тут принимал один из самых авторитетных в городе дантистов, Константен, не оставивший насиженного места и после реконструкции зданий в 1875 году.[41] Обилие респектабельных доходных домов подразумевало комплексное обслуживание жильцов, в том числе – стирку нательного, постельного и столового белья. При этом от ручной стирки переходили к паровым прачечным, и в июне 1869-го в доме Калафати устроили контору приемки «по образцу парижских».[42]

1860-е иллюстрируют основные специализации связанных с домами Калафати коммерческих предприятий. Виноторговля: содержателем выступает уже Ф.Б. Нуво, который переоборудовал прежний магазин, ненадолго передислоцировавшись для этого в соседний дом Жюльена, № 19.[43] Семейство Нуво участвовало в устройстве винных подвалов на хуторе Энно, в дальнейшем преобразованных в принадлежавший ведомству Уделов императорского дома винзавод на Французском бульваре, но это отдельный сюжет. О заведениях общественного питания было говорено. Ремесло, но преимущественно элитарное – ювелиры, оптики, часовщики: в этот период тут, например, работал Страц[44]. Опять-таки ремесло, но не просто портняжное, а скорее модельерное: Дюмон, Гейман и, наконец, братья Санц[45] – будущие владельцы домов Калафати. Не удивляет появление фармацевтического депо И.Б. Крицкого[46] – домовладельцы уходят из этой сферы бизнеса, аптека их по Ришельевской, № 12, перешла к провизору Натансону, а потому конкуренты не страшны.

А дальше, если корректно так говорить, эпоха Калафати подходит к концу, хотя, судя по всему, до 1874-го включительно дома еще находятся в их собственности, и деловая жизнь продолжает кипеть. На рубеже 1870-х здесь, со стороны Екатерининской, открывается магазин металлоизделий из Англии и Франции Эрнеста Гюара – дверные и оконные комплектующие, чугунная и железная эмалированная посуда, разнообразные весы, инструменты для ремесленников и домашнего хозяйства, прочее.[47] В 1873-м со стороны Дерибасовской появляется солидный магазин зеркал и обоев Юлиуса Биссери[48], продолжают действовать многочисленные заведения, открытые ранее. Однако кончина

СКЛАДЪ
РАЗНЫХЪ ЗЕРКАЛЪ и ОБОЕВЪ
ЮЛІУСА БИССЕРИ
на Дерибасовской улицѣ въ домѣ Калафати и на Ришельевской въ домѣ Иванова.
Приглашаетъ почтеннѣйшую публику посѣщать его магазины и убѣдиться въ хорошемъ выборѣ товаровъ и умѣренности цѣнъ; этимъ онъ и заслуживаетъ постоянное вниманіе покупателей.

Степана Степановича Калафати и его наследника Дмитрия Степановича (названного явно в честь дяди, каковому наследники многим обязаны), а равно Евстафия Степановича приводят к переходу принадлежавшей им недвижимости в руки упоминавшихся братьев Санц.

В метрических записях греческой церкви Святой Троицы зафиксирована смерть С.С. Калафати, последовавшая 17 января 1869 года. Указан возраст покойного – 69 лет.[49] Это означает, что он, скорее всего, 1799 года рождения, и – что немаловажно – на момент кончины дяди был еще несовершеннолетним, то есть младше 21 года. А это, в свою очередь, говорит о том, что какое-то время недвижимость Д.И. Калафати находилась под опекой. Мы располагаем также следующим некрологом, опубликованным в «Одесском вестнике» от 30 сентября 1873 года: «Антонина Александровна Калафати с прискорбием извещает родных, друзей и знакомых о смерти мужа своего, Дмитрия Степановича Калафати, последовавшей в городе Туле. Тело покойного будет привезено 1 октября в Одессу. Того же числа вынос тела последует со станции Куликово (поле) в греческую церковь, а оттуда на кладбище».[50] Евстафий Степанович ушел из жизни в Одессе и был погребен на Старом (первом) городском кладбище 29 сентября 1872 года.[51]

21 июля 1874 года в «Одесском вестнике» указывают на ветхость балкона по третьему этажу во весь двор дома Калафати, на углу Дерибасовской и Екатерининской улиц.[52] Это, понятно, не способствует привлечению жильцов. Вопрос реконструкции комплекса строений вновь приобретает остроту. Решило его семейство Санц в 1875 году, когда и значится владельцами.[53] Впрочем, это не исключает оформления купли-продажи в 1874-м: к сожалению, пока не располагаю более точными данными на сей счет.

В реестре объектов культурного наследия комплекс интересующих нас строений разделен на три части: дом по Екатерининской, угловой дом по Дерибасовской и правая обособленная часть

дома по той же улице. При этом сообщается о том, что два последних элемента реконструированы архитектором Ф.В. Гонсиоровским в 1875 году. Зодчий весьма известный, и разговор о его судьбе и творчестве здесь явно неуместен – легко справиться в литературе и даже в «сети». Для нас занимательно обстоятельство, что наибольшей реконструкции подверглось угловое здание: вместо невысокого третьего этажа возвели два довольно больших плюс чердачный с мансардами. В данный момент второй этаж этой части строительного комплекса задекорирован таким образом, что создает иллюзию галерейного. Два других объекта – тот, что по Екатерининской, и выходящий на Дерибасовскую торцом дворовой в общих чертах сохранили прежний облик.

О семействе Санц, как, впрочем, и Калафати, нет специальных исследований. Выше уже упоминал, что оно издавна занималось портновским ремеслом, постепенно совершенствуясь в мастерстве, и перешло в разряд модельеров. Помимо домов по Дерибасовской, № 17, и Екатерининской, № 16 (до начала 1900-х включительно последняя часть строений числилась под № 20, ибо улица включала в себя и некоторые здания по Екатерининской площади), Санцы владели домом по Гаванной, № 2 (Малый переулок, № 1). Хозяином значится Альфред Эммануилович Санц[54], очевидно, сын первичного владельца интересующего нас комплекса строений, Эммануила[55]. Чуть позднее этот комплекс поделен: Екатерининская, № 16, значится за Эммануилом, а Дерибасовская, № 17, – за Марией[56]. Позднее оба адреса – за Матвеем Людвиговичем Санцем.[57] Младший представитель семейства, Антон, очевидно, сын одного из братьев Санц, продолжает тра-

дицию, содержит мастерскую по пошиву одежды в элитарном районе – по Екатерининской, № 2[58]. Сам Эммануил Санц практиковал, по крайней мере, в начале 1900-х.[59] Семейство владело и престижной дачей на Французском бульваре.

Каков, скажем так, характер наполняемости дома Санца в конце XIX – начале XX столетия? Наиболее интересное предприятие – конфетная фабрика и оптово-розничный магазин знаменитого «Товарищества А.И. Абрикосова сыновей», то есть Николая Алексеевича и Алексея Алексеевича Абрикосовых. Как известно, первый из них был женат на Вере Николаевне, урожденной Кандинской, двоюродной сестре Василия Сильвестровича Кандинского, отца выдающегося художника. Кандинские – крупные чаеторговцы из Кяхты, которые с открытием Суэцкого канала стали доставлять чай из Китая через Одессу.[60] Между прочим, по инициативе В.С. Кандинского одесские чаеторговцы снабжали российских волонтеров в Сербии в 1876 году.[61] Василий Сильвестрович пользовался чрезвычайным авторитетом в Одессе, занимался благотворительностью[62], устройством различных производств[63], избирался гласным Думы[64], был членом комиссии по городским лечебным заведениям[65]. И не случайно его семья долго проживала практически над магазином Абрикосовых, в доме Санца. Здесь вырос В.В. Кандинский, и слева перед входом во двор на фасаде установлен памятный знак этому талантливому художнику.

Сохранились почтовые открытки, запечатлевшие фасад и внутреннее убранство заведения Абрикосовых, фирменная упаковка, прейскуранты, буклеты, рекламные объявления и проч. Поскольку товарищество занимало значительную часть первого этажа, постольку ранее квартировавшие здесь и менявшие содержателей кафе-кондитерские сместились влево, в соседний дом по Екатерининской: там помещались заведения сперва К.П. Распопова, а затем Д.К. Фильбрандта.[66]

Магазин Товарищества А.И. Абрикосова сыновей

Кстати о художниках. Рядом с обиталищем семейства Кандинских находилась мастерская некоего еврейского художника Е. Глуза, который подряжался выполнять граверные работы, брался за изготовление рекламы на стекле, железе, клеенке и других материалах, занимался росписью потолков и проч.[67] Кто знает, не этот ли сосед пробудил у маленького Василия Кандинского интерес к изобразительному искусству.

В числе солидных обитателей жилых этажей упомянем популярного в свое время врача-венеролога Владислава Алоизовича фон Берга, много лет обитавшего и принимавшего посетителей в доме Санца.[68] В «квартирной части» нередко помещались и ювелирные мастерские. Скажем, в первом этаже в 1910-х функционировала ювелирная лавка Соломона Олика, а Николай Чистяков работал на дому, в квартире № 18. Этот Н.П. Чистяков долго служил подмастерьем у Фаберже, затем обучал молодежь ювелирному мастерству в Строгановском художественно-промышленном училище. Далее жил в Одессе, выполняя всевозможные ювелирные, чеканные, граверные, эмалевые и прочие

Внутренний вид магазина Товарищества А.И. Абрикосова сыновей

работы, делал на заказ жетоны, знаки, металлические печати, монограммы и др.[69]

В доме Санца обосновывались и офисы различных фирм, конторы предприятий и т. д. Многим одесситам знакома старая кладка из огнеупорного кирпича с клеймом «Бланкъ». Это продукция одесских кирпичных заводов купца 2-й гильдии Давида Мордковича Бланка, одного из крупных еврейских деятелей просвещения и меценатства. Контора принадлежавших ему предприятий тоже размещалась в доме Санца, по Дерибасовской, № 17.[70]

Другой блок заведений, опосредованно относящийся к изобразительному искусству, – это фотографические, писчебумажные, канцелярские, багетные заведения, лавки, связанные с реализацией изопродукции, и т. п. В частности, продолжительное время в 1900-1910-х в первом этаже со стороны Дерибасовской функционировало фотоателье А. Ронеса[71], множество прекрасных образцов продукции которой сохранилось в семейных архивах одесситов и у коллекционеров. Немалый интерес для любителей одесской старины представляет заведение Иосифа Иосифовича Покорного, которое

Николай Алексеевич Абрикосов и его жена Вера Николаевна, урожд. Кандинская

в течение ряда лет несколько меняло формат и соответственно сортамент. В 1901-м – это магазин картин и багетов[72], в 1902-1903 гг. – письменные принадлежности и бумага[73], в 1904-1905 гг. – фотографические принадлежности[74] и проч. Это католическое купеческое семейство занималось фармацевтикой, парфюмерией, устраивало фотографические, цинкографические, литографические заведения, причастно к изданию открыток с видами Одессы.[75] В принципе, салон Покорного как бы наследовал помещавшемуся в доме Санца еще в 1890-е годы магазину письменных принадлежностей Гейнцельмана[76], который тоже известен как реализатор любопытных фотографий, открыток стереопар с видами Одессы.

Из других заведений упомянем магазин резиновых изделий одесского купца 2-й гильдии Густава-Бернгарда Рингеля, размещавшийся со стороны Екатерининской[77], и «Депо фортепьян» Иосифа Васильевича Оффенбахера[78]. Некоторое преобладание немецких предпринимателей в доме Санца очевидно.

Исследование истории комплекса интересующих нас зданий после революции 1917 года выходит за рамки поставленной зада-

чи. И все же не могу не вспомнить знакомый с детства как бы продолжавший традиции фирмы Абрикосова просторный угловой кондитерский магазин «Лакомка», так называемую Гарнизонную столовую, буквально занимавшую помещение бывшего салона Абрикосовых со стороны Екатерининской, большой тир под ней, где впервые пулял из «мелкашки» (другой тир, значительно поменьше, если не ошибаюсь, был в подвале на Гаванной). Мои ровесники, конечно, знают, что угловое место тротуара перед «Лакомкой», напротив кафе «Алые паруса», молодежь именовала Счетчиком. Этимология объясняется просто: здесь обычно «забивали стрелку», чтобы

вместе потусоваться, а потому считали, сколько у кого «на кармане», и, следовательно, на что можно рассчитывать. Случалось, денег доставало лишь на один заход в находившийся правее «Лакомки» магазин «Куяльник», в одном из двух отделений которого наливали отнюдь не минеральную воду.

Примечания

[1] Записки Одесского общества истории и древностей. Т. III. – Одесса, 1853, с. 591.

[2] А. Орлов. Исторический очерк Одессы с 1794 по 1803 год. – Одесса, 1885, с. 110.

[3] Там же, с. 136-137.

[4] Там же, с. 45, 50.

[5] Одесса, 1794-1894: Издание городского общественного управления к столетию города. – Одесса, 1895, с. 231.

[6] Александр Дерибас. Старая Одесса. Забытые страницы. Исторические очерки и воспоминания. – Киев: Мистецтво, 2004, с. 19.

[7] Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 846, оп. 16, д. 22276, л. 1; Тимофієнко В.І. Зодчі України кінця XVIII – початку XX століть. – К., 1999, с. 385-386.

[8] Одесский государственный историко-краеведческий музей (ОГИКМ), инв. № К-600; версия этого же плана сохранилась в копии, сделанной городским землемером Гаэтано Даллаква в 1836 году (инв. № К-609).

[9] ОГИКМ, инв. № К-602.

[10] Plan de la ville d'Odessa, 1814.

[11] РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 22278, л. 1; ОГИКМ, инв. № К-584.

[12] Греки Одессы. Ч. I. – Труды Государственного архива Одесской области (ГАОО). Т. XXXVIII. – 2014, с. 200-201.

[13] ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 1667, л. 3.

[14] Там же, л. 9.

[15] Там же, д. 65, л. 691.

[16] Там же, д. 4, л. 368, 372.

[17] Там же, ф. 4, оп. 1А, д. 280, л. 25 об.

[18] Там же, оп. 8, д. 942, л. 27.

[19] Там же, ф. 895, оп. 1, д. 240 (чертеж); ф. 59, оп. 2, д. 430 (описание).

[20] Новороссийский календарь на 1837 год. – С. 159, 163, 164.

[21] Новороссийский календарь на 1838 год. – С. 145-146.

[22] Одесский вестник. – 1828, № 100; Новороссийский календарь на 1837 год. – С. 158.

[23] Новороссийский календарь на 1837 год. – С. 330.

[24] Д.И. Петерс. Наградные медали Российской империи с надписью «За прекращение чумы в Одессе 1837». – Москва, 2006, с. 42.

[25] Новороссийский календарь на 1841 год. – С. 257.

[26] Одесский вестник. – 1842, № 35.

[27] ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 267, л. 314; Там же, д. 268, л. 32; Там же, д. 269, л. 520 об. – 521 и др.

[28] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 200. – 24 л.

[29] Там же, оп. 2, д. 886. – 5 л.

[30] Список домам и прочим строениям, состоящим в 1-й части Одессы, оцененным для платежа полупроцентного сбора с 1848 года, подлежащим и не подлежащим оценке. – Б. м., б. г., с. 5, 36.

[31] ГАОО, ф. 895, оп. 1, д. 400 (изображение); Там же, ф. 59, оп. 2, д. 1553 (описание).

[32] Одесский вестник. – 1851, № 89.

[33] Там же. – 1852, № 53.

[34] Новороссийский календарь на 1853 год. – С. 377; Новороссийский календарь на 1854 год. – С. 365.

[35] Одесский вестник. – 1856, Прибавление к № 116.

[36] Там же, 1831, № 8; Там же, 1832, № 65; Там же, 1834, № 43.

[37] Новороссийский календарь на 1857 год. – С. 390.

[38] Одесский вестник. – 1857, № 37.

[39] О.И. Губарь. Первый «Гамбринус». – В сб.: Дом князя Гагарина. Вып. 5. – Одесса: ЗАО «ПЛАСКЕ», 2009, с. 94-99.

[40] Одесский вестник. – 1865, № 72.

[41] Путеводитель по Одессе. – Одесса, 1867, с. 86; Адрес-календарь Одесского градоначальства на 1878 год. – С. 144.

[42] Одесский вестник. – 1869, № 122.

[43] Путеводитель по Одессе. – Одесса, 1867, с. 127; Одесский вестник. – 1869, № 178.

[44] Путеводитель по Одессе. – Одесса, 1867, с. 99.

[45] Там же, с. 102.

[46] Там же, с. 87.

[47] Новороссийский календарь на 1871 год. Рекламное приложение.

[48] Одесский календарь на 1874 год. – Одесса, 1873, с. 77.

[49] Греки Одессы. Ч. III. – Труды ГАОО. Т. XI. – 2004, с. 78-79.

[50] Одесский вестник. – 1873, № 214.

[51] Там же, 1872, № 215; Первые кладбища Одессы. – Одесса, 2012, с. 296, 415.

[52] Одесский вестник. – 1874, № 163.

[53] К. Висковский. Путеводитель по городу Одессе. – Одесса, 1875, с. 2, 40.

[54] Вся Одесса на 1912 год. – С. 274; Вся Одесса на 1914 год. – С. 60, 147.

[55] Вся Одесса на 1899 год. – С. 7, 23; Вся Одесса на 1902-1903 гг. – С. 7, 22.

[56] Вся Одесса на 1904-1905 гг. – С. 6, 20.

[57] Вся Одесса на 1912 год. – С. 274.

[58] Вся Одесса на 1914 год. – С. 365.

[59] Одесса, ее окрестности и курорты. – Одесса, 1901, с. 45.

[60] Одесский вестник. – 1871, № 171.

[61] Там же, 1876, № 215.

[62] Там же, 1872, № 102.

[63] Там же, 1874, № 198.

[64] Адрес-календарь Одесского градоначальства на 1899 год. – Одесса, 1898, с. 58.

[65] Там же, с. 68.

[66] Вся Одесса на 1911 год. – С. 47.

[67] Вся Одесса на 1902-1903 гг. – С. XIX, 193.

[68] Адрес-календарь Одесского градоначальства на 1899 год. – Одесса, 1898, с. 282; Одесса, ее окрестности и курорты. – Одесса, 1901; Адресный отдел, с. 25; Вся Одесса на 1902-1903 гг. – С. 179.

[69] Вся Одесса на 1914 год. – С. 304, 305.

[70] Вся Одесса на 1911 год. – С. 42, ст. 591.

[71] Вся Одесса на 1904-1905 гг. – С. 49; Вся Одесса на 1911 год. – С. 698.

[72] Одесса, ее окрестности и курорты. – Одесса, 1901, с. 34.

[73] Вся Одесса на 1902-1903 гг. – С. 183.

[74] Вся Одесса на 1904-1905 гг. – С. 49.

[75] Первые кладбища Одессы. – Одесса, 2012, с. 468.

[76] Вся Одесса на 1899 год. – С. 295.

[77] Вся Одесса на 1904-1905 гг. – С. 40.

[78] Там же, с. 41.

Олег Губарь

The second (next) life

Из новой книги

Женераль Чарнота

Однажды я решил покуролесить. Молодой был. Прошвырнулся по «большому кругу» винарок. И потом еще с собой нес фауст-патрон «Изабеллы». На остановке внизу Потемкинской лестницы познакомился с пересыпской барышней. Троллейбусы чего-то перегорели, и мы пошли пешком на Московскую. Ну, занимались там у барышни разными делами. Ночь. То да се. И вдруг мне приспичило. Помню, брюки натягиваю. Помню, двор внизу. Помню, барышня указывает на раскидистое дерево. Подойди, мол, и справь, а сама в комнату возвращается. Ну, я справил. Гляжу вверх. Галерея с перилами, длинная такая, архаично одесская. Дюжина одинаковых дверей. И никого. В какую, спрашивается, ломиться? Постоял в задумчивости и побрел домой. На пороге Мама глянула на меня со значением. «Ты чего, – говорит, – так и шел через весь город?» – «Как?» – «Да – босиком», – говорит.

Женский день

Однажды на кафедре истории древнего мира ОГУ отмечали Международный женский день 8 Марта. Ну, там типа разговор культурный зашел. Кому какие женские исторические персонажи по вкусу. Одна говорит: «Жанна Д'Арк». Другая: «Мария Стюарт». Третья: «Клеопатра». И такое прочее. А после профессора Карышковского спрашивают – достойнейший был мужик, и великий острослов: «А вы что же, Петр Осипович, вам-то кто нравится?».

ПэО пожевал губами и говорит: «А мне царица Хатшепсут нравится». «А-а-а, – разочарованно протянула одна из продвинутых сотрудниц, – и правда, была такая царица египетская. Да чем же она может нравиться?!» Профессор удивленно вскинул брови: «Как это? Да о ней же не дошло почти никаких известий!».

Кот

Дядя Боря направлялся на Старую Книжку, чтоб обменять 20 долларей, а после «сделать базар». Неподалеку от площади Толстого упал и откинул ботинки. Младший сын Алик, начальник следственного отдела городской прокуратуры, на месте происшествия вел себя по обыкновению сдержанно. Только очень наблюдательный прохожий подметил бы, как недоуменно разглядывает стоптанные отцовские башмаки старший советник юстиции.

Возле выставленного в молдаванском дворике гроба что-то происходило: наш добрейшей души кореш Ваня призывал ветхозаветных стариков обнажить головы, а те глядели на него столь же недоуменно, как давеча Алик на старые боты. На Еврейском кладбище я вещал что-то об «исхоженных детством» улицах, о дефиците во все времена и при любых режимах людей правил и чести. И тоже помянул – ни к селу, ни к городу – старые ботинки.

При чем тут кот. При том, что он был у Дяди Бори. Тетя Дора умерла, старший, Фима, уехал в Германию, Алик беспросветно мандячил на мелиху, средний, Мишаня, – на друзей, тоже беспросветно. Кот был под рукой. Когда Дядя Боря навещал Фиму, Мишаня получал инструкции по обслуживанию хвостатого. По возвращении Дядя Боря врубал глазомер, сличая памятный абрис с реальным и резюмировал: «Вроде, ничего». В такие моменты Мишаня опасливо размышлял: «Если б этот кот мог поведать Батяне о пережитом…».

Сегодня мы не без труда вспомнили, что кота звали Кузей. Какое это, собственно, имеет значение. Гроб пронесли по перестроенной в послевоенной нищете Дядей Борей галерее,

спустили по лестнице на погано заасфальтированную площадку. Сквозь процессию незаметно просочился кот. Больше мы его никогда не видели.

Опыт

– Нет ничего лучше собственного опыта. Однажды в армейке решил догнать и перегнать слинявшего из хозчасти поросенка. Я был разрядником в беге на 1.000 и 3.000 м, а поросенок, по моим расчетам, вряд ли. Хрюндаи рысачил вокруг санузла (санчасти и библиотеки в одном деревянном флаконе), я за ним, буквально по пятам. Решив измотать соперника, побежал размеренной трусцой, отладив дыхалку, и даже позволил хмырьку занять позицию вне прямой видимости. Старшина роты, дневальный, медицинская бабушка, красотка библиотекарша & Со хохотали до полного пароксизма, покуда я уверенно нарезал круги. Хрен знает, когда хрюндаи сорвало с орбиты центробежной силой, но он выбыл из соревнований, а я еще долго и честно оставался. Много позже узнал, что в космос сперва намеревались запустить не собаку, а поросенка, поскольку свинья вообще физиологически ближе к человеку. Но идеологически этот проект проиграл. Что, в общем, утешительно.

Портал

– Дом заселяли по жребию. Мой Везучий Отец (всю войну на передовой, и хоть бы хны) вытянул счастливую пятерку в девятиэтажке. Водяная балка, Ставкй, жабы убедительно квакают, лабазы времен «Зеленого фургона», легендарный вытрезвитель на Скидановском спуске, а мы вознеслись над недоцивилизацией в выси горние. И вдруг, среди здесь, где чисто и светло, пришла, понюхала и ушла крыса. Но вернулась. И зачастила. Лаз обнаружился в правом углу сортира, соответственно слева от сидящих в кресле первого ряда партера.

Я был креативненьким. Цапнул ведро, сбегал на улицу, натырил гранитного щебня и стал закидывать нору. Камешки без-

звучно улетали в неизвестность. Я был не только креативным, но если называть вещи по именам, клято любознательным. Смотался за вторым ведром, за третьим. Занятие увлекало. Открылась бездна звезд полна.

Логика не работала, а физика – да. Если где-то шота прибыло, стало быть, шота где-то убыло. Площадка перед домом долго оставалась не заасфальтированной ввиду отсутствия наличия щебенки.

В конце концов Батя просек меня и пресек эксперимент, несмотря на все обоснования коммуникации меж измерениями, мотивируя стоимостью щебня и тонно-километрами за наш счет. Просто взял, и пошло зацементировал Сезам.

Как честный человек оставляю типа код да Винчи потомкам: улица Балковская (Фрунзе), 34, квартира 125. Нынешним жильцам на меня не ссылаться: они еще не знают своего счастья.

Виталий Кузьмин

По дороге домой

Грохочут по рельсам колеса трамвая.
Немало людей в его желтой утробе
Качаются мерно, к окну прислонившись,
И тусклые лампы их освещают.
Сгущается тьма, но окон миллионы
Огромных домов, громоздящихся всюду,
Сияют и манят теплом и уютом.
Сидит человек на пластмассовом кресле,
Держа на коленях кулек с чем-то нужным.
Почти задремав, он запомнил, конечно,
Что нужно сойти через две остановки,
Которые так друг на друга похожи.
Сложились и лязгнули двери в средине,
Дохнула прохладою тьма, что за бортом трамвая.
Скатился туда человек, и движением ловким
Кулек с чем-то важным пронес аккуратно,
Не стукнув о поручень твердый блестящий.
Спокойно пошел, зная путь неизменный
К квартире, что в недрах бетонного дома
Таится, надежно храня впечатленья детства.
Стоит человек у парадного входа,
И связка ключей зазвенит в его пальцах,
Хотел уж войти, но на миг задержался,
На поле, во мрак бросив взгляд любопытный.
На два километра пустого пространства,
Что тянется долго, до самого края
Земли, где обрыв красно-глинный

Высокой стеной возвышался над морем,
Границу миров сохраняя надежно,
Дыша древней силой царицы-природы.
Поманит равнина, степными ветрами
Суля чудеса и опасности всякие,
Идти без оглядки туда, где деревья
Растут и шумят, в темноте изгибаясь.
Где в море сползает пласт глины широкий,
Животные ночи идут на охоту, а волны прибоя
Шумят в темноте, беспокойные мысли вселяя.
И только турист в тонкостенной палатке,
Свой примус и лампу снаружи оставив,
Спит мирно, вдыхая соленого моря напевы.
На рейде суда – то творение рук человека –
Вздыхают и скрипнут на шумных валах,
Якорями за дно зацепившись надежно.
Полны ярким светом коробки стальные,
Там дизель могучий работает мерно,
Наверх электрический ток нагнетая.
Вот кто-то внутри цельносварного чрева,
От дизеля шумного долго страдавший,
Полез вдруг наверх через люк очень узкий
И стал, на фальшборт опираясь локтями,
На город далекий смотреть вожделенно,
Захвачен был весь его светом волшебным…
Внизу колыхается черная бездна,
Прохладная жизнь потаенного мира,
Там рыбы, медузы, креветки и крабы
Давно уж живут, со времен мирозданья,
Туда не дано человеку проникнуть.
А он все стоит у второго подъезда,
И связка ключей дребезжит в его пальцах.
Очнувшись от грез и видений вечерних,
Вдавил человек кнопку лифта привычно.
Взлетел высоко, за ним хлопнули двери –
И вмиг очутился в уютном покое
Бетонной коробки, что нежно хранит
Впечатления детства.

Наиль Муратов

Увидеть Париж и…

Из Киева в Париж маршрутов много, самый дешевый – с пересадкой в Риме. Интервал между рейсами тридцать минут, что мало, даже если самолет приземлится в аэропорту Фьюмичино строго по расписанию. Но сорок минут опоздания – и белокурая сотрудница «Эйр Франс», сочувственно улыбаясь, указывает на остекленную стену, за которой виднеется взлетная полоса и стремительно взмывающий в небо серебристый «Аэробус». Лена с тоской проводила самолет глазами. Часа через полтора он приземлится в аэропорту Шарля де Голля, только уже без нее. Но разве она не знала заранее, что так и случится, потому что с ее цыганским счастьем рассчитывать на иной исход дела было бы просто смешно! Хватит уже и того, что удача улыбнулась ей, позволив выиграть эту замечательную поездку. Как оказалось, поездку в никуда. Лена никак не могла сообразить, что делать дальше. Из иностранных языков она немного знала английский, который остервенело учила в школе. Но учить – это одно, а изъясняться – совсем другое. Служащая авиакомпании тратила свое время впустую – из множества произнесенных ею слов Лена не поняла ни одного. Мозг ее будто заклинило, и все, связанное с лингвистикой, оказалось в зоне невозврата. Но дама, облаченная в униформу «Эйр Франс», сдаваться не собиралась. Потерпев неудачу с английским, она перешла на французский, затем на итальянский, что, к сожалению, никак не повлияло на конечный результат. Лена чуть не расплакалась: итог ее заграничной авантюры – а участие в поэтическом конкурсе в Париже она теперь считала жуткой авантюрой! – оказался плачевным. Одна ночью в незнакомом городе, и никто не может тебе помочь. Впору повеситься!

Но блондинка за стойкой явно не разделяла пессимизма Лены, тем более что на помощь ей явился импозантный господин средних лет, судя по всему – сотрудник рангом повыше. Несколько минут он обсуждал с кем-то ситуацию по телефону, а затем неожиданно передал трубку Лене.

– Вы русская? – пророкотал приятный мужской голос.

– Украинка! – машинально ответила Лена.

– Хрен редьки не слаще! – философски заметил голос. – В общем, слушайте! Вас сейчас направят в гостиницу, там накормят, а утром вы вылетите в Париж. Поскольку вы опоздали по вине компании, она все и оплачивает. В гостиницу доберетесь автобусом, остановку найдете по указателям. Она в самом конце терминала. Вопросы есть?

– Нет! – быстро ответила Лена, хотя вопросов к неизвестному оракулу у нее было множество. Например, хотелось знать, где он так здорово научился говорить по-русски, живет ли в эмиграции или на просторах бывшего Союза, женат ли, есть ли у него хобби, и вообще, счастлив он или нет. Но даже находясь в состоянии ступора, она понимала, что при данных обстоятельствах ее вопросы вряд ли будут уместными. Впрочем, на смену ступору как-то незаметно пришла эйфория. Лена с удивлением обнаружила, что начинает понимать кое-что из того, о чем говорила представительница компании. Та выписала направление на поселение, затем предупредила, что автобус к гостинице отправится через двадцать минут. Воспрянувшая духом Лена за десять минут добралась до остановки. Ждать оставалось столько же. Будущее казалось прекрасным.

Но счастье оказалась недолговечным: Лена с ужасом обнаружила, что за мусорными баками, выставленными поодаль, кто-то прячется. И кроме нее самой этот кто-то был единственным человеком в округе. Шел первый час ночи, помощи ждать неоткуда. Ринуться со всех ног обратно в аэропорт Лена не решилась: сумка сильно тормозила движение. Бросить же ее было никак невозможно, потому что внутри находились платье и туфли, в которых Лена собиралась читать стихи на заключительном этапе конкурса. Это выступление – финал крупного поэтического фестиваля – должно было, по идее, стать ее звездным часом, признанием

несомненного, как она втайне верила, таланта! Но все пошло кувырком, и теперь ее жизнь, скорее всего, оборвется, и вместо заслуженного триумфа в Париже она обретет вечный покой в Вечном городе. Особенно обидным было то, что члены жюри об этом даже не узнают. Лена как человек ответственный с таким конфузом смириться не могла. Увидеть Париж и умереть – это еще куда ни шло, подумала она. Но умереть, так и не увидев Парижа! Стоило ли вообще тогда жить?! Лучшая защита – нападение! – сообразила она и решительно направилась к контейнерам, выставив на всякий случай вперед сумку. Правда, решимости хватило не более чем на несколько шагов. Лена остановилась и срывающимся голосом выкрикнула первые пришедшие на ум слова, вроде бы даже английские. Только позже она осознала, что в переводе на русский они означают, что известный русский писатель Антон Павлович Чехов родился в 1860 году. Как ни странно, но этот отрывок текста, навечно врезавшегося в память Лены еще в седьмом классе, возымел действие, правда, не то, на которое она рассчитывала. Из-за контейнера показалась зловещего вида фигура с битой и сделала шаг в направлении Лены. Возможно, этот парень вообще не знает, кто такой Чехов! – подумала она. В тусклом освещении лицо злоумышленника казалось вылепленным из отдельных квадратов и треугольников, что вызывало ассоциации с картинами позднего Пикассо. Обладатель устрашающего лица помедлил, оценивая, очевидно, с какой стороны лучше нанести удар, затем продвинулся к жертве поближе. Теперь их разделяло не более пяти-шести метров. Выждав еще немного, незнакомец неуверенно поинтересовался:

– Are you married?

Такого поворота Лена ожидала меньше всего. На мгновение она оцепенела, затем начала гомерически хохотать. И странно, страх сразу куда-то улетучился, будто его никогда и не было. А тут еще и автобус подъехал. Фары высветили паренька лет семнадцати-восемнадцати, застывшего напротив Лены с недоуменным выражением лица. Ну а то, что в темноте выглядело, как бита, оказалась на самом деле букетом роз, завернутым в целлофан. Передняя дверь автобуса призывно распахнулась, и Лена с легким сердцем шагнула в пустой салон. Паренек

поспешил следом. В свете плафонов он уже не казался страшным, скорее забавным. Лену умилило, что ее попутчик, занявший на всякий случай кресло неподалеку, время от времени бросал на нее виноватые взгляды. Чтобы окончательно разрядить обстановку, она поинтересовалась, не направляется ли он тоже в гостиницу. К ее удивлению, нужные английские слова нашлись сами собой. Паренек с готовностью ответил, что да, направляется, и в свою очередь спросил, не сможет ли леди помочь ему с поселением, поскольку он впервые за границей и не очень хорошо здесь ориентируется. Ей опять захотелось расхохотаться, но она сумела сдержать себя и с серьезным видом ответить, что он может смело на нее рассчитывать. Паренек, вздохнув с облегчением, быстро пересел в кресло рядом с Леной. Судя по всему, он решил не испытывать судьбу и держаться к попутчице поближе. Звали его Сантуш. Был он очень славным, каким-то даже домашним, и ничем не отличался от мальчишек его возраста, живущих по соседству с Леной в Киеве.

В отеле их поселили на разных этажах, но Сантушу пришла в голову замечательная идея – наведаться к Лене в апартаменты и поблагодарить за помощь. Похоже, ему очень не хотелось оставаться самому в номере. Слово за слово, и вот уже половина ночи прошла в разговорах. На вопрос Лены, почему он прятался, гость ответил, что очень испугался, завидев приближающуюся к остановке зловещую фигуру, и потому поспешил укрыться за мусорными баками. Перед отъездом из родного Лиссабона все друзья и родственники в один голос предупреждали его о многочисленных опасностях, подстерегающих в Риме неопытного путешественника. Особенно следовало опасаться цыган, понаехавших в Вечный город из далекой Румынии.

– А зачем вам было знать, замужем ли я? – спросила Лена.

– Ничего другого не пришло в голову, – сознался Сантуш. – Наверное, это была плохая идея, но вы так решительно шли на меня.

– Нет, это была отличная идея! – весело возразила Лена.

– Отчего же вы так смеялись?

– Оттого, что за последние десять лет вы – первый мужчина, пожелавший узнать, замужем ли я! – без запинки ответила она. И правда, не признаваться же, что сама перепугалась до смерти!

Так они проболтали почти до рассвета, заменяя слова жестами в тех нередких случаях, когда возникали затруднения. Оказалось, что юный португалец направляется в Ассизи к девушке, в которую влюблен уже больше года. Именно ей и предназначался букет роз, напугавший Лену. Пикантность ситуации заключалась в том, что встреча в Италии должна была стать первым очным свиданием двух влюбленных, поскольку до сегодняшнего дня их общение протекало исключительно в Сети. Когда выяснилось, что Лена – финалистка международного фестиваля поэзии, Сантуш разволновался: с поэтами судьба его до сих пор не сводила. Пришлось подарить ему один из сборников, которые Лена захватила для новых друзей в Париже. Получив подписанную автором книжицу, молодой португалец неожиданно умчался прочь, но спустя минуту вернулся, да еще и с бутылкой вина. По славянской традиции сборник «обмыли», и Сантуш, не знающий ни слова по-русски, упросил Лену продекламировать несколько стихов. И то ли язык поэзии понятен без перевода, то ли португальское вино обладает каким-то особым воздействием, но чтение Лены потрясло ее единственного слушателя. Прослезившись, Сантуш торжественно сообщил, что она оказала ему честь, и что он никогда этого не забудет.

Утром он дождался ее в фойе и, заметив небрежно, что добраться к любимой еще успеет, отправился провожать Лену в аэропорт, причем не покинул терминал до тех пор, пока ее самолет не оторвался от взлетной полосы.

Парижскую гостиницу, в которой размещали участников фестиваля, она разыскала без приключений. Всех поэтов поселили на одном этаже, и теперь здесь звучала исключительно родная, набившая оскомину речь. День пролетел как мгновение: экскурсия по городу, совместный ужин в ресторане. Ходили группой, как в советские времена, и в какой-то момент Лена с тоской поняла, что устала от такого обилия русскоязычного люда. Хотелось пройти по ночному Парижу, полюбоваться освещенной уличными фонарями Сеной, вдосталь наслушаться звучания настоящего французского языка. Но благое это намерение так и осталось неосуществленным: круг поэтов цепко держал Лену в своем замкнутом пространстве, втягивая ее, словно щупальцами, в общий

разговор всякий раз, когда она делала робкую попытку незаметно удалиться.

Вырваться удалось только следующим утром. Гостиница находилась в каких-то трех кварталах от острова Ситэ, и еще со вчерашнего дня Лена заприметила кафе на набережной, откуда открывался прекрасный вид на знаменитый собор. Возможно, это и было главной мечтой ее жизни – сидеть за столиком такого вот кафе на берегу Сены, блаженствуя в тени парижских каштанов. Иногда ей казалось, что в прошлой своей жизни она так и делала, настолько знакомым все было кругом. И когда поэты отправились на очередное официальное мероприятие фестиваля – встречу с журналистами, Лена выбилась незаметно из общего строя и направилась к заветному кафе. Заняла один из столиков, занимавших большую часть тротуара, и заказала капучино. С выбором места она не ошиблась: толпы туристов, неспешно перемещающихся вдоль парапета набережной к мосту, рядом с которым возвышался собор, огибали эту сторону улицы, и за столиком можно было даже ощутить одиночество. Финальное выступление начиналось в два часа, и Лена намеревалась провести остаток времени в этом волшебном месте. Она даже попыталась написать на салфетке стихотворение, подобно тому, как это делали французские декаденты, но затея оказалась неудачной, ручка лишь царапала и рвала бумагу. Пришлось пользоваться привычным блокнотом. Чтобы не возвращаться в гостиницу, Лена заранее надела платье, в котором собиралась появиться на сцене. Выглядело оно шикарно: черное облегающее фигуру платье для коктейлей – самая приличная вещь из всего ее небогатого гардероба. А в сумке-рюкзаке, которую она выпросила у дочери на время поездки, покоились не менее шикарные черные туфли. К несчастью, они были ей немного тесноваты, и до финала Лена предпочла ходить в спортивных тапочках. Она понимала, конечно, что в родном Киеве выглядела бы в таком наряде комично, но в Париже сочетание платья для коктейлей с тапочками и рюкзаком, слава богу, никого не забавляло.

Когда ты счастлив, то позволяешь времени баюкать себя, опасаясь расплескать по пустякам хорошее настроение. Но неожиданно пищит будильник, выставленный заранее на мобильном

телефоне, а стихотворение все еще не дописано, да и новая порция кофе призывно дымится на столике. Обжигаясь, Лена впопыхах допила его и попросила счет. Впереди было финальное выступление. Жизнь казалась такой же безоблачной, как небо над Сеной. Уже само по себе это должно было Лену насторожить, но…

Оставив деньги на столике, как это, по ее мнению, делали парижане, Лена гордо покинула кафе, но не успела сделать и трех шагов, как в голову ей пришли две замечательные строчки, которых не хватало ее стихотворению. А потом и еще две. Лена метнулась обратно к столику. В общем, когда она закрыла блокнот, времени, чтобы добраться до места, оставалось в обрез. Но не беда, дорогу Лена знала: нужно было пересечь Сену по мосту и пройти несколько кварталов. Она окинула быстрым взглядом улицу и, не увидев поблизости полицейского, перебежала ее, как всегда делала в Киеве, если торопилась. Водитель машины, оказавшейся в опасной близости, посигналил и погрозил ей пальцем, но Лена, сделав вид, что это относится не к ней, помчалась дальше. И уже на мосту зацепилась за бордюр и ласточкой полетела на тротуар. К чести ее, она не рухнула мешком, и перед тем как распластаться на асфальте среди людского потока, успела вытянуть вперед руки. Рюкзак же перелетел через ее голову, словно спешил примчаться на конкурс раньше хозяйки. Падение оказалось настолько ошеломляющим, что она даже не почувствовала боли. Сердобольные прохожие помогли ей подняться, начали наперебой что-то предлагать, но Лене было не до них: первым делом следовало проверить, не пострадало ли платье. К счастью, обошлось. Она облегченно вздохнула: пятна пыли можно было без труда вычистить щеткой. Пострадали только коленки, разбитые в кровь, но это – пустяк, кровь можно отмыть в туалете перед выступлением, а ссадины заживут и так. Лена собралась продолжить марафон, но помешала опустившаяся на плечо тяжелая рука. Здоровенный негр-полицейский, возникший ниоткуда, явно вознамерился не дать нарушительнице сбежать. Как же она не заметила его раньше? И какой полагается штраф за переход улицы в неустановленном месте? Наверное, не меньше сотни евро, если не больше! Но главное, пока штраф оформят, финал закончится, и Лена останется без награды. К ее счастью, полицейский

значительно ослабил хватку, и свободной рукой начал чертить в воздухе загадочные знаки. Кому они были предназначены, Лена не увидела. Скорее всего, патрульной машине, притаившейся где-то поблизости. На ней ее и повезут в участок! Такой поворот событий Лену определенно не устраивал. Не долго думая, она со всей мочи огрела полицейского рюкзаком и пустилась наутек. Правда, пробежать ей удалось не больше метров пяти-шести, после чего мощная рука правосудия снова сдавила ее в своих объятиях. И уже куда больнее, чем раньше. Полицейский начал сурово выговаривать Лене, видимо, перечисляя статьи законов, которые она нарушила. Судя по всему, набегало на приличный срок. Все, прощай награда, здравствуй, парижская тюрьма! Да еще и с работы наверняка уволят!

Полицейский, пристегнув наручниками руку Лены к своей, снова начертил в воздухе загадочные знаки, и она наконец увидела, кому они предназначались. Две девушки в одинаковых красных теннисках спешили к мосту на велосипедах. Без сомнения – парамедики! Сняв рюкзаки, девушки достали наборы медикаментов и проворно промыли раны на ногах Лены перекисью водорода. Затем наложили по пластырю. Боль сразу утихла, но вместо облегчения Лена почувствовала отчаяние. Оказывается, полицейский вовсе не собирался ее арестовать, он только хотел оказать помощь. Наверное, их так здесь учат. А она его в благодарность рюкзаком по голове! Хорошо хоть, что в нем ничего тяжело не было, только туфли.

Исполнив свой долг, парамедики укатили прочь, и Лена осталась один на один с блюстителем закона, если не считать, конечно, еще пары сотен туристов, не скрывающих своего любопытства. Положение складывалось отчаянное: полицейский отпускать Лену не собирался, а она, не зная языка, ничего не могла ему объяснить. Единственным словом из его длинной тирады, которое она сумела разобрать, было слово *паспорт*. Лена полезла в рюкзак и обречено протянула представителю закона синюю книжицу с тризубом на обложке. Тот долго вертел ее в руках, просматривая страницу за страницей, но все они были пусты за исключением одной-единственной, на которой красовалась французская виза. Вздохнув, полицейский сунул паспорт в карман, что ничего

хорошего Лене не предвещало. Нужно было что-то делать. И тут в ее голове родилась очередная гениальная идея. В рюкзаке лежала афиша конкурса, которую Лена выпросила накануне у организаторов фестиваля. Текст афиши, включавший список участников финала, был набран как на русском, так и на французском языках. Развернув ее, Лена указала стражу правопорядка пальцем на свою фамилию в списке, затем на себя. Полицейский надолго задумался, потом вновь достал паспорт и начал сличать записи. Сомнений не было, задержанная была финалисткой международного конкурса поэзии. Пока он размышлял над тем, что делать дальше, один из туристов, бесцеремонно растолкав толпу, подобрался к Лене вплотную.

– Шо я вижу! – весело воскликнул он. – Дама в беде!

Не признать в нем одессита было невозможно. Распознав гражданство Лены по тризубу на паспорте, он, будучи, как все настоящие одесситы, человеком отзывчивым, решил немедленно помочь попавшей в беду соотечественнице. Правда, французский он знал не лучше Лены, но такие мелочи одесситов не останавливают. Рассмотрев афишу, он смело обратился к полицейскому по-русски:

– Послушайте, эта дама – знаменитая поэтесса! Через двадцать минут она должна выступать на конкурсе и завоевать гран-при. Вы же не хотите сорвать ее выступление?!

Пока полицейский, ошалевший от потока неизвестных слов, думал, что предпринять, от толпы туристов отделилась грациозная девушка лет двадцати пяти и в свою очередь начала что-то быстро ему говорить на французском. Полицейский бросил несколько слов в ответ, затем показал на наручники.

– Он не может вас отпустить, поскольку вы совершили нападение на представителя закона! – бесстрастно сообщила девушка Лене на чистом русском, а затем вновь обратилась к полицейскому с прочувствованной речью, в которой несколько раз прозвучало слово *поэт*. И то ли французские полицейские неравнодушны к поэзии, то ли конкретно негры чувствительны к рифмованному слогу, но в этот раз страж закона отвечал не столь уверенно. В общем, после пяти минут торга девушка перевела его вердикт:

– Он не может вас отпустить, но и сорвать выступление тоже не хочет, поэтому отправится на конкурс вместе с вами, а потом доставит вас в участок.

– Ну, это мы еще посмотрим! – заметил одессит. – Кстати, откуда вы родом, спасительница?

– Из Питера, – скромно ответила девушка.

– Спасибо! – с чувством сказала Лена.

– Не за что! – легко отозвалась та. – А вы действительно знаменитость?

– В известном роде, да! – неопределенно ответила Лена.

На финальное выступление она опоздала, но не драматически: свои стих читала первая участница, а фамилия Лены значилась в середине списка. Моложавая распорядительница, обнаружив, что опоздавшая прикована наручниками к полицейскому, заметила без энтузиазма:

– Да, много мы тут чего видели…

Но галочку в списке поставила и даже провела за кулисы. Там кого только не было – и поэты, и их друзья, и даже медсестра с аптечкой. А теперь еще добавился и полицейский. Впрочем, ни на него, ни на Лену внимания никто не обратил. Конкурс протекал так, как обычно протекают такие мероприятия: перепуганный поэт выскакивал на сцену и декламировал, как умел, свои выдающиеся творения, а на смену ему готовился другой автор, не менее амбициозный. Очередь Лены неотвратимо приближалась, и вдруг до нее дошло, что полицейский отнюдь не собирается отстегивать наручники. Более того, он даже не разрешил ей достать из рюкзака туфли, считая их, по-видимому, вещественными доказательствами. Лена собралась было отодрать наклейки с ран, потом обреченно махнула рукой. Так они и вышли на сцену: полицейский и прикованная к нему поэтесса в шикарном платье для коктейлей, но босая и с пластырем на коленках. С их появлением в зале воцарилась мертвая тишина.

– Как сильно! – прошептал коллегам, сидящим с ним за одним столом, председатель жюри. – Да ей даже читать ничего не надо, можно сразу отдавать первое место.

Журналисты, оккупировавшие первый ряд кресел, не сговариваясь, включили диктофоны и принялись описывать

сногсшибательную по замыслу акцию протеста киевской поэтессы. Направлена она была, по мнению одних, против гонений на свободу слова, по мнению других – против полицейского произвола. Высказывались и другие версии, не менее обоснованные. И никому, буквально ни единому человеку не пришло в голову, что арест Лены был всамделишным, а не постановочным.

Пока Лена собиралась с духом прочесть стихотворение, кто-то в зале не выдержал и крикнул «браво». И сразу же разразилась овация. Лена, не осознавшая в полной мере, что происходит, вопросительно взглянула на полицейского, но тот ошибочно воспринял ее взгляд как укоризненный. Ему было жутко неловко: мало того, что арестовал поэтессу – что не сулило лавров ни одному правоохранителю! – так она еще оказалась знаменитостью. Да, знаменитостью, иначе как объяснить обрушившийся на сцену шквал аплодисментов?! Арестовать знаменитость?! Полицейский представил, как приводит задержанную в участок, и как подтрунивают над ним коллеги. Эх, будь они еще хотя бы черными!

Когда аплодисменты смолкли, вдохновленная Лена в абсолютной тишине прочла стихотворение. И снова овация! Так Лену еще никогда не принимали. Когда она завершила выступление, публика аплодировала стоя. Многие зрители повыбегали на сцену, чтобы подарить чтице цветы. Отдельно рукоплескали девочке, вручившей букет полицейскому. И это оказалось каплей, переполнившей чашу. Доброе сердце стража порядка дрогнуло. Сняв демонстративно с руки задержанной наручник, он протянул ей один из бланков, на которых выписывают штрафы, и ручку, требуя автограф. Сияющая Лена лихо начертала на служебной бумаге слова признательности, а потом не удержалась и обняла вновь обретенного друга.

И только в гостинице, поглаживая любовно массивный кубок, который и был главной наградой фестиваля, она сумела свыкнуться с мыслью, что ее вояж в Париж в конечном счете обернулся удачей. Но, как всегда, она радовалась рано: при регистрации в аэропорту де Голля выяснилось, что вес ее багажа превышает допустимое значение. А всему виной тяжеленный кубок и книги, которые она купила в подарок друзьям на последние деньги.

Вернее, почти на последние, потому что несколько евро мелочью Лена все же приберегла. Так, на всякий случай.

Пока Лена тщательно пересчитывала монеты, служащая, проводившая регистрацию, стояла напротив с непроницаемым лицом. К сожалению, денег на доплату существенно не хватало. Оставалось только одно – оставить часть багажа в Париже. Вздохнув, Лена выложила на стойку несколько книг. Превышение уменьшилось с четырех до двух килограммов, поэтому отбор пришлось продолжить. Следующей жертвой оказалось «Французское завещание» Андрея Макина, изданное на русском. Лена долго держала в руках роскошно оформленный роман, затем нерешительно присоединила его к остальному «конфискату». К ее удивлению, служащая, дотоле безучастно наблюдавшая за происходящим, собрала книги со стойки, но не убрала их куда подальше, а запихнула обратно в чемодан. После чего с тем же непроницаемым видом прикрепила к его ручке бирку и отправила на движущуюся ленту. Этот благородный поступок не остался незамеченным: из толпы пассажиров послышались одобрительные возгласы, кое-то даже зааплодировал. Получив посадочный талон, растроганная Лена поспешила на досмотр. Но, увы, на этом ее злоключения не закончились. В Борисполе, после перелета, прошедшего в этот раз без приключений, выяснилось, что багаж Лены, в котором находилась заработанная потом и кровью награда, бесследно исчез. Разыскали его только через неделю, но ни кубка, ни подаренной организаторами бутылки шабли там не было. Правда, книги и диплом, подтверждающий победу, остались при ней.

И еще – воспоминания…

Майя Димерли

Три рассказа

Фарида

Моя осознанная жизнь началась в 2,5 года, когда мы переехали из Германии в Эстонию. Небольшой военный городок под названием Клоога-Айдлин прятался в густом и щедром на ягоды и грибы лесу. Железная дорога – единственный способ попасть куда-нибудь еще. По обе стороны полотна́ – канавы, в которых в изобилии водились тритоны, лягушки, их странные дети головастики и даже кровожадные пиявки. Как посуху, по ровной и мутновато-зеленой поверхности канав сновали водомерки, а над ними кружили разноцветные стрекозы. Красные, синие, зеленые, похожие на иголки с крылышками. Больших стрекоз, похожих на вертолет, мы называли стрекозлами. И бабочки. Разные. Какие угодно. Но это летом.

Наш дом был третьим или четвертым от железной дороги и первым от забора военной части. Вообще, все дома в районе железной дороги были времянками, которые красоты ради называли «финскими домиками». Страшный с жуткими щелями деревянный туалет на улице в любое время года для взрослых. Летом с крысами. Детей туда, понятное дело, не пускали. Одна колонка во дворе на всех. Вода, правда, была очень вкусной. Родниковой. Зимой, когда колонка замерзала, мы собирали и топили снег. Чего-чего, а снега зимой хватало. Целое ведро снега превращалось в лучшем случае в четверть ведра воды. Отапливались дровами и углем. В доме была печка груба, на кухне буржуйка и плита с баллонным газом. Купаться – в бане. Там постоянно не было то горячей, то холодной воды. Можно только догадываться

о том, что чувствовали родители, переехав в этот рай из Германии. Но нам, детям, все было хорошо.

Игры у нас были самые разнообразные. А точнее – три. «Я нашел ничейное», дочки-матери и войнушки. «Я нашел ничейное» вроде даже и игрой не было. Сводилось оно к следующему. Кто-то прибегал и сообщал радостным голосом: «Я нашел огород. Он ничейный и там полно клубники!». А однажды было так: «Я нашел домик. Он ничейный и в нем полно игрушек!». И мы всей оравой бежали на ничейный огород и поедали вкуснющую клубнику или перелезали через забор, пробирались в ничейный домик и играли в ничейные игрушки. И вдруг… Мы никак не могли понять, почему каждый раз за нами кто-то гонится.

Я играла в две игры из трех. «Я нашел ничейное» и войнушки.

Лариска и другие девчонки играли в дочки-матери у сарая и пытались соблазнить меня. Как можно притворяться, что кукла это человек? Кормить куклу кашей, сваренной из земли и травы! Уж лучше с братом на войну! Там, по крайней мере, не нужно притворяться, и все настоящее. И пистолет, который стреляет лентой с пистонами, пусть даже дает осечек больше, чем стреляет. И автомат на батарейках, которые как назло заканчиваются еще до начала сражения. Что говорить, автомат-палка, и тот стреляет по-настоящему. А гранаты взрываются похлеще тех, что у отца в военной части. И уж синяки от них самые что ни на есть настоящие.

Каждый раз, когда во дворе назревала война, я боялась, что ее не будет. Не могла себе представить, что кто-то в этот раз захочет быть фашистом. Но этих ребят всегда было предостаточно. Противные и лживые были эти ребята-фашисты. Убить такого очень непросто. Ты в него стреляешь. Попадаешь прямо в сердце, а он тебе говорит, что ты промазала. Ты опять стреляешь, ну точно в сердце, а он говорит, что у него только царапина или рана не смертельна. Чтобы такого укокошить, надо было стрелять в упор или попасть гранатой. Но даже в этом случае фашист начинал куда-то ползти, отстреливаться и бросать лимонки, утверждая, что умирает, но дерется из последних сил. В общем, рассчитывать на легкую победу не приходилось никогда. И надо отдать нам должное, мы платили этим гадам их же монетой. Мы уворачивались

от вражьих пуль и из последних сил сражались до самого конца, своим бессмертием доводя фашистов до белого каления.

Дом Сани Потанчика был первым от железной дороги. У Сани Потанчика была красивая мама. Не красивее моей, разумеется, но как-то раз мы даже бегали к Сане домой, чтобы посмотреть, правда ли она такая красивая, как болтали некоторые. Мы тарабанили нагло и безостановочно, пока Санина мама не открыла дверь. Она удивленно спросила, что нам нужно, а мы просто таращились на нее, и когда насмотрелись вдоволь, бросились наутек. Интересно, что она подумала? Она действительно была очень красивой. И она была необычной. У нее были черные волосы, черные слегка раскосые глаза и смуглая кожа. И она не показалось нам строгой.

Мне было три года. На дворе стояло ласковое лето. К Саниной маме недели на две приехали родственники и привезли с собой двоих детей. Их звали Фарид и Фарида́. Ей было лет семь, а ему не меньше пяти. Мы жили недостаточно далеко, чтобы совсем не замечать их появления в нашем лесу, но и недостаточно близко, чтобы каждый день сталкиваться нос к носу.

За день до моего знакомства с Фаридом я узнала что-то очень важное. Так со мной часто случалось. Узна́ю что-нибудь, а назавтра оно пригождается. Я никак не могла понять смысла фразы «вставлять палки в колеса». Когда я думала об этом выражении, я представляла военный грузовик, и мне было непонятно, зачем туда вставлять палки. И вот моя бабушка объяснила, что речь идет о велосипеде. Если между спицами воткнуть палку, то это закончится «не здо́рово» для того, кто крутит педали. Другими словами, вставлять палки в колеса означало «мешать».

Наступило завтра. Фарид несся на велосипеде «Орленок» в сторону нашего дома, а впереди него давал деру до смерти перепуганный кот Гриша. Мой кот! Поравнявшись со мной, Гриша стал метаться из стороны в сторону, а Фарид, ловко лавируя, продолжал гоняться за ним. В голове у меня застучало, руки затряслись, и я начала судорожно думать, как остановить этого верзилу. И тут я вспомнила про палки и колеса. Мне было очень страшно заводиться с Фаридом, но ощущение нарушенной справедливости перевесило. Я схватила первую попавшуюся палку и стала бегать за велосипедом, пытаясь воткнуть ее между спицами. У меня ничего

не получалось, но Фарид понял, чем это для него закончится, и, обзывая меня последними словами, удрал на своем дурацком велике. А меня еще долго трясло от осознания своей безрассудной смелости.

А что Фарида? А понятия не имею.

Шел кровопролитный бой. Наши и фашисты залегли в окопы по обе стороны заминированного поля. Пули летели не просто дождем, а настоящим ливнем. Ежесекундно взрывались снаряды, поднимая в воздух комья земли и разбрызгивая смертоносные осколки. Кругом стояли дым и гарь. Рация вышла из строя, подкрепления ждать было неоткуда. Но мы давали прикурить врагам по полной.

И вдруг появилась она. Белое платье, черные, как у мамы Сани Потанчика, волосы и белый бант. Фарида шла уверенным шагом по минному полю под свинцовым ливнем, не уворачиваясь от пуль, не пригибаясь и даже не пытаясь угадать, откуда рванет на этот раз. Такого безрассудства я еще не видела. О чем она только думает?! Ее же сейчас убьют! Но произошло чудо. Первое чудо, которое я видела своими собственными глазами. Ни одна мина не разорвалась у нее под ногами, ни одна пуля не настигла ее, ни один снаряд или осколок не причинил ей вреда. Она остановилась надо мной, лежащей в окопе, и я услышала ее голос, полный гнева и возмущения:

– Что ты здесь делаешь?! – спросила она. – Тебе здесь не место!

Она заставила меня подняться, взяла за руку и повела за собой по минному полю, дымящемуся и искореженному взрывами снарядов, мимо убитых, раненых и контуженых.

Теперь нас точно убьют. Убьют! Не зря говорят, что смерть приходит в белом! Но снова произошло чудо. В это невозможно было поверить, но это случилось снова. Ни одна мина не разорвалась у меня под ногами, ни одна пуля не настигла меня, ни один снаряд или осколок не причинил мне вреда. Я оглянулась на поле боя. Мне было стыдно оставлять наших один на один с фашистами. Я была уверена, что без меня они не справятся. Но мирная жизнь держала меня за руку и увлекала прочь.

По дороге Фарида говорила мне что-то о том, что я девочка, что я еще маленькая и не должна играть в войну, и что сейчас она будет читать мне сказку. Все это она говорила, потому, наверное,

что думала, будто человека видно снаружи: большой – значит сильный, маленький – слабый. И все-таки я не стала с ней спорить, а только выронила автомат, который тащила за собой, и он превратился в палку.

Она привела меня к дому Потанчика. Мы взошли на крыльцо, и она посадила меня на лавочку напротив окна и входной двери, а сама пошла за книгой. Солнце клонилось к закату и ласково грело спину, а его отражение в окне слепило глаза. И вдруг я почувствовала себя солдатом, которого вынесли с поля боя, и я впервые поняла, как сильно я устала от этой войны. Фарида вернулась с книгой. Она села справа от меня на лавочку, торжественно откинув подол платья назад, как пианист откидывает фалды фрака, усаживаясь за рояль в Колонном зале Дома Союзов. Я не помню, что она читала. Отраженье солнца слепило меня, я опустила глаза и рассматривала свои замызганные ноги. Мне было тепло и мирно. Я не решалась прямо посмотреть на Фариду, а только украдкой поглядывала на нее сквозь сощуренные веки и подсвеченные солнцем ресницы. От этого Фарида превратилась в белое пятно. Она не была девочкой, она была явлением, нарушающим жестокие законы военного времени. Любого времени.

Прошло почти сорок лет. Вопрос, почему я вдруг вспомнила о ней, занимает меня гораздо меньше, чем другой. Как я могла ее забыть?

Ведь с тех пор никто не сделал для меня большего.

Как я здоровалась с Антоном Павловичем Чеховым

Осенью папа заболел ангиной. Мама сказала, что у папы очень высокая температура и опухли железки. Шуметь не полагалось. В комнате, где он лежал, были наглухо задернуты тяжелые шторы. Выкалывать глаз не было никакой необходимости, потому что все равно ничего не видно. Папу было еле заметно только потому, что на тумбочке перед диваном стоял неяркий светильник с цилиндрическим плафоном. Внутри что-то медленно враща-

лось, отчего складывалось впечатление, будто в светильнике плавают разноцветные рыбки. Этот светильник, наверное, очень утешал папу, и от этого болеть ему было не так тоскливо. Если бы перед *моей* кроватью поставили такой светильник, я бы и сама с удовольствием заболела ангиной. Но я не болела. Даже когда мой брат болел скарлатиной, ветрянкой, свинкой… и меня специально держали рядом с ним, я не болела.

К папе пришел доктор. Вы ни за что не отличили бы его от Антона Павловича Чехова. Шляпа, круглые очки, усы и бородка клинышком, черное пальто, темно-коричневый саквояж. Да, еще тросточка. Хотя, может, ее и не было, но мне показалось, что она все-таки была. Когда доктор осматривал папу, в комнату меня не пустили.

Через пару дней, когда я вышла на улицу, я увидела Антона Павловича недалеко от нашего дома. Он беседовал с военврачом – очень приятным офицером медицинской службы, которого я часто видела раньше. Одет он был по форме. Фуражка с малиновым околышем и шинель с малиновыми петлицами, на которых вокруг чашек вились гадюки. Их в нашем лесу было хоть отбавляй. Наверное, из их яда делали лекарство для лазарета, в котором работал этот офицер. Попасть в лазарет можно было только по очень уважительной причине. Я никогда не была в лазарете, но очень ясно представляла себе, как он устроен. В центре лазарета находится жесткая кушетка, и на ней лежит больной солдат, накрытый белой простыней. И вот это и есть лазарет. Только сверху он еще накрыт стеклянной полусферой, так, что вокруг кушетки и над нею до стеклянного колпака метра по два. А вокруг лазарета – белый день. И теперь уж все сделано, и все зависит только от того, как сложится судьба. Крепкий ли у солдата организм. В общем, было в этом что-то чистое, прозрачное, светлое и ненадежное.

Оба доктора мне были симпатичны. И как вежливая девочка трех с половиной лет я должна была с ними поздороваться. Но сначала я решила поздороваться с Антоном Павловичем. Во-первых, он старше, а во-вторых, он лечил моего папу. Я подошла поближе и стала слева от военврача так, чтобы Антон Павлович увидел меня, и поздоровалась с ним:

– Здравствуйте! – сказала я.

Но Антон Павлович не обратил на меня совершенно никакого внимания. Зато военврач повернулся в мою сторону и вежливо сказал:

– Здравствуйте!

Я была очень расстроена. Ведь я здоровалась вовсе не с ним. Раз Антон Павлович не обратил на меня внимания с этой стороны, обойду-ка я их с другой. И я обошла. На этот раз я стояла справа от военврача.

– Здравствуйте! – поздоровалась я с Антоном Павловичем.

Но он, как на зло, опять даже не посмотрел на меня. Зато военврач повернулся в мою сторону и слегка удивленно произнес:

– Здравствуйте!

Как я была огорчена! Опять со мной поздоровался совсем не тот! Ну не сказать же ему:

– Это я не с вами здороваюсь! – или: – Скажите, пожалуйста, этому доктору, чтобы он со мной поздоровался!

Это было бы уже полной чушью! Тянуть его за рукав? Нет! Это совсем не удобно. Но сдаваться я не собиралась. Я отходила, делала вид, что чем-то занята, а потом подходила снова и внезапно, и все здоровалась, здоровалась… Со временем военврач начал получать удовольствие от нашего общения. Он стал отвечать на мои приветствия каждый раз с новой интонацией так, будто видит меня в первый раз. Мы поздоровались раз пятнадцать, и я сдалась. Антон Павлович так и не удостоил меня своим вниманием. Никогда еще я не испытывала такого разочарования. Вконец опечаленная я пошла домой.

Примерно через полтора часа я снова вышла на улицу немного погулять. Бывает же такое. Я опять увидела военврача. Он шел мне навстречу совершенно один. Вспомнив, как он был любезен, и учитывая, что теперь не было с ним Антона Павловича, я решила, наконец, поздороваться и с ним.

– Здравствуйте! – сказала я.

– Здравствуйте!!! – радостно воскликнул он и пошел дальше, давясь от смеха.

Я сочувственно посмотрела ему вслед.

Неужели он так и не понял, что все это время *я* здоровалась не с *ним*?

Скорость – не главное

Я бежала со всех ног домой. За мной гнался мой шестилетний брат, на три года старше меня. Тощий и ногастый. Я должна была успеть добежать домой первой. Это было делом жизни и смерти. Только бы не упасть по дороге. Тогда всё! И я бегу, бегу, выбиваясь из сил. Вот я уже взбираюсь по лестнице на крыльцо, а он все ближе. Ну же! Давай! Я вбегаю в дом. Надо срочно найти маму, и я кричу:

– Мама! Мама! Где ты?

Из кухни в коридор выскакивает перепуганная мама.

И тут в дом врывается мой брат и громко кричит:

– Мама! Мама! Не верь ей! Она все врет! Я не целовался с Лариской в сарае!

Все-таки скорость – не главное!

Литература без берегов, или Мост между двух морей

Литва, Латвия, Эстония. Три государства. Три самобытных культуры. Три литературы, насчитывающие не один век. Двадцать пять лет назад мы как читатели знали, пусть не досконально, но заметные явления в прозе, поэзии балтийских республик.

Сборники стихов Саломеи Нерис и Эдуардаса Межелайтиса продавались в наших книжных магазинах. Краеведы с удовольствием отмечали, что выдающийся литовский поэт Юргис Балтрушайтис, проведя месяц в Одессе, написал у Черного моря несколько стихотворений, вошедших в его вторую поэтическую книгу «Горная тропа».

Латыши Янис Райнис, Андрей Упит были не менее известны, чем у нас Юрий Смолич, Олесь Гончар.

Эстонские поэты Матс Траат и Пауль Эрик Руммо делали то же дело, что и наши шестидесятники – Андрей Вознесенский, Виталий Коротич и Борис Нечерда. Они привносили в литературу, а значит, и в нашу жизнь, с каждым сборником чуть больше свободы, чем было дозволено сверху.

А замечательные прозаики Юхан Смуул и Яан Кросс повлияли на очень многих, от Виктора Конецкого до одессита Ивана Гайдаенко…

Но вот уже четверть века к нам практически не доходит литература Балтии.

Поэтому представляется событием в культурной жизни замысел журнала «Октябрь» познакомить читателя с новой литературой этих трех государств, с авторами, пишущими как на родном языке, так и на русском. Журналом была проделана огромная аналитическая работа, прочитано десятки и сотни страниц текста, заказаны переводы и статьи. Надо сказать, что писатели всех трех стран с радостью и открытостью восприняли проект и всячески помогали его осу-

ществлению. Более 50 прозаиков, поэтов, критиков, эссеистов вошли в уникальной номер, который стал своеобразной антологией новой балтийской литературы.

И вот теперь сотрудничество и давняя дружба двух изданий – журнала «Октябрь» и альманаха «Дерибасовская – Ришельевская» – дали возможность переместить балтийский берег литературы на берег Черного моря.

Журнал «Октябрь» предоставил нам для публикации ряд рассказов современных писателей Латвии, Литвы, Эстонии.

И так же, как «Октябрь» стремится знакомить своих подписчиков с творчеством одесских литераторов, надеемся, одесситы со временем найдут читателей среди подписчиков «Вышгорода», «Таллинна» и других балтийских изданий. Это своеобразный мост. А мост всегда соединяет два берега.

Не кулаки, а раскрытые ладони дружбы – это наш девиз. Мосты литератур – верим – объединят людей.

Ирина Барметова,
редактор журнала «Октябрь»

Евгений Голубовский,
заместитель редактора альманаха
«Дерибасовская – Ришельевская»

Сергей Тимофеев

Кафе

День первый

Сегодня я позвонил в службу перевозки и попросил вывезти из моей гостиной большой обеденный стол, телевизор, сервант и пару шкафчиков разных калибров. Вместо них другие грузчики внесли в достаточно просторную комнату десять потрепанных стульев и три круглых столика. За ними будут сидеть посетители. Я решил открыть у себя кафе. Винные бутылки и пару графинчиков с чем покрепче я расставил на подоконнике. Забил холодильник моцареллой и зеленью для бутербродов.

Потом на белом листе бумаги я вывел жирным красным маркером «Кафе» и повесил лист на входную дверь. И еще чуть ее приоткрыл. Слышались шаги – соседи спускались и поднимались. Дом у нас старый, и шаги отдаются добротным гулким эхом. Пару раз слышалось чье-то топтание у двери и смешки. Но никто так и не зашел.

Я присел на один из стульев напротив подоконника с бутылками и раскрыл газету. Бармен не должен выглядеть слишком ожидающим. В газете писали о мягком приземлении экономики. Денег у людей становилось меньше, может быть, они теперь реже заглядывают в заведения наподобие моего.

В 11 часов я закрылся и пошел спать. «Не надо делать поспешных выводов, – говорил я себе, лежа в постели. – Первый день есть первый день. Люди присматриваются, дай им на это время!» – «Конечно, дам!» – ответил я на это. И заснул.

День второй

Я решил открыться ровно в два. Уже через тридцать минут вошла первая посетительница. Конечно, несколько нерешительная, но я приободрил ее, поздоровавшись и улыбнувшись. Это была девушка в большой зеленой мохеровой шапке-берете, в темно-зеленой куртке, затянутой пояском, в джинсах и черных кедах. Еще у нее был длинный намотанный на горло полосатый шарф. «Не хотите снять шарф? – спросил я. – У нас топят, и довольно прилично!» Она окинула взглядом комнату и спросила: «Это действительно кафе?» – «Еще какое!» – ответил я и обвел комнату руками. На столах были разложены салфетки и стояли склянки с сахаром.

«Хотите я поставлю музыку?» Не дожидаясь ответа, я достал и выложил на проигрыватель пластинку одной эстрадной дивы 60-х. Низким голосом она пела о том, что ничто нельзя ничем заменить, и любовь – это синий диван, который видно в окне напротив, ниже этажом. Девушка все еще заметно колебалась. «Первый напиток за счет заведения!» – сказал я. Она оживилась и глянула на подоконник с бутылками, потом перевела взгляд на меня. «А у вас есть меню?» – спросила она. «Нет еще…» – сказал я. А подумав, добавил: «Пока не привезли из типографии».

«А что вы можете предложить?» – она смотрела теперь прямо на меня. «Хотите, может, имбирный чай? У меня большой запас имбиря…» Она коротко кивнула: «Хорошо». И села за столик, самый близкий к входной двери.

Я быстренько смолол имбирный корешок и положил пару ложек приятно пахнущей кашицы в чашку, а потом залил кипятком. Выложил на стеклянное блюдечко бугорок липового меда и принес все это ей. Она пила медленно, время от времени поглядывая то на меня, то на столики и предметы в комнате.

Я в это время стоял у подоконника, поднимал и разглядывал бутылки с алкоголем. И отмечал черточкой маркера уровень коньяка и виски. Мало ли, порядок должен быть. Да и вообще, важно выглядеть при деле.

Она допила, отставила кружку и улыбнулась. Я спросил: «Желаете что-то еще?». Она сказала: «Нет… Сегодня – нет…». Я кивнул: «Понятно, заходите завтра или как-нибудь потом».

На пластинке сменилась песня. Дива запела об осени и прощаниях, и о том, что ночи становятся длинней, ровно настолько, насколько мы и рассчитываем.

Я все еще стоял с одной из бутылок (с красной с золотым наклейкой) и маркером. Девушка поднялась, наматывая на горло шарф. И спросила: «Значит, первый напиток за счет заведения?» – «Ну да, – сказал я, – ага!»

Она вышла, помахав рукой на прощанье. В последующие часы в приоткрытую дверь нередко доносились шаги, но больше никто не заходил. Я опять загородился газетой. Время шло, и шло, и шло. Закрыл я снова в одиннадцать.

День третий

Сегодня та же девушка зашла с подружкой, полной блондинкой в очках и в рыжем пальто. Блондинка возбужденно смеялась и перешептывалась с девушкой. Они присели за столик посередине комнаты и заказали по горячему шоколаду. Я свалил в ковшик пару разломанных на дольки шоколадных плиток и поставил на огонь. Потом налил им по стаканчику холодной воды, как полагается, а растопленный шоколад залил в кружечки с рисунками из сказки про трех поросят.

Они пили шоколад маленькими глотками, а я протирал два больших стеклянных стакана белым вафельным полотенцем. Делал это неторопливо, снова и снова, разглядывая стаканы на свет и добиваясь абсолютной прозрачности. И параллельно думал: «Мои дела идут в гору, количество посетителей выросло в два раза. Надо будет заняться бухгалтерией, посмотреть нетто и брутто».

Девушки допили шоколад и воду и просто сидели и шушукались. Мне было хорошо. Я давал приют и пристанище людям в этом большом городе. Где порой так необходимо именно свое место. С корректным, уверенным и всегда готовым выслушать барменом. Таким, как я.

Девушки встали из-за столика чуть смущенные. «Это все ведь первая порция? Мы же ничего больше не заказывали!» – с претензией в голосе произнесла блондинка. «Да-да! – ответил я. – Конечно». «Вот и чудесно!» – прыснула она в кулачок. Первой девушке было, кажется, неудобно за свою подругу. Она торопливо попрощалась и потащила ее за собой.

Я унес посуду, вытер их столик влажной тряпкой и расставил стулья. «Неплохой день, – подумал я. – Совсем неплохой день».

И закрыл заведение.

День четвертый

Сегодня я открылся довольно рано – в двенадцать. Настроение было отличное. Если прирост посетителей будет сохраняться, надо будет подумать о расширении дела. Может, открыть бар-закусочную в ванной? Надо обмозговать.

Но пару часов было тихо. Потом зазвучали шаги, приглушенные голоса. Я спрятался за газетой. В приоткрытую дверь просунулась физиономия парня с черной кудрявой бородкой и в вязаной шапке с козырьком. Он огляделся и сказал кому-то за дверью: «Здесь! Все точно, как она говорила… Ее подруга навела…». Потом дверь распахнулась настежь, и в нее по очереди шагнули пятеро парней. Все в широких штанах с карманами, в коротких куртках с капюшонами, отороченными искусственным волчьим мехом.

Они поглядывали то на меня, то на подоконник с бутылками. «Привет, значит… А виски есть?» – спросил тот, что вошел первым. Я сказал: «Не хотите присесть? Да, у нас есть немного скотча». Они сдвинули пять стульев вокруг одного столика и вальяжно вокруг него расселись. Я взял с подоконника бутылку со скотчем, разлил в два стакана и три чашки и поставил их на маленький черный поднос. А потом понес его к ним на столик. Они похватали стаканы и принюхались.

Потом самый маленький из них с беспокойно бегавшими глазами-кнопками произнес: «А музон?!». Они посмотрели на меня. Я показал на свою стереосистему с проигрывателем и сказал: «Не знаю, устроит ли вас выбор… Джаз, шансон, эстрада прошлых

лет…». Они сморщились, и тут этот самый маленький из них достал большой белый с металлическим пузом айпод и сказал: «Лучше свое подключим!». Он направился к стереосистеме и стал колдовать над проводками. Я хотел было сказать, что у нас тут особая музыкальная политика. Но смолчал – может, и не стоит навязывать посетителям свои вкусы.

Заиграло что-то очень бухающее и механистичное. Заунывный голос забормотал: «Я с моего района, ты с твоего района. В душе у нас выжженная зона. Йо!» – «Йо!» – ответили хором все пятеро и опрокинули содержимое стаканов и чашек себе в рот. Потом они болтали друг с другом, перегибаясь через стол и как будто наваливаясь на собеседника, а завершив реплику, снова откидывались на спинку стула.

Покончив с виски и разговором, они встали и еще минут пятнадцать слонялись по комнате, рассматривая все подряд, коротко похохатывая и подпевая: «Йо!».

Наконец это им наскучило. Тот, кто вошел первым, произнес: «Ну ладно, что ли… Двигаем отсюда… Так что, хозяин, первая порция бесплатно? Гы-гы!» – «Вы не ошиблись», – холодно ответил я. «По рукам, тогда завтра зайдем еще… Жди нас к обеду, душка! Гы-гы-гы». И вся компания вслед за ним расхохоталась. Самый маленький с хрустом выдернул что-то из проводов моей стереосистемы, забрал айпод, и они вразвалочку двинулись к входной двери, шлепая друг друга по спинам и пиная стоявшие на пути стулья.

Они вышли. А я остался стоять. Еще минут десять. Потом сел. Потом встал и закрыл дверь. Кажется, я очень-очень устал.

День пятый

Сегодня я не открывался. Около двух слышны были чьи-то голоса, ко мне в дверь громко стучали.

Я включил классическое радио, завалился на кровать и вертел кубик Рубика. Часом позже, кажется, постучал кто-то еще, гораздо более тихо. Но я так и не открыл. Смешно, но, похоже, мне уже надоело мое кафе.

День шестой

Прошли сутки, и я все-таки открылся – поздно, около четырех. Снова пришла та первая девушка. Она сказала, что живет в этом доме. Двумя этажами выше. Странно, я никогда ее здесь не видел. Наверное, переехала недавно. Она предложила в этот раз заплатить за имбирный чай. «Первый напиток за счет заведения! Таково правило», – сказал я ей. Она возразила, что так я очень скоро вылечу в трубу. А я ответил, что в газетах пишут, что нас всех ждет мягкая посадка. И она уже началась. Я чувствую, что мы снижаемся и скоро выпустим шасси, и пассажиры уже готовы благодарно поаплодировать пилотам. Она спросила – зачем мне вообще это кафе? Я ответил: «Свое дело. Если все наладится, смогу даже по наследству передать, когда-нибудь…». Она замолчала. Допила чай, поставила чашку.

В этот момент дверь широко отворилась, и в нее вошли двое статных усатых полицейских в кожаных куртках и темно-синих фуражках. «У вас есть лицензия на кафе?» – спросил один из них. «Нет», – немного подумав, ответил я. «Вы продаете спиртное?» – «Мог бы, но еще ничего не продал…» – «Вы понимаете, что вы поступаете противозаконно?! На первый раз отделаетесь предупреждением и конфискацией алкоголя». Они стали собирать бутылки с подоконника в большой темный пластиковый пакет. Закончив, тот, кто задавал вопросы, взвалил пакет себе на спину, оглянулся на меня и неодобрительно покачал головой. Потом они двинулись к выходу. Их громкие довольные голоса еще долго слышались на лестнице.

Девушка смотрела на меня с участием. Я взял вафельное полотенце и один из стаканов. Но не стал протирать, а просто держал их в руках. Тут девушка предложила зайти к ней в гости и выпить чего-нибудь против стресса. Мы поднялись наверх на два этажа, ее квартира была точно над моей и с точно такой же планировкой. Только больше картинок на стенах и плюшевых игрушек на полках. Она сказала: «Вот невезенье! У меня, оказывается, тоже все кончилось. Есть только молоко. Может, сделаем какао?» – «Отлично!» – сказал я.

Мы пили какао, и я думал: «Да, кафе – непростой бизнес. Но можно познакомиться с замечательными людьми».

Потом я сказал: «Спасибо!» – отдал ей чашку и улыбнулся. И пошел к двери, а потом вниз. Мне надо было что-то решать, что-то очень важное. Она стояла в проеме двери и смотрела мне вслед. Кажется, она немного обиделась, что я ушел так быстро.

В одной программе по радио я слышал, что культурным проектам сейчас живется даже легче, чем коммерческим. М-да. Надо подумать.

День седьмой

Я расставил десять стульев в два ряда, перевернул столы так, что они напоминали какие-то абстрактные декорации, расставил в углу китайскую ширму и написал на белом листе все тем же маркером: «Театр. Спектакль начинается в 19.00». Повесил листок на двери и снова оставил ее полуоткрытой. Без пяти семь в дверь робко заглянула та же самая девушка.

Она присела на один из стульев и сняла куртку. Я вышел из-за ширмы и посмотрел на нее. И торжественно произнес: «Вы присутствуете на спектакле, и то, что вы увидите, это – искусство». Потом я подошел к ней, наклонился, ближе, еще ближе… и застыл всего в паре сантиметров от ее лица. Мы долго молчали и слушали дыхание друг друга. Затем я отстранился, отошел назад и поклонился. Девушка схватила куртку и выбежала на лестницу. Прозвучала быстрая дробь ее шагов, а затем раздался стук захлопнутой двери.

Я тоже вышел на лестницу и снял вывеску. Похоже, постановщик из меня не очень.

Чем бы заняться еще?

День восьмой

На моей двери нет никакой вывески, и она закрыта. Жизнь снова как будто остановилась. Вернее, она течет, но совсем незаметно, как человек, который на цыпочках проходит у вас за спиной. Уже ближе к вечеру я подумал: «Интересно, а как поживает

девушка? Может, совсем не хочет меня видеть? А может, ждет каких-то объяснений по поводу вчерашнего? Пойду посмотрю». И поднялся наверх.

Вот это да! У нее на дверях висела табличка из цветного картона. На ней красовалась надпись: «Парк. Вход для всех». Я постучал в приоткрытую дверь и спросил: «А с собаками можно? И на роликовых досках?». Из-за двери прозвучал ответ: «Да-да-да!». И я зашел. Гостиная преобразилась. Девушка поставила на пол кадки с пальмами, елками и карликовыми березами. На полках в изобилии цвели экзотические цветы и до самого пола спускались гроздья декоративного винограда. А посередине стояла самая настоящая небольшая садовая скамейка, выкрашенная светло-зеленой краской.

В открытое окно залетела птица, приземлилась на подоконник, склонила голову и на нас уставилась. Мы оба сидели на скамейке, и я сказал: «Да, это замечательная идея. Классный у тебя получился парк! А садовник тебе не нужен или там специалист по каруселям?». Она сказала: «Хм… Наверное, что-нибудь найдется... Дело новое, непочатый край работы. Знаешь, приходи завтра к 10 утра с инструментами».

Девятый день

Вот и наступило новое утро. Я сижу дома у плиты и смотрю на кофейник. Скоро он вскипит, и я налью себе кофе. Бутерброды уже готовы: один с сыром, другой с салями. Приятно собираться на работу. Все-таки ни владелец кафе, ни режиссер из меня не получились. Буду работать в парке. Там, где мамы с колясками, пенсионеры с разговорами и подростки с неясными планами. Все наладится. Все будет тип-топ, как говорил мой школьный приятель. Где-то он теперь? Может, тоже заглянет в новый парк. Новости о таких местах распространяются быстро.

Латвия

Далия Кыйв

Бард

Он сидел с гитарой у залива и, улыбаясь, запрокинув голову, глядел вдаль. К нему подсаживались, хотя рядом были свободные лавки. Иные клали ему руку на плечо и фотографировались. Бард был знаменит, и его общество льстило. Однако, пристраиваясь рядышком, почему-то усмехались. Смущенно, чуть сконфуженно. Видимо, оттого что бард не возражал, поскольку был чугунный. Однако скамейку ему поставили самую обыкновенную, не то что Пушкину в Лицейском саду, где и скамья была чугунная, и «растрепанный томик Парни» тоже отлит из металла.

Неподалеку от барда на складном стуле примостился предприниматель. Он сдавал напрокат велосипеды, о чем можно было догадаться по сверкающей плотной шеренге этих средств передвижения. Человек не навязывал прохожим свой товар, а точно так же, как чугунный бард, задумчиво и вдохновенно глядел вдаль, где обозначалась лишь линия горизонта, и то не всегда. В ясную погоду проступал далекий берег – черная волнистая полоска. Возможно, он ждал кого-то с круизным теплоходом. Или друга с яхтой. Или сына, брата, свояка на рыбацком баркасе. Или просто ждал, не отдавая себе отчета, чего ждет.

Мила тоже ждала. И тоже безотчетно. Ждать она начала еще до того, как приехала. Сосущее тоскливое чувство ожидания было вроде ремесла. Оно укладывалось в круглую диаграмму: десять процентов надежды, столько же отчаяния, тридцать процентов скуки и пятьдесят на деланный интерес к окружающему миру, призванный скрыть первые пятьдесят. Она здесь уже третий день, и прокатчик велосипедов мог заподозрить, что она чего-то ждет. Или о чем-то горюет, ишь, прикатила не в сезон, бродит одна,

но не блаженно беспечно, как те, кому некуда спешить. Марширует деловым шагом, как бы целеустремленно, хотя прокатчик знает, что в той стороне, куда она якобы спешит, лишь заросли камышей и несколько ресторанчиков с заколоченными окнами. Правда, на отшибе есть библиотека, однако дамочка возвращается без книг.

Заприметил, догадалась Мила. Не сбавляя темпа, она прошагала мимо велосипедов и, достигнув камышей, свернула влево, к библиотеке.

Так как электронную почту она проверила накануне, не следовало заглядывать в Интернет сегодня – как бы служительница не подумала, что Мила чего-то ждет и ходит не ради книжек. Поэтому она прошлась мимо полок. Озабоченно спросила:

– Нет ли у вас Грильпарцера по-немецки?

Грильпарцера не оказалось, хотя немецкими книжками было забито несколько рядов. Мила взяла Гамсуна по-русски и французско-русский словарь, который брала в каждый приезд и с умилением следила, кто и когда его касался. Она пропустила два сезона, и за эти два года вроде никто словарем не пользовался. Впрочем, зимой кто-то взял и держал несколько недель. Переводчик? Студентка? Бальзак, Мопассан – что еще они изучают?

В библиотеке читателей не было. Журналы, газеты, местные и иностранные, программа ТВ, справочники, роскошные новинки изданий по искусству. Было неловко, оттого что она не пользуется всем этим.

Мила выбрала тонкую книжицу «Редкие растения нашего региона». Поразилась обилию этой флоры. Все, что росло в дюнах, было редкостью. Великолепные фотографии выставляли истинными мучениками природы эти нефритовые с сизым налетом былинки на безжизненном песке, жесткие, острые листья, стальные стержни с метелками седых цветков, сухих еще до своего появления на свет. Мила взяла книжицу на дом.

Для убедительности возвращалась не берегом, а по шоссе. Пусть велосипедник уверится, что она посещает библиотеку.

Назавтра Мила вышла к заливу с Гамсуном. Не спеша приблизилась к прокату велосипедов и села поодаль, на второй от барда скамейке.

Мимо промчалась девушка на велосипеде. У руля болталась табличка: «Велосипеды от Эльзы». Протянулась группа туристов.

Понятно: в дом-музей знаменитого писателя. На велосипеде с пестрым флажком прокатил молодой папа с сынком в детской корзинке. Еще одна компания исполнила ритуал, по очереди снявшись с бардом. Мила покосилась на прокатчика. Она не изменяла своему правилу не вступать в разговор первой. Как бы поняв ее установку, прокатчик подал голос:

– Ни то ни се, – он пожал плечами. – Посадить статую на взаправдашнюю скамейку – это надо уметь! Была бы чугунная, не лезли бы обниматься запанибрата.

– В одном старом фильме – открытие памятника. Сняли покрывало, а на руках у статуи – спящий бродяга… Живой и настоящий.

– Аа, Чаплин, – кивнул прокатчик. – Так ведь комедия. Именно!

Мила заметила, что барду, будь он жив, понравилось бы позировать с туристами.

– Да, он был свойский, – согласился велосипедник. – И его любили. Не заносился. Искренний… «*Никогда не вернусь на Ямайку, где не бывал никогда*» – это он сочинил, когда нам всем был закрыт путь не то что на Ямайку, даже в Польшу.

Прокатчик вздохнул.

Проследовал еще один велосипедист с пестрым флажком.

– Послушайте, – миролюбиво произнесла она, – вы бы придумали себе рекламу. Вот смотрите: «Велосипеды от Эльзы» или яркий флажок. Это привлекает внимание.

– Не думаю, – возразил прокатчик. – «Эльзы», тоже мне! Кому какое дело до какой-то Эльзы… А флажок… Зазевается кто-нибудь: что за флажок, еще под колеса угодит…

– Но там берут…. – возразила она.

– То есть не у меня? Может, к дому ближе, – упорствовал прокатчик. – Сядут, а сюда приезжают уже верхом.

– Вы все-таки подумайте! – воскликнула Мила, понимая, что разговор зашел в тупик. – Ого, мне пора… – и она с озабоченным видом удалилась.

Решила изменить маршрут и возвращалась не вдоль шоссе, а двинулась вверх по дорожке в дюнах. Опустевшие виллы еще хранили недавние звуки, запахи. Возле закрывшегося накануне ресторана чернели головешки очага, шуршали не успевшие сгореть бумаги, сырые от росы пакетики из-под чипсов. У развилки стояло

дерево, похожее на детский рисунок: плодов больше, чем листьев. Ветки, густо унизанные крупными абрикосового цвета сливами, клонились до земли. Перезрелые, растрескавшиеся плоды вповалку, кучками теснились в траве. Над ними вились осы. Мила взяла несколько слив. Мякоть была сочная, чуть отдававшая тленом.

Во дворе двое мужчин в ярких майках возились с огромным бумажным змеем. Состязания, – вспомнила Мила. – Через неделю, сразу после ее отъезда.

Направилась по безлюдному шоссе к морю. Навстречу пронеслась стайка молодых людей с мокрыми волосами. Купались?

У входа на пляж белели пустые дощечки, где обычно проставляли температуру воды, воздуха, волнение. Спасательский павильон закрыт.

На берегу песок еще хранил следы босых ног – большие, широкие. Возможно, вчера здесь были люди, играли в волейбол, с разбега кидались в воду, шумно окунались и плыли. Затем радостно, с чувством исполненного долга, не спеша брели на берег, обмениваясь ритуальными фразами о том, как бодрит студеная водичка.

Щиты на границе женского пляжа утратили смысл. На берегу не было ни души.

Мила разделась и медленно побрела в воду. Вполне приемлемо, градусов шестнадцать, а то и все семнадцать.

Назад шла лесом. «У Феликса» еще работали. Она присела за шаткий столик под сосной и заказала блинчики с творогом.

– Творога нет, не завезли, – сообщила официантка, смахивая со столика сосновые иглы. – Возьмите с вареньем, еще осталось.

– А салат с тунцом?

– Пойду спрошу, – с сомнением ответила девушка. – Вообще-то, мы закрываемся. Вот автобуса ждем.

Дорожка в лесу была сплошь усеяна шишками. Шаркая туфлей, Мила прокладывала фарватер. Неподалеку, у почты, есть сосна с небывало крупными шишками. Завтра гляну.

Когда-то она подбирала на берегу гладкие, отполированные морем щепки, интересные камешки, причудливые корни. Удачей оказался большой пробковый поплавок, потом он долго служил подставкой под горячий чайник, а еще однажды на берегу валялся настоящий якорь с четырьмя отрогами – рыбацкий? Все это вместе с разноцветными

улитками копилось на письменном столе рядом с неизменным французско-русским словарем и очередной книгой, привезенной из дома, и еще одной – взятой в библиотеке. В те далекие годы из некоторых комнат доносился стрекот пишущей машинки.

Сегодня велосипедник поздоровался. Мила, улыбнувшись в ответ, присела на соседнюю скамейку. Она ни разу не устроилась рядом с бардом. Раскрыла «Редкие растения нашего региона».

– Чем они только живы? – вздохнула она. – Ведь в песке – совсем ничего.

– На нервах держатся, – убежденно ответил велосипедник. – У них ведь не корни, одни нервы.

– По-вашему, нервы сильнее корней? – усомнилась Мила. – И добывают этим созданиям пищу?

– А как же! – оживился велосипедник. – Нервы и память. Ведь как родится такая былинка? Возьмите это, – он ткнул тростинкой в фотографию. – Лунник оживающий – *Lunaria rediviva*. Как говорится, ни рожи, ни кожи, какие-то ниточки. А весной, вы бы поглядели, как цветет. Вся наша «тундра» наряжается. Сейчас в лесу на земле один сухой мох да тонкие былинки, а в июне, нет, вы бы поглядели, как они наливаются цветом, похоже, будто розовое облако на землю пало.

– Здесь так интересно… – осторожно произнесла Мила. – Здешние люди хоть знают?

– Знают – что? – насторожился предприниматель.

– Знают ли они, какие красоты рядом с ними?

– Это для вас, приезжих, красоты. А наши люди иначе все видят. Заалели лесные травы – пора смолить баркасы. Много мойвы – будут угри. Готовь коптильню.

– Для чего же вся эта краса? – вздохнула Мила.

– Для жизни. Они так живут, – энергично подхватил велосипедник. – Наливаюсь – стало быть, здоров, буду жить. Увидит кто – тронет, рассеет семена, буду родить. Ведь им бы только рождать да рождать…

Он вздохнул и положил свою тростинку. Взял другую. Мила заметила целую горку таких же тростинок.

– Что-нибудь плетете? – спросила она.

– Ну да, – кивнул велосипедник – Клетку для птички.

– Аа, – протянула Мила. – Для какой птички?

– Какая получится, – усмехнулся предприниматель.

Прошла, радостно переговариваясь, группа немцев-пенсионеров. Никто не предложил сняться с бардом.

– Что, иностранцы не пытаются? – спросила она.

– Им неинтересно, – сокрушенно вздохнул велосипедник. – Они-то его не знали. И таких памятников в Европе много.

Показалась девушка и остановилась у скамейки с бардом. Минут через пять явился молодой человек, и они ушли.

– Тут и свидания назначают! – заметила Мила.

– А как же, – обрадовался велосипедник. – Он тут свой, даже не представляю, чтобы без него.

На следующий день Мила увидела рядом с хозяином велосипедов несколько готовых клеток, не слишком просторных. День был тусклый, у берега возились утки, с криком кидались в воду белые крачки, иногда взмывая с рыбкой, но чаще порожняком.

– Кого посадите в клетки? – спросила она, – ведь птицы улетают. Или на станции кольцевания достанете?

– Найдем! – радостно подмигнул велосипедник.

Мила унесла в библиотеку Гамсуна. Оставалось два дня. Можно было не ждать.

…Ночью ее разбудил мерный гул. Кольнуло ожиданием. Автобус, какой-нибудь поздний рейс? Гудение то затихало, то нарастало, в нем было нечто сродни музыке, заунывно-настырной, электронной. Она вышла на балкон.

В свете фонаря роилась туча мошкары. Не в силах противиться магической тяге, насекомые кружили, натыкаясь на лампы, падали и умирали все с тем же жужжанием. В небе вращалось колесо маяка. Мгновениями бледные полосы света скользили по лужайке, и Мила заметила двух играющих зайцев. Ночной луна-парк в безлюдном селении. Зайцы на карусели маяка.

Из комнаты донеслась мелодия. Вот как, ремейк – танго, а была свежая новинка, тягучая, мучительная мелодия с неожиданными модуляциями. Нравилась В. Он не приехал в это опустевшее селение, которое знавал и прежде, когда Мила наезжала лишь в сезон. Как-то он прожил здесь целую зиму, пасмурную и бесприютную. Собирался, но передумал, его сманили в курортный городок в двух часах езды отсюда.

Сказать велосипеднику, что уезжает? Или исчезнуть, как все, ничего не говоря. Решила для пробы пропустить денек, и следующий день провела на море. Всю неделю не было дождя, но вмятины от ступней уже сгладились. На нетронутой поверхности песка отпечатались крестики птичьих лапок. Узкая полоска отлива была в аккуратных круглых дырочках от лопнувших пузырей морской пены. Валялись мокрые белые перья чаек. Мила порылась в мусоре, нашла несколько тонких гладких щепок, одна, с круглым утолщением на конце, походила на миниатюрный восточный инструмент саз. Прошествовала через все три пляжа и сдала в библиотеку словарь. Напоследок оставила «Редкие растения» и Гамсуна.

Назавтра подошла к прокатчику.

– Так и знал, не уехали, – оживился он. – Вы же книги не сдали.

– Уезжаю, – кивнула Мила. – Как дела?

– Отлично, – засмеялся велосипедник. – Скоро птицы потянутся. Там, – он кивнул в сторону залива, – говорили, налаживают сети.

– Возьмете птичек на станции? – спросила Мила, кивнув на череду клеток. Рядом лежали упаковки элементов ААА. Подторговывает? – мелькнуло в голове. Да ведь никого…

– Нет, что вы, – лукаво улыбнулся велосипедник. – Стану я птиц в тюрьме держать, как же!

Мила согласилась, что держать птиц в клетке нехорошо. Пожала плечами.

– Я трехчасовым…

– Понятно, – кивнул хозяин велосипедов. – Выходит, не дождались?..

– Было замечательно! – искренне проговорила она. – Красиво и легко.

– Это уж точно, – согласился он. – Я тут вам подарок смастерил. Откроете дома, ладно?

…Автобус, неуклюже раскачиваясь, точно старый пароход, медленно отчалил от станции. Осторожно пошел в гору, задевая крышей за ветви деревьев. Его обогнал человек на велосипеде. У руля болталась тростниковая клетка.

В городе Мила открыла коробку. В тростяном домике сидела птичка из беспорядочно склеенных цветных лоскутков. На грудке было яркое оранжевое пятно, и Мила нажала. Раздалась

тихая мелодичная трель. Перехватило дыхание… Такое уже было, было… жарким июльским днем…

…жарким июльским днем автобус, кативший в городок с неблагозвучным, буравящим названием, вдруг развернулся и стал. Кондуктор, подвыпившая блондинка, отводя глаза, произнесла:

– Мы не поедем в К., возвращаемся.

– А как же…

– Микрушка бегает…

Стоя на развилке, Мила озиралась. Ни единого щита или дорожного указателя. Никакой «микрушки» или попутки, ни дальнобойщиков, ни частных автомобилей. Гладкое шоссе с ярко-белой сплошной полосой посередине выглядело потусторонним. По обе стороны асфальта, точно свеженамалеванная декорация, теснились неряшливые, ничуть не припорошенные пылью, неухоженные кусты. За ними раскинулись рыжие пространства выгоревших на солнце пустошей, и там не паслись никакие стада. Она не знала, в какой стороне лежит городок со скрежещущим названием, где чудак полуфранцуз-полуфинн купил бывшую колхозную усадьбу и занялся благоустройством территории. Нынче он позвонил: на капусту «романеско» напали гусеницы.

Солнце жгло затылок, впереди на асфальте разливались и по мере приближения исчезали блестящие озерца-миражи. Огромное, глубокое безмолвие поглотило ее отчаяние. За ширью лугов открывались леса, горстки покинутых хуторов и деревни с нелепыми, утратившими смысл именами, окутанные дымкой города и весь мир – скорбный, как желтый трупик зайца на обочине, как дождь в Кейптауне, и властный, как это густо-синее небо, тяжелое, точно глыба льда. Великая, беспредельная свобода и благодать были разлиты над неподвижными, нетронутыми просторами. Дышалось легко, как бывает, когда соберешься с силами и в захламленной комнате вымоешь пол. Обычно за мытьем полов она пела.

Литва

Мехис Хейнсаар

Конфуз

Из темноты промозглого ноябрьского вечера в дверях кафе возник мужчина с птичьим лицом. Оглядев с порога круглыми и пугливыми глазами зал и увидев в нем лишь шесть-семь посетителей, он решает остаться.

Мужчина купил чашку чая, вернулся в зал и стал присматривать место поудобнее. В кафе сидели два пожилых господина, одна дама в зеленой шляпке и трое парнишек подросткового возраста, которые сразу приметили вошедшего и зашептались между собой. Человек с лицом птицы поспешно отвел от них взгляд и тут увидел в дальнем конце зала углубившуюся в чтение женщину. Мужчина замешкался. Еще толком не разглядев ее лица, он уже понял, что там сидит самая красивая женщина нынешней осени.

В подобных вещах он не ошибался.

Почувствовав, что на нее смотрят, женщина подняла взгляд от журнала и с изумлением уставилась на вошедшего. Мужчина, прекрасно знавший, что его нереальная внешность способна отпугивать людей, особенно красивых людей, отвел глаза и быстро отвернулся. Он решил немедленно уйти из этого кафе. Краснея от неловкости, натыкаясь на стулья, он заспешил к входной двери, но, уже взявшись за ручку, вдруг встал как вкопанный.

Что-то внезапно остановило его.

Какое-то неведомое и поразительной силы чувство внутри него.

Не было это ни страстью, ни отчаянием, любопытством или злостью тоже не было, нет-нет, такие эмоции мужчина знал очень даже хорошо, а это было нечто совершенно неизведанное,

совсем новое. И это чувство, ворвавшееся в него невесть откуда, наполнило его как удивлением, так и какой-то необыкновенной спокойной силой, заставившей против собственной воли тут же повернуть обратно. Мало того, это новое и чудное чувство, сопротивляться которому мужчина вдруг оказался не в силах, принудило его направиться прямо к тому месту, где сидела женщина с журналом. Заставило его подойти и, не спрашивая разрешения, усесться напротив.

Мужчина с птичьим лицом положил шляпу на столик, чашку с недопитым чаем поставил рядом и, зачарованно улыбаясь, уставился на женщину.

Самая красивая женщина этой осени подняла глаза и чуть не вскрикнула. Прямо перед ней, по ту сторону столика, сидел тот самый незнакомец с весьма своеобразным лицом, которого она уже видела на пороге зала. Круглые и остренькие глазки-пуговки, длинный крючковатый нос и рот с редкими зубами создавали впечатление, что на нее смотрит какая-то огромная доисторическая птица.

Женщина испугалась.

Страх сменился злостью.

Она собралась было сказать мужчине что-нибудь оскорбительное, но поскольку ничего достаточно ядовитого на ум не пришло, то решила хотя бы пересесть за соседний столик – однако даже не сдвинулась с места. Почему бы это?! Что удержало ее за одним столиком с этим внушающим страх человеком? Женщина пришла в замешательство, и эта растерянность удивила ее. Удивило то, что подобное вообще могло происходить. Что такой тип в потертом плаще и с непонятной внешностью сидит напротив, пьет чай и, безобразно улыбаясь, смотрит ей прямо в глаза!

Для женщины было во всем этом нечто столь новое и необъяснимое, что испуг и злость потихоньку отступили, освободив место какому-то неведомому настроению, названия которому она и сама дать не могла. Это уже не было страхом, не было и презрением – это было что-то жутковатое и манящее. Словно бы откуда-то из самых глубин ее души начал всплывать на поверхность некий незапамятный, уже канувший в вечность сон, вспоминать

который ей не хотелось. Словно бы она узрела в себе засевшую память о чем-то, чего никогда не было, но о чем втайне она всегда хотела помнить. И вот теперь это нечто сидит перед ней в плоти и крови! Пьет чай и скалится прямо в лицо!

Женщина вдруг ощутила незнакомое возбуждение, что опасно сблизило ее с этим невзрачным мужчиной. Будто между ними существовала какая-то общая и фатальная тайна, которая благодаря их встрече очнулась от летаргического сна.

Женщина рассматривала мужчину со все растущим удивлением.

Потом вдруг, не произнеся ни слова, поднялась и быстро зашагала из зала.

– Ну, вот я и напугал ее, – подумал человек с птичьим лицом, – теперь не вернется прежде, чем я не уйду. Но все же… это изумительное чувство… Разве такое может быть шуткой? Нет, что-то подтолкнуло меня. Что-то привело сюда и заставило увидеть ее. И это что-то пока не завершено…

Запнувшись на этой мысли, мужчина внезапно осознал, что женщина вовсе от него не убежала, а ждет его. Ждет где-то за дверью кафе, возможно, в коридоре, может, и в темноте ноябрьского вечера. Ибо и в самом деле есть еще что-то незаконченное между ними, то, что должны и могут совершить только они оба. Он чувствовал это. Что это на деле, он не знал. Зато знал, что нечто, доселе небывалое. Что-то неповторимое. И он знал, что и самая красивая женщина нынешней осени знает это. Знает и ждет.

Мужчина с птичьим лицом медленными глотками допил чай, взял со стола шляпу и поднялся. Странная улыбка вновь тронула его губы. Что-то великое, что-то немыслимо простое и великое должно было вот-вот свершиться, прямо здесь и сейчас. Тихонько мурлыча себе под нос, он вышел из зала, и на этот раз не только подростки, но и пожилая дама в зеленой шляпке, и двое престарелых господ проводили его взглядами.

Выйдя в коридор, мужчина огляделся. Никого не увидел, но почувствовал, что женщина ждет его где-то поблизости. На глаза попалась полуоткрытая дверь в туалетную комнату, в щели виднелась чья-то тонкая рука, опирающаяся на подзеркальник. Мужчина шагнул к двери и медленно толкнул ее. Перед

зеркалом стояла самая красивая женщина нынешней осени. Обнаженная выше пояса, она сосредоточенно рассматривала свой ангельски прекрасный лик и белое тело. Дыхание женщины выдавало возбуждение, а глаза были полны ожиданием и страхом.

И внезапно мужчина отчетливо понял, как должен поступить. Войдя в туалетную и прикрыв за собой дверь, он шагнул к женщине. Встал за ее левым плечом так, что в зеркале за белой плотью женщины в тусклом свете виднелись его птичье лицо и половина тела в плаще. В этой позе они простояли до тех пор, пока женщина не подняла взгляд своих зеленых глаз на зеркальное отражение мужчины, после чего он, будто заученным тысячелетия назад движением медленно приподнял левой рукой ее грудь и замер, держа ее на темной ладони, словно большое и необыкновенное яблоко. Правой рукой мужчина обнял женщину за талию, затем осторожно заскользил под юбку, пока пальцы не коснулись вульвы.

И вот оно.

Вот, наконец-то, и свершилось.

В удивительном гибельном восторге всматривались мужчина и женщина в свое замершее отражение. Нечто, предназначенное только для тьмы, и нечто, принадлежащее одному лишь свету, внезапно сошлись и переплелись воедино. Они смотрели в зеркало и будто видели сон из глубины веков, внезапно ставший реальностью, словно видение из какого-то утерянного времени и пространства, возродившееся вновь к жизни. И на протяжении этой единственной минуты, явно длившейся не один век, мужчина и женщина внутренним зрением уловили, что еще кто-то смотрит на это их отражение. Кто-то третий, проснувшийся благодаря их случайной встрече, тот, кто свел их и позвал сюда. Они не знали, кто это. Но ощущали его как *Конфуз*…

Это умерло в них так же внезапно, как и зародилось.

Туда, где еще мгновение назад царило чудо, вновь просочилась обыденность. Освободившись от чар, мужчина с птичьим лицом ощутил внутри разом и страстное желание, и печаль безнадежности. А самая красивая женщина этой осени – усталость и скуку. С отвращением она сбросила с себя руки несчастного, кивком

головы приказав убираться прочь. И почти с благодарностью за то, что женщина при этом не произнесла ничего обидного, уродец поплелся к выходу. Выйдя на улицу, он глотнул немного ледяного ноябрьского воздуха, надвинул на глаза шляпу и, испуганно оглядевшись вокруг, торопливо исчез в вечерней мгле. Женщина же, одевшись, поправив прическу и опрыскав себя духами, с дремотной улыбкой на устах вернулась в кафе.

До встречи со своим суженым у нее еще оставалось четверть часа.

Перевод Веры Прохоровой

Эстония

Армин Кыомяги

Анонимные логистики*

Началось это четыре года назад, когда я оказался на курсах по основам логистики. То, чем я тогда занимался на работе, частенько ставило меня в тупик, я чувствовал себя потерянным, и чтобы понять, что к чему, записался на все мыслимые и немыслимые курсы. Помню охватившее меня волнение, когда лектор с безупречной осанкой скользнул по диагонали через весь зал цепким оценивающим взглядом и произнес:

– Здравствуйте.

Ничего проще, понятнее и гениальнее нельзя было и выдумать. Здравствуйте. Прямо в яблочко! Предыдущие курсы, на которые я сходил как раз за неделю до логистических, начался с беспредметного трепа какого-то небритого мужика в шерстяной кофте, что, мол, утро сейчас или день, или ночь, в определенном смысле никакого значения не имеет, и потому он не собирается приветствовать нас с использованием привязки ко времени, а если на проблему взглянуть глобальнее, то к чему вообще здороваться, разве эта формальность кого-нибудь осчастливит или, наоборот, сделает несчастнее? Ох, помнится, уже одно это предисловие вызвало у меня такую головную боль, что сконцентрироваться на самой теме уже не было никакой возможности. Основы философии. Какая польза от предмета, главная добавленная стоимость которого – это полная путаница плюс двухчасовая головная боль. Посидев немного для приличия, я улучил момент и смылся.

А вот лектор курса логистики не забудется никогда. То, как он прошагал кратчайшим путем от двери к столу, с какой

* Премия Фр. Тугласа 2006 года за лучшую новеллу.

рациональностью разложил свои материалы в левом углу стола, откуда потом их было сподручно брать для демонстрации, как ловко расстегнул две пуговицы на пиджаке и каким размашистым жестом накинул его на спинку стула, не помяв и не сделав ни единой складочки. Как он затем взошел на кафедру, обаял нас своей мимолетной улыбкой и приступил к лекции. Помню капнувшую на руку слюну. Лишь тогда я сообразил захлопнуть рот – все время этого до тонкостей продуманного вступления я просидел с отвисшей от восторга челюстью.

Сегодня, спустя четыре года, я и сам мог бы тому лектору дать не одну дюжину советов, как сделать свою жизнь еще более эффективной. Тут я преуспел. И надо признаться, что в известном смысле это стало проблемой.

Теперь, когда у меня полно времени для раздумий и воспоминаний, я понимаю, что на самом деле все началось гораздо раньше, а не с тех курсов. Помню лето в студенческой дружине. Это было мое второе лето. Отряд оказался на редкость удачным: лихие и изобретательные ребята, веселые и симпатичные девчонки. Со второй половины срока, когда всеобщая дружба в значительной степени переросла в нечто большее, мы, ребята, завели моду ходить вечерами к девочкам и целовать их на сон грядущий. Как-то в конце июля, придя в одних трусах в девчачью комнату и любуясь ими в свете полной луны, мы возбужденно обсуждали, кому кого целовать. И вот тогда-то неожиданно я направился к ближайшей кровати. А поскольку девчонки нашего отряда все как на подбор были красавицами, то и не было никакой разницы, кого именно целовать. Я пошел кратчайшим путем. С той ночи мой поцелуй на ночь доставался ближайшей девочке. Это не всегда была одна и та же. Нет. Время от времени они менялись кроватями. Зачем – непонятно. Мой разум не смог уловить смысла этих перемещений. И когда потом у костра кто-то из девочек поинтересовался географической тактикой моих поцелуев, я ответил, что выбираю кратчайший путь до поцелуя. Все выпали от хохота, и тепленькое местечко во многих сердцах мне было обеспечено. Но я-то не шутил.

Не помню, когда целовался в последний раз. Ну не могу я заниматься бессмыслицей. Я делаю только то, что нужно, шевелю

только нужными частями тела, напрягаю только нужные мышцы, обдумываю только нужные мысли. В нужный момент, в нужном месте и в нужном объеме. Всегда. Но одно обстоятельство тревожит меня. Я не владею своими чувствами. Иногда неожиданно раздражаюсь, негодую, злюсь, впадаю в отчаяние. Будь на то моя воля, я бы уничтожил в себе гены, ответственные за все эти глупости. Ведь эмоции – это пустая трата времени. Причем не только негативные. Какой смысл, например, в радости от победы? Урра! Что ура-то? Зачем? Что это дает? И что такое победа, чтобы уж так ликовать из-за нее? Существует результат, то есть счет, есть промежуточные итоги. Естественные составляющие процесса. От чего тут в восторг-то впадать?

С самого раннего детства я преклонялся перед своим дедом. Даже в девяносто он имел обыкновение садиться за письменный стол и неспешно думать свою думу. За его спиной на полке красовались шедевры мировой инженерно-технической мысли вперемешку с документальными путевыми заметками знаменитых путешественников. Одна только рациональная информация. Никакой бесполезной беллетристики. Когда я достаточно подрос, дед посвятил меня в мир своих доходов и расходов. Начиная с 1938 года на каждый календарный год у него было заведено по блокноту с самым дотошным перечнем всех полученных доходов и сделанных расходов. У нас была такая игра – я наугад называл какой-нибудь год и месяц, а дед в соответствующем блокноте находил запись и зачитывал, как двигались финансы в этот отрезок времени. С точностью до сента. Иногда в записях был отмечен еще рост и вес деда. Он взирал на меня с победоносным видом, и я чувствовал себя внуком гения.

Помнится, как-то раз дед взял меня с собой в церковь. Прежде я в ней никогда не бывал. И вообще, в то время я не слишком часто бывал в церкви. Когда дед позвал меня с собой, я, честно говоря, очень удивился. Дед – и вдруг церковь? Я знал, что время от времени ему нравилось послушать умиротворяющую музыку органа, однако будучи человеком рациональным, дед обычно делал это, возясь за своим столом и настроив приемник на классическое радио. Итак, мы отправились в церковь.

Она оказалась какой-то не такой. Я не сразу сообразил, что в ней было не так, но постепенно дошло – в церкви отсутствовала та помпезность и символика, которая обычно встречает и обволакивает человека в божьих храмах. Эта церковь была простой. Простые скамьи, простые окна, простой алтарь, простая роспись стен, простой свод. Дед внимательно огляделся, постучал по стенам, пощупал двери и скамьи, осмотрел балки. После чего одобрительно кивнул, и мы ушли. По дороге домой дед рассказывал мне о работе. На своем веку он спроектировал немало мостов, жилых домов и производственных зданий. А еще он спроектировал одну церковь. Именно из этой церкви мы сейчас и возвращались.

Когда на финишной прямой жизни дед попал под машину, и ему переломало обе голени и размозжило ступни, нам сразу стало ясно, что так – в лежачем положении – дед жить дальше не намерен. И оказались правы: перед Рождеством он объявил нам, что подарков от Деда Мороза он в этом году не ждет. По счастью, все вошли в положение и оградили его от кучи ненужных шерстяных носков, линеек и приходно-расходных книг. В «тот» день мы все собрались у дедовского смертного ложа, и каждый говорил ему что-нибудь на прощание. Пришел мой черед. Я посмотрел на обрубки его ног, которые в результате несчастья стали сантиметров на двадцать короче, и спросил, как дед отнесется к тому, что мы похороним его в несколько укороченном гробу. Теперь, раз физическая надобность в длинном гробу отпала, мы преспокойно обошлись бы значительно более коротким, а значит, и дешевым экземпляром. Помню оторопь, с которой все воззрились на меня. В глазах же деда мелькнуло нечто вроде попытки калькуляции, и он с благодарностью одобрил идею, обозначив это легким пожатием моей руки. Так мы и сделали.

Выходит, рациональное мировоззрение у меня в генах. Оно было у моего деда, построившего настолько «деловую» церковь, что мистическая божественная аура оказалась в ней чужеродной, оно было у моего отца, купившего сразу четыре пары лыжных ботинок, поскольку стоили они баснословно дешево, оно есть у меня, взвешивающегося до и после съедения киви, чтобы

затем до грамма определить вес ягоды, оно есть у моего сына, который, перед тем как наложить в штаны, всегда предупреждает об этом ровно за две секунды. И так далее. Однако я уже не испытываю по этому поводу чувства гордости. Во всяком случае, не как раньше.

На протяжении своей не очень долгой, зато весьма насыщенной и плодотворной карьеры я довел шесть фирм до такой степени идеального функционирования, что если бы это были какие-то глобальные предприятия, то каждый из шести миллиардов жителей Земли ощутил бы пользу на себе и от души порадовался бы. Судите сами: все делается исключительно для пользы дела и при этом абсолютно никакой рекламы и прочей маркетинговой белиберды. На последнем месте работы я дошел с оптимизацией процесса так далеко, что в конце концов пришлось самому себя сократить. Перед этим я доказал совету, что если затеянные мною преобразования стопроцентно воплотить в жизнь, то и исполнительный директор, и руководитель по маркетингу окажутся в фирме лишними. Будучи людьми жадными, они после некоторых колебаний с моим предложением согласились. Будучи человеком честным, я там же заручился их согласием на свое увольнение через двадцать шесть дней. Именно столько времени требовалось для запланированной мною реорганизации.

Пока я в своей однокомнатной квартирке жил сам по себе, все было просто. Логистика моей жизни была столь упорядочена, что вполне могла претендовать на Нобелевскую премию за инженерно-технические достижения в деле организации быта. Мой милый полностью автоматизированный крошечный рай. Все стало меняться, когда я решил жениться. Но как-то ведь надо было продолжить род. Особенно если в твоих жилах течет отфильтрованная поколениями до совершенства кровь закоренелого рационалиста. Итак, в мою жизнь вошла женщина. И хотя я знал, что женщины – существа какие угодно, только не рациональные (я хорошо запомнил поэтические сборники моей бабушки и бесконечные светские беседы по телефону моей мамы),

жена бросила мне поистине серьезный вызов. То, в каком порядке я складывал на стул свои вещи перед сном, с какой точностью по утрам выдавливал из тюбика нужную дозу зубной пасты, насколько точно умел отмотать от рулона туалетную бумагу, чтобы подтереть задницу, как логично расставлял в холодильнике продукты, как умудрялся выудить из бутылки кетчуп до последней капельки – все это не находило в моей жене ни малейшего одобрительного отклика. Да Бог с ним, с одобрением, какой толк от пустой эмоции? Но я чувствовал, что жена просто-напросто не понимает меня. Она, которая сыплет в стиральную машину столько порошка, что им можно было бы отдраить форму трех футбольных команд, она, чьи волосы вечно засоряют водослив раковины и ванны, ибо ей, видите ли, лень расчесываться над мусорным ведром, она, выбрасывающая картофельные очистки, которыми можно было бы досыта накормить всех четверых детей наших соседей, она, притаскивающая из магазина целую тонну баночек с кремами, чтобы потом привередливо выкинуть половину на помойку, она, щелкающая телевизионным пультом с такой частотой, что я не могу уловить, что делают телепузики в ток-шоу Урмаса Отта, и в составе какого гоночного экипажа будет выступать в ралли следующего года Марье Аунасте. И она меня не понимает. Мамма миа!

Ну да ладно. Вообще-то, с этим молчаливым непониманием можно было бы и смириться, но однажды она перешла Рубикон. Я сидел вечером на диване и смотрел по телевизору, как каскадеры готовятся к исполнению трюков. Профессионалы высокого уровня, тут уж ничего не скажешь, но ведь бывает, по недосмотру какой-нибудь винтик или болтик не завинтят до конца, и на тебе, получите пышные каскадерские похороны. Так вот, я сидел на диване, и было у меня два желания – отлить и попить. Дождавшись рекламной паузы, я поднялся, левой рукой сгреб со стола недопитый больше чем наполовину стакан с пивом и направился в туалет. Кухня была чуть дальше, в метре от туалета. Двигаясь к туалету, я правой рукой расстегнул ширинку и высвободил член. Поскольку дверь в туалет была приоткрыта, я заметил, что стульчак поднят. Это давало мне ощутимый выигрыш во времени, поскольку я мог расслабить сфинктер уже

за пару шагов до унитаза. Так я и сделал. Добавлю, что пока шел, я еще и выхлебал на ходу остатки пива. Само собой, мои расчеты оказались верными. Струя мочи, брызнувшая из члена ровно с последним шагом, в нужный момент попала точно в намеченную цель, не оставив на краях унитаза ни единой капельки, свидетельствующей о небрежном промахе. Когда я, удовлетворенный, вышел из туалета, то увидел стоящую в дверях кухни жену. С открытым ртом и стеклянным взглядом. Я обошел ее, чтобы премировать себя пивком из холодильника. Жена в оцепенении стояла ко мне спиной. Я мастерски налил пиво в стакан, следя за тем, чтобы слой пены не превышал двух – двух с половиной сантиметров. И тут она заговорила. Она сказала, что наблюдала за мной словно в замедленной съемке. Видела, как я шел, уткнувшись носом в стакан, как одновременно с этим зорко примеривался к туалету, как вытаскивал из штанов свой член и как, помилуй Господи, желтая струя вырвалась из моего пениса, и как она испугалась, что я залью и пол, и стены, и ее заодно, но как эта струя, описав в последний момент крутую дугу, зажурчала в унитазе. Все это так потрясло ее, что за весь вечер она не вымолвила ни слова.

Я воспринял ее реакцию как комплимент, похвалил себя за терпение и поздравил с тем, что наконец-то мои мучения принесли плоды. Ночью я решительно взобрался на жену и отметил нашу маленькую победу – по-быстрому попрыгал на ней. К моему великому изумлению, наутро жена упаковала свои манатки и ушла. По счастью, оплодотворенная. В следующий раз я услышал о ней месяцев через девять. У нас родился сын, и мне было позволено видеться с ним каждое воскресенье. Эта новость порадовала, ибо я не ощущал достаточной мотивации, чтобы даже для воспроизведения потомства заводить новую связь с какой-нибудь представительницей иррационального женского племени.

И вот теперь я здесь. Место, надо сказать, своеобразное. Мы сидим кружочком, нас пять человек, и четверо из нас больны. Так, во всяком случае, полагает тот пятый, который считает себя здоровым.

Уже и не припомнить, как я сюда попал, зато хорошо помнится первый раз. Сеанс должен был начаться «примерно так около шести вечера», как было обозначено в буклете. Эта неопределенная формулировка всех разозлила. Ровно в 18.00 в комнате стояли четыре абсолютно чужих друг другу человека, и по нашим лицам было видно, что организатора данного мероприятия среди нас нет. Помещение было мерзким: разноцветные веселенькие шторы, разномастные стулья, хаотично расставленные по комнате, в одном углу навалена куча каких-то цветастых подушек, потом еще полка со всякой всячиной и стопками бессмысленных журналов. На потолке несуразная люстра, в которой жадно заглатывали энергию самые неэкономичные лампочки из тех, что я когда-либо встречал. Мы все чувствовали себя неловко. Переминались с ноги на ногу, не осмеливаясь ни присесть, ни что-либо тронуть. Наконец в комнату вошел пятый человек. Женщина. Улыбнулась нам с невинным видом и сообщила, что она Катрин. В ответ мы посмотрели на свои наручные часы. Они показывали 18.18.

Со временем мы хорошо узнали друг друга. Я встретил здесь очень интересных людей, с которыми чувствую себя прекрасно. К примеру, Арвед. Он всегда сидит слева от меня. Арвед ежеутренне и ежевечерне взвешивает свою жену, двух детей-подростков и взвешивается сам. За восемнадцать лет брака он собрал столько статистических данных, что благодаря им вычисляет на будущее динамику изменения размеров тела домочадцев. С трехлетней периодичностью. А учитывая еще и тенденции мировых рынков, индексы подорожания жизни и прогнозы конъюнктуры центробанка, он составил математическую модель семейного бюджета, с помощью которой способен предвидеть, сколько денег придется потратить на одежду и питание, например, в 2014 году. С вероятностью 98,5 процентов. Мы все очень уважаем Арведа. Все, кроме Катрин.

Или взять Мартина. Отличный малый. В результате доскональных расчетов он пришел к некоторым весьма интересным выводам. Например, Мартин обнаружил, что восемьдесят процентов траектории передвижения членов его семьи внутри дома происходит всего лишь на двадцати процентах общей площади строения. Добавив к квадратным метрам, необходимым для ходь-

бы, еще и площади под мебелью, он спроектировал новое жилище. На в четыре раза меньшем пространстве семья живет почти так же, как раньше. Зато какой выигрыш на строительстве! Какая выгода в эксплуатации! Уже не говоря о том, что дом Мартина стоит на участке в тридцать восемь квадратных метров, который по цене бутерброда он купил у одного мужика, когда у того от старости умер цепной пес, и он не знал, куда девать его конуру. Мы считаем Мартина гением. А вот эта Катрин опять-таки не разделяет нашего мнения.

Ну и, конечно же, Отть. О том, что у него варит башка, говорит уже тот факт, что он сменил имя – теперь он Отть Котть. Родители, носившие фамилию Готтлиб, назвали его Отто. Помилуйте! Отть Котть, с инициалами ОК, – имя, о котором мечтает любой здравомыслящий человек. Отть был таксистом. Он развил в себе потрясающие способности минимизировать затраты своего такси и при этом предлагать в обслуживании максимум удобств. Два цилиндра из четырех он демонтировал, поскольку, вычислив среднюю скорость в городе, а она оказалась 27 километров в час, он решил, что в четырех цилиндрах нет никакой надобности. Цилиндры Отть толкнул на авторынке Кадака, вырученные деньги сунул в конверт и отправил на адрес руководства таксофирмой. Расход бензина был у Оття пустяковым. Помимо экономии в результате уменьшения кубатуры мотора Отть у себя в гараже в бочке, припасенной специально для этого, смешивал бензин с дешевым керосином. Себестоимость топлива получалась на треть ниже обычной. Выбирая маршрут, Отть всегда исходил из оптимизации километража, не брезгуя при этом окольными улочками, порой пренебрегая дорожными знаками и срезая путь по газонам. И все для того, чтобы доставить клиента до места самой короткой дорогой. Бессмысленные датчики на арматурной доске Отть поменял на бутафорские из картона, переведя полученные от продажи оригинальных датчиков деньги до последнего сента на банковский счет фирмы. Вот такая умница – этот Отть.

И вот теперь мы тут: Арвед, Мартин, Отть и я. Четверо классных парней. Мы делаем вид, что слушаем эту Катрин, которая считает, что лечит нас от страшной болезни. Она называет нас

анонимными логистиками. Вообще-то, в глубине души мы даже гордимся этим. Логистика – это ж как звучит! Логистика – это упорядоченность и совершенство. Она делает из человека человека. Это то, что отличает нас от животного. Мы способны собрать воедино все рациональные теории, производить расчеты и измерения и делать логичные выводы. Мы не выносим расточительности. Мы воспроизводим жизнь одним-единственным актом зачатия. Но если вдуматься, то в известном смысле и это перевод добра. Погодите-погодите. Сколько там было сперматозоидов в одном семяизвержении? Когда вернусь домой, обязательно изучу этот вопрос. Я просто уверен, что здесь существует скрытая возможность крупно сэкономить и одновременно решить проблему прироста населения планеты. Видите, какие здравые и замечательные мысли. Разве может это быть болезнью?

Перевод Веры Прохоровой

Эстония

Юрий Михайлик

Над нами взойдет звезда-полынь

* * *

Подпоручик, шагавший не в ногу,
слава богу, забыл понемногу
строевую неловкость свою,
осознав, что не годен в герои,
ни в не к ночи помянутом строе,
ни в помянутом к ночи строю.

Наш – увы! – отставной подпоручик
орденов и чинов не получит –
никакой золотой мишуры,
и закончит свой горестный опыт
в дни, когда ваши гогот и топот
сокрушают мосты и миры.

* * *

Крест-накрест дверь. Позабудь свой дом.
И горький свой край покинь.
Мы были бессилием и стыдом,
и каменной солью пустынь.
И в наших глазах – вовеки веков –
честнее здешних расплат
сиянье стронциевых облаков,
плутониевый распад.
Эпоху свою мы насквозь прожгли
и ненавистью прошлись

на семь поколений вглубь земли,
на семь поколений ввысь.
Крест-накрест дверь. Забудь и покинь.
В свой черед на любой из широт
над нами взойдет звезда-полынь
во тьме торфяных болот.

Кайеркан

Зимовать их оставили в шахте –
там, поглубже, до плюс десяти.
Ни овчарок, ни вохры на вахте,
но зимой никуда не уйти.
И, конечно, проблемы прокорма
и вопросы доставки трудны,
и не всем половинная норма
позволяет дожить до весны.

Так что нынче уже не дознаться
и в архивах нигде не сыскать –
сколько было их? Тысяч пятнадцать?
А другие твердят – двадцать пять.
А когда они вышли наружу –
те, кто все-таки выжил и встал
в ледяную апрельскую стужу –
их ведь тоже никто не считал.

Но великий начальник приехал,
как таймырские ездят цари,
в дивной шубе из волчьего меха –
волк снаружи и волк изнутри.
И сказал он, спуская по следу
свой отборный натасканный взвод:
– Те, что выжили, все – людоеды.
Людоеды. Отпетый народ.

* * *

Поэзия словно космос пуста,
и сколько стихов ни пиши,
в ней всегда существуют такие места,
где не было ни души,
где не звенел ни глагол, ни металл,
не скрипели ничьи прохоря,
где даже Пушкин не пролетал,
о прочих не говоря.

Этих широт, этих щедрот
никто не калечил межой.
Хочешь – возделывай свой огород,
хочешь – паши чужой.
И когда ты пятьсот стишков насвистал
и выложил в интернет,
ты можешь хоть лечь на свой пьедестал –
никаких соперников нет.

Не бойся, не бейся, бедный поэт,
меж комплексов и обид, –
не то что врагов – собеседников нет
ни на одной из орбит.
А о чем звезда со звездой говорит
в непостижимой дали –
расскажет обугленный метеорит.
Если долетит до земли.

* * *

Я уже не буду стоять ни в каких рядах
в моих любимых, но снова кровью проклятых городах,
я не стану опять чинить расстрелянное жилье,
предпочитая кормить воронье, чем повторять вранье.
Как тут упомнишь – жив ты или убит
на площадях, в очередях, во дворах профтехшкол,

кстати, откуда столько бейсбольных бит
в странах, где никто не играет в бейсбол?
И когда слышишь – как они говорят,
о чем спорят и что поют,
понимаешь – не ведают, что творят,
но точно знаешь – убьют.

Сидней

Елена Касьян

Сил хватит

* * *

Он говорит – неси,
сколько сумеешь. Сил
хватит. Тянись ко мне,
даже когда на дне
будешь, вставай со дна.
Даже когда одна
буря другой сильней,
встань и пройди под ней.
Это твое. Тянись
этим со всех сторон.
Если такая жизнь,
значит, таков закон.
Он говорит – смотри,
чем ты владеешь здесь?
Ноша твоя внутри,
ты – это все, что есть
тут твоего. Неси,
сколько сумеешь. Сил
хватит.

* * *

Куда я буду тебе писать? По снегу огненная лиса перетекает из света в ночь. Вот так и ты улетаешь прочь из наших сумерек и сетей, от наших радостей и страстей,

перетекая в немое «был...».
Вдовеют все, кто тебя любил.

Прижмется город лицом к стеклу. Разбей яйцо, отыщи иглу
и убедись, что она цела – почти нетронутая игла.
Каких гарантий тебе еще? Врастает небо в твое плечо,
втекает вечность в твои глаза,
как в нору огненная лиса.

Куда я буду тебе писать? Во мне цветет прошлогодний сад,
во мне качается синий лес и птицы носятся вдоль небес,
но нет ни города, ни страны, где эти письма тебе нужны,
где ты еще не совсем отвык
и понимаешь земной язык.

Мы изучили немало слов, от них осталось одно – «любовь».
И все, кто шиты одной иглой, навеки связаны здесь с тобой
в один сияющий гобелен – ему не страшен ни прах, ни тлен,
ему ничто не мешает быть.
И ты в нем нить…
И я в нем нить…

* * *

У меня был Краков, Париж и Рим,
Где ни мост, ни купол не стал моим,
Я могла живое открыть живым,
Но искала камень и ключ под ним,

Я пыталась мир заготовить впрок,
Этот мир пока был не слишком строг.
До поры кивал мне лукавый бог,
Но теперь неясно, каков итог.

Если нить тонка, то болит порез,
Если ждать беды, то она окрест,

Но когда созрел и готов замес,
Никакой нужды в перемене мест.

И легко сквозь бусину нить течет,
И в груди пульсирует горячо,
И неважно время, ни день, ни год
Для того, кто знает, куда идет.

Все, чего ты ищешь, давно внутри,
Это очень просто – бери смотри.
И давай, себе-то уже не ври –
Бесполезен ключ, если нет двери.

* * *

Еще держу, еще держу,
но отпускаю, отпускаю…
Точильным камнем по ножу –
по мне идет волна другая,
и по тебе, и по тебе,
и никого не огибает,
ни тот немыслимый Тибет,
ни этот мыслимый Дубаи,
ни те иные миражи,
ни эти знаки на конверте…
Гляди, гляди, какая жизнь
по обе стороны от смерти.

* * *

Ночь оставляет нетронутым только контур.
Смертным быть тяжелее, чем просто живым.
Каждого, кто покидает темную комнату,
Страх отпускает на время. Следить за ним
Можно на расстоянии – страх вторичен.
Самые важные правила слишком просты.
Если глядеть из форточки, воздух геометричен,

Как доказательство правильной пустоты.
Все, что тебя с поражением соотносило,
Что разделяло пространство с календарем,
Все, что еще вчера тебя не убило,
Завтра становится лучшим поводырем.

* * *

Не говори о нас, не говори,
и даже в самом сердце де Пари,
где мы могли однажды умереть,
когда бы жизнь
не праведней, чем смерть,
когда бы свято место не про нас,
когда бы жили
только в этот раз.
Но до сих пор пульсирует внутри:
не говори о нас, не говори.

Во мне растут сады и города,
во мне горит небесная руда,
скрипят качели, облако плывет,
а на качелях
девочка поет.
И так поет, что не о чем жалеть,
покуда жизнь
не праведней, чем смерть,
покуда все растает до зари,
как фонари проспектов де Пари.

И уцелеет только горизонт,
но говорить об этом не резон –
слова легки, изменчивы, пусты…
Внутри меня
висячие мосты,
под небом птица, рыба в глубине –

как это все
вмещается во мне,
живет и дышит, требует любви?
Там старый дом шиповником увит,

почтовый ящик на его двери
(не говори о нас, не говори),
вокруг стоит высокая трава,
и на ветру
качается едва,
и в той траве лежит мой детский страх,
мой детский стыд,
мой ужас на губах,
моя тоска, моя смешная боль –
все, что еще не связано с тобой,

лежит в траве, но не болит давно…
И я смотрю, как старое кино,
и вижу только утро и восход.
И на качелях
девочка поет.
О, эта песня – все нутро мое,
а жизнь и смерть –
лишь строчки из нее.
И если хочешь, слушай и смотри.
Но ничего о нас не говори.

* * *

Всё пустые разговоры,
Всё советы, да не те.
У меня внутри просторы,
Что лететь бы да лететь.

Ай, люли мои люли,
Страх встает на костыли,

Ковыляй себе, болезный,
Поищи другой земли.

Я жила себе, взрослела,
Мне без малого вся жизнь.
Каждый первый то и дело
Говорит: давай, держись.

Каждый первый знает точно,
Где бревно в чужом глазу,
Ах, вы ночи мои, ночи,
Ах, кораблики в тазу,

Ах, ковровые узоры,
Ах, тесемочки в косе,
Разговоры-разговоры
На нейтральной полосе.

Не спеши подбить итоги –
Воля наша, чья бы власть…
Смерть обила все пороги,
Жизнь пока что не сдалась.

* * *

Вот так, скрипя о петли бытия,
Раскачивает ветер колыбель,
Где нас Творец попарно изваял:
Совместный быт, совместная постель,
И только вечность каждому своя.

А время все прозрачней на просвет,
И проступает контур декупажа,
Где я снимаю платье, как конверт,
Где мы – пейзаж, вернее, часть пейзажа,
И смерти нет, и утоленья нет.

И мы никто, и мы уже нигде,
Лишь колыбель качается со скрипом,
И рябь идет по небу и воде,
Где ты меня читаешь, как постскриптум, –
И там, и здесь, и далее везде…

Львов

Андрій Хаєцький

Перепливи океан

* * *

Лиш твоя душа має запах карпатської хвої.
Насичений свіжий запах, п'янкий аромат століть.
Все важче тепер залишатись самими собою,
все легше себе загубить в одну необачну мить.

Не диво чужого неба, в якому горять зорі,
не берег чужого краю, де видно лиш чорний дим.
Не запах чужого саду, насиченого горем.
А чистий, прозорий вітер, що мій зберігає дім,

в тобі концентрує спокій. В тобі береже мене.
І вихри чужих історій, і прірви моїх шляхів,
і смуток очей на фото – усе це колись мине.
Усе це затопить морем; залишишся тільки ти.

Бо твоя душа має силу гірського потоку.
Силу прапрадавніх мольфарів. Силу небесних сил.
І скільки б не було ночі – буду летіти доти,
доки даватимеш змогу не втратити білих крил.

* * *

Перепливи океан.
Двічі, а може, й тричі.
Знаєш, тобі не личать
шрами від колотих ран.

Не запливай за буї.
Згідно із гороскопом,
риби чотириокі,
і в кожному з нас свої.

Переплети русла рік.
Кожному дано сили,
в кожного є мотиви
і є відповідний вік.

Не забувай про святе.
Серце тобі не бреше.
Серцем відчути легше,
що океан – саме те.

Перепливи. Скільки риб
гине в тобі без діла!
Згинуло й скам'яніло,
впало роками углиб.

Не заблукай у воді.
Чітко фіксуй широти.
Лиш дістанешся плоту –
риби заснуть у тобі.

* * *

Лікар тихо казав, що не можна, не можна, не можна.
Наголошував тричі, мав вигляд бентежний, тривожний.
Медицина безсильна у випадках страху та злоби,
бо такі відчуття неодмінно доводять до гробу.

Він казав це, бо бачив, коли помирає людина, –
і щоразу сумнішав, і настрій щоразу єдиний.
І питання не в тому, що тут не існує безсмертя.
А у тому, що світ не достатньо з собою відвертий.

Та казав же, казав. Наче сипав горохом об стіну.
І за кожну людину молився тихенько у спину.
Медицина безсильна. Людина – сама собі лікар.
Сам собі фармацевт, що вигадує власнії ліки.

* * *

Достатньо лише погляду – і світ
одразу змінює свої координати.
Тоді виходити з квартири – як з палати,
втрачаючи залежність від орбіт,

коли твоя свідомість – не твоя.
Коли чекаєш більше, ніж суху тривогу.
Коли в очах від диких алергій волога,
і ти мовчиш під наступом плеяд.

В тобі тремтять слова, зриває дах,
а час достатньо швидко змінює картини.
Дощі змивають з вулиць. Давлять рідні стіни,
і ти лиш культивуєш власний страх,

що погляд був останнім. В тих очах
не більше щирості, ніж звичного терпіння.
Стає твій майже поетичний образ тінню,
і світ стоїть на зморених китах.

* * *

Ліхтарі нічного міста
роздягли чуття тривоги.
Назбирав тобі намисто
із подій впродовж дороги.
Трохи долі, трохи волі.
Трохи роздумів під вечір.
Трохи, трохи алкоголю.
Звичні речі.

Бриз нагадує минуле.
Море хвилями портрети.
Пам'ятає, як тонули.
Перший з другим, другий з третім.
Трохи сили треба крилам.
Трохи більше, ніж потреба.
Для розгону треба схили.
Трохи неба.

Ліхтарі. І море. Й пам'ять.
Все нагадує про тебе.
Хвилі кличуть, хвилі манять.
Так не треба. Так не треба.
Трохи лише стане тихше –
помолюся проти ночі.
Став сильнішим, став сильнішим –
мозок мантрою шепоче.

Игорь Потоцкий

Непричесанная звезда

Непричесанная звезда

Непричесанная звезда на небосклоне пустом.
Все остальные от зависти потеряли свой блеск.
Бедный ангел на этой звезде вывел пером
гусиным, что Н. Н., поэт, сегодня воскрес.
Пуля, посланная врагом, не посмела его задеть,
два века списаны и не уцелел архив.
Сердце поэта покоилось на вот этой звезде,
но чтобы его вернуть, потребовался взрыв.

И взорвалась вселенная, но молчком,
будто это случилось в каком-то секретном сне.
И только над Москвою тридцать семь раз гром
прозвучал, а молния стала ближе речной волне.
И вот воскресший поэт дописывает свой стих,
и его дело из архива уплывает в ничто.
И три тысячи молоденьких дев стихами больных
улыбаются нежно, возвышенно и светло.

Через три месяца подписывает в печать
поэт огромный том, в нем его прошлая жизнь.
Критикам этого тома вовек не понять,
вот они и отправляют стихи не наверх, а вниз,
не ведая, что эти строчки уже идут напролом –
в штыковую атаку, они – как лес…

Причесанная звезда на небосклоне пустом,
все остальные от зависти потеряли свой блеск.

Одесский двор

Той музыкой из окон, что когда-то
лилась, как дождь, не признавая зла,
наполнен двор, и вновь не виновата
та девочка, что от меня ушла.
Она вступила в круг воспоминаний,
где странный стих, затертый, как пятак,
пророчил мне не череду страданий,
а птичий лепет и кромешный мрак.
Да, я себя не чувствовал героем,
когда она просила: «Помолчи!»
И тополя лиловые шли строем,
теряясь в наступающей ночи.
Но как звенели сотни две мелодий,
блуждая в кронах этих тополей,
и каждая шептала, что в природе
нет страшных красок и плохих вестей.
Казалось, счастье из оконной рамы
выпархивало, как большой птенец,
и на войне полученные раны
не мучили – смеялся мой отец.

Памяти Поля Целана

Вот ты склонилась над книгой Поля Целана,
учишь стихи на память, плачешь, но вновь без слез.
Господи, как опять ты мне дорога и желанна…
– Милый, ты не обманываешь?
– Нет, написал всерьез.

Снова стоим над Сеной, куда он пришел однажды,
последние стихотворения зажав в своем кулаке,
и в холодные волны прыгнул поэт отважно,
тонет стихотворение вместе с поэтом в реке.

Нам никого не жалко, даже себя не жалко,
но ты ко мне прижалась, чтобы меня спасти.
Мчится уже неотложка, мигает ее мигалка,
десять стихотворений я зажимаю в горсти.

Поэты уходят, осознавая ненужность,
из городов, из памяти, от звезд и тополей.
– Милый, я написала, что буду тебе послушна…
– Мне ничего не нужно, но ты меня пожалей.

Незавершенные рукописи проступают на глади
Сены, лицо поэта, остывший огонь его глаз.
Как ему было трудно без женских нежных объятий –
строчка застопорилась, новая не родилась.

Как часто своих поэтов хвалим мы после смерти,
кричим, что строчки их чиркают, как спички ночной порой.
– Милый мой, не отчаивайся – мы встретимся на рассвете…
– Мне ничего не нужно, только побудь со мной.

*

Я вынул строчку из контекста дня,
она легла, как нитка, на ладони,
она одна сегодня для меня,
и нет ее красивей и бездонней.
Я буду целый день ее шептать,
как благородны гласные, в которых
есть облака, платаны, моря гладь,
есть солнца луч и музыка, и горы.
Не смейтесь надо мною, мудрецы,

и не впадайте в многоговоренье,
когда платаны шепчут, как чтецы,
всего одну строку стихотворенья.

*

Дай мне свое лицо – грустны мои ладони –
и прошепчи сквозь снег: печалиться не смей.
Мне кажется опять, что голову уронишь
на грудь мою, и грусть, как стая снегирей,
взметнется к облакам, как тем минувшим летом,
где в памяти моей твои глаза, плечо,
еще твоя ладонь и голос смутным эхом,
еще твоя мольба: мой милый, горячо!..
Люблю тебя взахлеб, пишу с тебя икону,
боясь тебя задеть стремительным мазком.
И только две звезды на зимнем небосклоне,
и вновь платан скрипит возвышенным пером…

Стишок с банальными рифмами и сигаретой

С облаком, что обликом
кажется твоим,
я сижу за столиком
и пускаю дым.
Я рисую грустную
осень, листопад
и все жду, чтоб хрустнуло
сердце невпопад.
Память неизменная
снова станет жечь,
как благословенная
облачная речь.
Исчезаешь, вредная,

снова без следа,
а на небе бледная
вновь горит звезда.
Над осенней чащею
вновь из-за любви
та звезда все чаще
слезы льет свои.

Михаил Сипер

Доверенное белому листу

* * *

Уже написан текст, прямой и резкий,
В нем отразились горечь и беда,
Но даже если повод очень веский –
Не нажимайте ENTER, господа!

Горит в желудке чистым жаром Chivas,
Отмщенье мне, и аз тогда воздам!
Но двадцать раз вздохните и, прошу вас,
Не нажимайте ENTER, господа!

Он другом был. Она – почти женою.
Но слово… Слово рушит города.
Чтоб не остаться с совестью больною,
Не нажимайте ENTER, господа!

Когда поймете, что одни в печали,
А голова по-прежнему седа,
То что бы вам по злобе ни кричали,
Не нажимайте ENTER, господа!

* * *

Наталье Резник

Мы встречались недавно. День был, допустим, вторник,
Дождь моросил, капли текли за ворот.

Из бухавших с тобой можно составить сборник,
Из влюбленных в тебя можно составить город.

Над запыленной травой по-дурацки росли деревья,
Если от них нет тени, то и смысла я в них не вижу.
Путь мой всегда один – выморочное кочевье.
Путь твой всегда другой. Впрочем, об этом – ниже.

Изо всех витаминов стихи – наиполезные.
Примешь немного – и целый день довольна.
Зная тебя, верю – живут и на лезвии,
Но находиться там неимоверно больно.

* * *

Прости, Господь, за грубость языка,
За робость, уводящую в сомненья,
За то, что не приемлю вдохновенья
От взгляда Твоего сквозь облака…
Прости, что я не жгу Тебе свечей
И жизнь свою веду не по скрижалям,
А тех, кто слепо верит, – просто жаль их,
Уснувших под журчание речей.
Прости, Господь, за то, что не блюду
Твои законы, правила, заветы,
За то, что сам ищу себе ответы,
Но не убью, да и не украду.
Когда в уста вливает время яд,
Когда ужасны и дела, и речи,
Я буду жить, Тобою не замечен,
Не слушая, что люди говорят.
Всего и надо – верить в чистоту
Мелодии душевного покоя.
Прости, Господь, что мне родней мирское,
Доверенное белому листу.
Я смерть друзей оплачу как потерю,
А не счастливый в кущи переход.

Я пробиваюсь к истине, как крот…
Прости за то, что я в Тебя не верю.

* * *

Каемку кружки крупной солью посоли.
На липкий стол, пропахший бывшей рыбой,
Ты положи свои короткие рубли.
Что нам теперь Мальдивы и Карибы?
Шипит окурок в мрачной луже у стола.
Скажи, когда нам дождик был помехой?
Нас не касаются погодные дела.
Сегодня Вовка в небеса отъехал.
Сидим, у воблы нежно ребрышки сосем.
Уже второй за скомканное лето…
Был-был, и нету. Это коротко, но все.
А что еще, когда был-был, и нету?
У павильона мнется очередь всегда,
При входе в рай – шумливая толкучка.
Хозяйка, нам бы повторить еще сюда!
Хоть заорись. Она не слышит, сучка.
Что смотришь, парень? У меня все нормалек.
Еще круган – и можно дуть до хаты.
Так незаметно день меж пальцами протек.
Есть черточка, а по бокам – две даты.

Гунны

Они забрали мою страну,
А я забрал их совесть и честь
И с интересом на них взгляну –
Как они смогут по-прежнему есть,
Как им удастся теперь дышать,
Быть со мною под небом одним,
Как станут в ночи колыбели качать
И что они скажут детям своим.

Кибуц Кфар-Масарик, Израиль

Море талантов 2015: «Ребята о зверятах»

В этом году в рамках XIX Международной книжной выставки «Зеленая волна», Третьего Корнейчуковского фестиваля состоялся Четвертый литературный конкурс «Море талантов». В нем приняло участие более 300 ребят Одесской области и Украины. Больше всего произведений было посвящено теме 90-летия со дня рождения Джеральда Даррела. Многие участники конкурса не только рассказали о своих четвероногих друзьях, но и удачно выстроили сюжеты и раскрыли характеры героев. Максим Толстиков написал историю о слонихе Венди из одесского зоопарка, а Юлия Байда удивила нас неожиданным превращением бродяги в кошку. Елизавета Енгибарян прислала веселую загадку об усатом-полосатом.

Порадовало нас то, что юные писатели пытаются создавать уникальные, неповторимые произведения, находят свежие образы, метафоры, сравнения, используют аллегории. Ян Омельян вместе с бельчонком нашел домик для завтра… в сегодняшнем дне. А еще перекинул мост через реку для марта, который вот-вот должен сменить зиму весной. Катя Кнак делится кошачьими наблюдениями, записывая монолог своего любимца. Представляем произведения наших победителей.

Инна Ищук, детский писатель, член Союза писателей Украины

Максим Толстиков, Одесса

Слониха Венди из нашего зоопарка

С незапамятных времен
В зоопарке главный – слон!
Львы и тигры, крокодилы,

Бегемоты и гориллы,
Все большие, все сильны,
Ну, а главные – слоны!
В нашем зоопарке Венди –
Вот пойди и посмотри!
Очень знатная слониха,
У нее вольеров – три!
Вот идет неторопливо,
Головой кивает нам –
Мы приветствуем учтиво,
С уважением к слонам.
Черный глаз, большой и умный,
Покосился на меня.
У вольера очень шумно,
Даже на исходе дня.
Я ей собственную булку
И два яблока отдам,
Пусть приятнее прогулка
И знакомство будет нам.
Очень трудная работа
Развлекать собой народ,
Венди постоит немного
И подальше отойдет.
Длинный хобот вскинет плавно
И оттуда затрубит.
Все поймут, что: «Слон здесь главный!» –
Это Венди говорит!

Мама! Купи мне собаку!

Мама, купи мне собаку!
Черного с белым щенка!
Он подавать будет лапу
И косолапить слегка.
Будет из миски обедать,
Сладко на коврике спать,

Лаять, за кошками бегать,
Хвостиком мило вилять.
Ну а когда будет грустно,
Слезы из глаз брызнут вдруг,
Рядом не будет пусто –
Будет со мной мой друг!
Ласково тронет он носом,
Слезы осушит вмиг,
Хвост изогнется вопросом:
«Что ж ты, хозяин, поник?»
Если из школы двенадцать
Я принесу в дневнике,
Будет щенок играться,
Радостно лаять мне!
Вырастет сторожем славным,
Будем с ним вместе гулять,
Я ему буду главным
И буду дрессировать.
Даже если немного
Мебель он нам погрызет,
Мы ему скажем строго:
«Нельзя!» – и он все поймет.
Мама, купи мне собаку!
Черного с белым щенка!
В мире нет лучше подарка –
Ведь это моя мечта!

Юля Байда, Одесса

Свет в сердце

Сотворил человека Бог,
Дал частичку души своей.
Человек сохранить не смог
То, что было всего важней.
Он спешил покорять весь мир,

Разрушал, что не мог принять,
Убивал и спешил на пир
Плоть вселенскую разрывать.
В жизни главное – все успеть:
Накопить, удивить и смочь,
Но печален по кругу бег,
И Господь не спешит помочь…
Звездный свет превратив в пыль,
В голове – мертвых чисел ряд.
А за окнами круглый год
Цифры, даты и дни летят.
Я не выберу жизни такой!
Замечать каждый день хочу,
Как скворец за окном поет,
Как дождинки стучат по стеклу,
Как цветок расцветает в саду,
Тот, который я так люблю.
Я хочу обнимать родных,
Слушать сердцем их тишину,
Я хочу осчастливить друзей,
Подарить им свою весну.
Улыбаться хочу облакам,
Так похожим на корабли,
Научиться сиять во тьме
Светом яркой ночной звезды.
Не беда, если солнца нет,
Не беда, если грянул гром,
Сохраню в своем сердце свет,
Озарю свой небесный дом!

Гость

Весна нам гостя подарила:
Кота облезлого, худого,
Его я целый день кормила,
Но, несмотря на все старанья,

Доверия не заслужила,
Людей, как видно, опасаться
Его, беднягу, жизнь учила.
Он опасался быть ненужным,
Как много раз в скитаньях прежде.
Он посмотрел на нас с мольбою,
Прося лишь капельку надежды.
Вот так пришел к нам кот Матвей –
Породы дикой, камышовый.
А раз решились имя дать,
Знать, в сердце мы впустить готовы.
Однажды гость у нас пропал.
Вдруг в доме писк раздался тонко.
Глядим, лежит наш кот Матвей,
А с ним два черненьких котенка!
Вот так Матвей у нас, друзья,
Матильдой кошкой стал в мгновенье,
Счастливой мамой для котят,
Доставив радость превращеньем.
Матильде руку протяну,
Поглажу я ее по спинке,
Увижу, как в глазах блеснут
Мне в благодарность две слезинки.

Елизавета Енгибарян, Одесса

Загадка

Чудесный приятель с длиннющим хвостом.
Он радость, веселье приносит в наш дом.
Он не один в своем роде бывает,
Но чаще всего только он нас встречает.
Он рыжий бывает, еще полосатый,
Но быть обязательно должен усатым.
Иначе не он, иначе не тот.
Но вы догадались? Конечно же, кот!

Ян Омельян, Одесса

Время никогда не стоит на месте

Когда ежик шел к реке, он думал о времени, почему оно идет так быстро и никогда не стоит на месте, кто может остановить время и правда ли, что оно бесконечно…

Сегодня на правой стороне реки уже собралась дружная компания, и неспроста.

– К нам спешит март! – утвердительно сказал еж, прервав свои размышления. Медвежонок приложил ухо к земле, чтобы послушать его шаги.

– Угу-угу! – подтвердил филин, поудобней усаживаясь на ветку дуба.

Бобер оглядел все кругом и сказал:

– Видимо, он еще не прибыл, ведь река во льду, а по полянке пройти трудно, кругом полно снега, его стоит еще подождать.

– Вот-вот должен прийти март! – твердил еж. – Мы могли бы его встретить!

Филин взлетел с ветки, и с высоты птичьего полета ему было видно, как вдалеке слегка наклоняются верхушки больших деревьев. Филин предположил:

– Завтра март придет с той стороны леса.

Медвежонок оторвал ухо от земли, понюхал утренний ледяной воздух и стал рассуждать вслух:

– Если он идет к нам, то ему с той стороны реки не добраться.

– Угу-угу! – подтвердил филин и подсказал друзьям: – Каждый день по чуть-чуть нужно вести строительство мостика, по нему март легко сможет пройти к лесным жителям на эту сторону берега.

Дружная компания одобрила полезную мысль умной птицы, и работа закипела. Каждый день филин облетал правую сторону берега и указывал медвежонку на старые высохшие стволы деревьев. Медвежонок как самый сильный стаскивал их к реке, а бобер бодро обрабатывал стволы так, что на них не оставалось и сучков. За несколько дней работы дружная компания очистила от старых деревьев весь правый берег и построила мостик.

– Март вот-вот должен прийти… – бормотал себе под нос еж, прогуливаясь по новому мосту. – Подождем до завтрашнего дня…

Утром первый проснулся бобер. Он заметил, что лед на реке растаял, и вода отражала ярко-бирюзовый цвет неба, воздух стал теплее. Филин, прилетевший будить медвежонка, принес в клюве веточку, всю покрытую почками. Он пощекотал ею медвежьи пяточки, и его друг наконец-то проснулся. Высунув нос из берлоги, он почуял аромат весны. Он посмотрел на полянку, где из подтаявшего снега выглядывало множество маленьких цветочков.

– Буди ежа! – радостно сказал медвежонок. – К нам пришел март!

Еж поспешил к мосту. Но каково было его удивление, когда, оглядевшись вокруг, он тоже заметил множество разноцветных цветочков, услышал, как радостно журчат ручейки, устремленные по склону в речку, а понюхав воздух, для себя отметил дивный запах свежей травы.

– Здесь прошел март! – обрадовался еж.

– Угу-угу! – подтвердил филин.

– Но как же так? Почему он прошел по мостику и не остановился, ведь он бы мог подождать? – вопросительно размышлял медвежонок, принюхиваясь к аромату цветов.

– Разве время не останавливается? – поинтересовался бобер.

– Как, вы не знаете? Время бесконечно… – еж забыл рассказать об этом друзьям и только теперь, вспомнил о важном моменте: – Получается, что март невозможно остановить, – размышлял ежик. – Ведь за мартом следует апрель, а за ним спешит май… И все это происходит так быстро…

Пластилиновая иллюстрация автора

Где живет завтра?

На рассвете, пока еще все обитатели леса спали, бельчонок носился по лесу, то и дело заглядывая под все кусты, подымая огромные листья лопухов. У цветка ромашки он немного задержался:

– Где живет завтра? – спросил он у самого большого цветка, пригнув его стебель к себе.

– Продолжай исследовать… – многозначительно ответил ему цветок, и бельчонок поспешил дальше, в самую гущу леса.

По пути он увидел крота. Тот грелся на утреннем солнышке, подставив свой носик под его лучи.

– Эй, крот! – позвал его бельчонок. – Возможно, ты видел дом, где живет завтра?

– Я прорыл много туннелей под землей, ископал все в округе, но завтра не встречал… Спроси у птиц.

Бельчонок продолжил свой поиск. День уже был в самом разгаре, когда он добрался до аиста:

– Аист, вы завтра в небе не встречали? – спросил бельчонок, карабкаясь по прутикам в гнездо этой красивой птицы. Лес с высоты выглядел чарующим, бельчонок пристально вглядывался, а вдруг заметит домик, где поселилось завтра…

Аист утвердительно покачал головой и сказал:

– Завтра приходит само-о-о, само-о-о, само-о-о… – и, расправив крылья, улетел.

День шел к своему концу, солнечный закат перекрасил все в оранжевые цвета. Спускаясь с дерева, уставший бельчонок напряженно размышлял, что если есть завтра, то почему бы ему не прийти сегодня? Пригласить завтра в гости – вот что особенно хотелось бельчонку. Уже вечерело, измучив себя запутанностью рассуждений, он сел под яблоней в тень листвы. У яблони были раскидистые ветки и изумрудные очаровательные листочки, плоды уже давно поспели. Но бельчонок не замечал красоты. Его поглотил напряженный поиск.

В этот миг мимо проносился его друг – ветер.

– Эй, ветер! – позвал его бельчонок, желая задать ему тот же вопрос.

В этот момент из-за дуновения проносящегося ветра от ветки оторвалось большое спелое яблоко и неожиданно свалилось бельчонку на голову!

– Я понял! Эврика! – закричал он от переполняющего его счастья. – Завтра живет в сегодняшнем дне! Сегодня – и есть домик для завтра! – бельчонок подскочил от удовольствия, что наконец пришел к заключительному размышлению.

Напевая под нос, он отправился оповестить своих собратьев о радостном открытии особой ценности сегодняшнего дня.

– Эврика, эврика, эврика!.. – подхватили ветер и собравшиеся белки, радуясь за бельчонка, что он наконец сделал для себя великое открытие и стал по-особенному ценить сегодняшний день.

Катя Кнак, Одесса

«И жизнь хороша, и жить хорошо!»,

или «Мысли вслух» кота Мурзика, 8 лет назад принесенного с улицы в дом и ставшего полноправным членом одной хорошей и доброй одесской семьи

«…Вот лежу я, греюсь на солнышке и думаю: как же все-таки замечательно устроен этот мир, где есть небо ясное и травка зе-

леная, и люди чуткие, и, конечно же, мы, удивительные создания – *коты*! И как травке не вырасти без теплых солнечных лучиков, так и нашим хозяевам без нас просто никак не обойтись.

Люди, которые подбирают на улице бездомных животных, думают, что это они брошенным котам и собакам делают доброе дело (это, конечно, так – тут не поспоришь), но ведь и мы – в благодарность и по доброте души своей – приносим в дом только хорошее, одну пользу. Ну посудите сами.

Вот как-то бегает мой хозяин Вадик с утра по дому, суетится – ключи от машины ищет. Наблюдая каждый раз одну и ту же картину, я решил взять эту ситуацию под свой контроль. Сел на ключи и многозначительно смотрю на него: «Не бегай, здесь твои ключи!». А он мне: «Хороший мальчик, хороший» – и по голове гладит. А я ему опять: «Ну вот же они! Сижу я на них!». Не понимает (хотя я своих любимых хозяев не то что понимаю с полуслова, а на расстоянии чувствую: и мысли, и настроение, и даже то, что у них вкусненькое для меня приготовлено). Ух, ну наконец-то Вадик заметил торчащий из-под моей лапы брелочек. Все рассмеялись и облегченно вздохнули, а я в очередной раз думаю: «И что бы вы без меня делали?». Теперь так будет каждое утро: где я, там и ключи. Бери, Вадик, ключи, езжай на свою работу, только возвращайся поскорее…

Или еще был такой случай: заболела как-то моя старшая хозяйка Лена. Думаете, кто ее вылечил? Может, врачи, их таблетки и порошки? Нет, это я всегда был рядом с ней, это я знал, где и что у нее болит, – и гладил ее своими теплыми лапками, и прижимался мягкой шерсткой к больному месту, вытягивая болезнь на себя. Теперь Лена, слава Богу, здорова, а мне – что сделается? Ведь мы, кошки, живучие: говорят, что у нас семь жизней есть…

А кто, скажите, лучше всех понимает мою самую младшую и самую любимую хозяйку Катюшу? Кто ее пожалеет, когда она, уставшая, приходит вечером с тренировки домой, а тут еще уроки надо делать? А если вдруг 9 баллов получит за какую-нибудь работу, а не 10 или 11, как обычно, что тут в доме начинается?! – Почему не подготовилась? Почему не выучила?

И только мне она может рассказать, каким тяжелым ежедневным трудом достаются ей те многочисленные грамоты и дипломы,

развешанные на стенах ее маленькой комнатки, и те отличные оценки в ее школьном дневнике.

Только я могу разделить с ней тот тяжкий груз ответственности, который она взяла на себя перед родителями, школой, тренерами, учителями, а главное – перед своей совестью, заставляющей ее быть очень требовательной к себе и верить в свои силы и возможности. А я, Катюша, буду всегда рядом с тобой, ведь людям легче и радостней жить, когда мы, домашние животные, рядом, правда?»

К 135-летию Саши Черного

Аркадий Вайнер, Эдуард Кузнецов

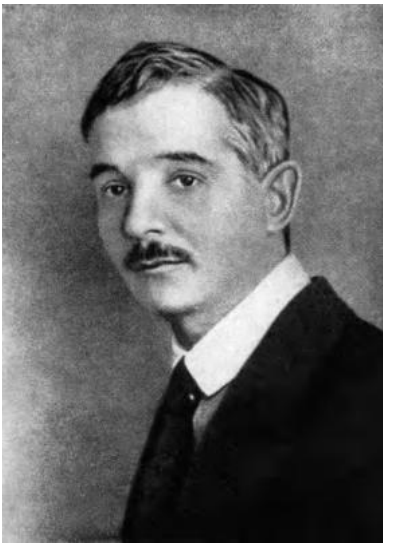
Враг пошлости

Звезда в честь Саши Черного.
Открыта в 2015 году на Ланжероновской

Парадоксально отношение некоторых знаменитых одесситов к родному городу. Испытывая к нему нежные чувства, они стремились вырваться из него, а вырвавшись, не всегда горели желанием возвратиться. Так было с Корнеем Чуковским, с Леонидом Утесовым, да и со многими другими. Так случилось и с Сашей Черным (Александром Михайловичем Гликбергом, 1880-1932) – одним из самых знаменитых сатирических поэтов России начала XX века. Им восхищались В. Маяковский, А. Куприн, К. Чуковский, его стихи многие знали наизусть, журнал «Сатирикон», в котором он публиковался, многие начинали читать с того, что отыскивали его стихотворения. Он привлекал думающего читателя своим неприятием серых и пошлых будней, ненавистью к самодовольной жизни обывателя.

Саша Черный родился в Одессе в семье провизора, воспитывался среди пятерых детей. Жизнь была несладкой: учился он плохо, из-за неуспеваемости отчислялся из учебных заведений, страдал от семейных конфликтов. Был период, когда он, убежав из дома, скитался и нищенствовал. Может быть, именно мрачные детские впечатления стали причиной его дальнейшего желчного восприятия действительности, легшего в основу его поэтического творчества.

Первое опубликованное произведение он подписал псевдонимом «Сам по себе», который красноречиво указывал на его индивидуальную обособленность. Эта самостоятельность и непохожесть на других просматривалась в течение всей жизни поэта: у него не было литературных учителей, предтеч, вдохновителей. Его сатира и лирика были абсолютно своеобразны. В своих стихах Саша Черный выступал как ненавистник тупого и примитивного существования. Он не оставлял своим оппонентам ни грамма ярких чувств, никакой романтики, никаких светлых душевных порывов:

Мы будем спать и хныкать,
И пальцем в небо тыкать…

В жизни его горячо нелюбимых персонажей раз и навсегда поселились уныние, скука, самодовольство, беспросветное однообразие. Рассматривая, словно сквозь увеличительное стекло, мир пошляков, поэт убеждался в полном отсутствии в нем искренней радости, бодрости, оптимизма: «мы давно живем, как слизни, в нищете случайных крох», «ищем бога, ищем черта, потеряв самих себя», «а вокруг одно мычанье, стоны, храп и посвист лоз». Сатирик видел одни «кривые спины» отвратительных «мутноглазых Акулин»… Воспринимая как данность идиотизм текущей жизни, Саша Черный не видел выхода из этого тупика. И это напрягало его до нервного срыва:

…Я завидую каждой отдельной букашке,
Я живу как последний дурак…

Чтобы каким-то образом разрушить оцепенение убогой действительности, он был готов на многое, вплоть до безумств:

…Заболеть бы, что ли, тифом,
Учинить бы, что ль, дебош?

Доходило до того, что практически все элементы обычной (и будничной, и праздничной) жизни, будь то осенний дождик, летняя жара, дачное безделье, светский раут, трактирная выпивка, окрашивались у него в цвета унылые, саркастические, насмешливые. Восторженно описывая пробуждение весны, он не мог не отметить:

…гниет вода,
И пьяных больше, чем всегда.

И любовь в мире пошляков трактовалась Сашей Черным как чувство низменное, будничное, беспросветно однообразное.

И все-таки поэт не был до конца подавлен тупостью жизни своих героев. Он и стихи писал не только для того, чтобы развенчать их, но, может быть, и побудить к каким-то романтическим поступкам:

Ты, читатель, улыбнулся?
Это, милый, все, что надо,
Потому что без улыбки
Человек противней гада!

Нельзя сказать, что всеми читателями однозначно одобрялась позиция Саши Черного. Среди них было немало таких, кого раздражали его постоянные издевки и насмешки. В полупародии, полуэпиграмме И. Игнатьева была высказана масса претензий к сатирику:

Я – неврастеник!
Людишки – брысь!!!
Возьму-ка веник
Да всех вас – хлысь!!!

Я совместил в себе, предавшись пессимизму,
Закат, луну, подтяжки, гром, омлет,
Дыхание весны, моря, китов и клизму…
Я – Гейне, Фердинанд!.. Я – Поприщев, Гамлет!

В миниатюре оказались высмеяны попытки «критической порки» современников, не дотягивающих до критериев сатирика. В ней дано беглое впечатление от стихов Саши Черного: смеси безнадежной грусти с агрессивными нападками, низменного и высокого, характерного, по мнению автора эпиграммы, для людей с неустойчивой психикой.

Собственно говоря, Саша Черный понимал отношение к себе противников и не склонен был опровергать сложившееся у них мнение:

В литературном прейскуранте
Я занесен на скорбный лист:
«Нельзя, мол, отказать в таланте,
Но безнадежный пессимист».

«Литературный прейскурант» – понятие вполне в духе Саши Черного. Вот название его произведений или даже целых стихотворных разделов: «Вешалка дураков», «Стилизованный осел», «Литературный цех», «Пошлость», «Весна мертвецов», «Бурьян»… Кстати, в «Литературный цех» входила масса стихотворений, в которых поэт издевался над литературой текущего времени. Он не был снисходителен к творчеству коллег и клеймил их как вкупе (как авторов и последователей модных тенденций), так и по отдельности (как авторов, достигших незаслуженной известности).

Пародия на писателя А. Рославлева:

Без галстука и чина,
Настроив контрабас,
Размашистый мужчина
Взобрался на Парнас.
Как друг, облапив Феба,
Взял у него аванс

И, сочно сплюнув в небо,
Сел с музой в преферанс.

Пародия на детскую писательницу Г. Галину («Сиропчик»):

Дама, качаясь на ветке,
Пикала: «Милые детки!
Солнышко чмокнуло кустик,
Птичка оправила бюстик
И, обнимая ромашку,
Кушает манную кашку…»

Дети, в оконные рамы
Хмуро уставясь глазами,
Полны недетской печали,
Даме в молчанье внимали.
Вдруг зазвенел голосочек:
«Сколько напикала строчек?»

На писателя В. Гордина («Искусство в опасности»):

Литературного ордена
Рыцари! Встаньте, горим!
Книжка Владимира Гордина
Вышла изданьем вторым.

Отрывки из фельетона на К. Чуковского («Корней Белинский»):

…Ведь ново! Что-с? Акробатично-ново!
Затем – смешок. Стежок. Опять смешок.
И вот – плоды случайного улова –
На белых нитках пляшет сотня строк…

…Надравши «стружек» – кстати и некстати –
Потопчется еще с полсотни строк:
То выедет на английской цитате,
То с реверансом автору даст в бок…

Бессмысленные модернистские увлечения, эпатажные выходки, стремление угодить публике, присущие некоторым литераторам начала века, Саша Черный воспринимал как варианты того же обывательского поведения, характерного для пошляков.

…Я волдырь на сиденье прекрасной российской словесности,
Разрази меня гром на четыреста восемь частей!
Оголюсь и добьюсь скандалезно-всемирной известности,
И усядусь, как нищий-слепец, на распутье путей…

…Попишу животом, и ноздрей, и ногами, и пятками,
Двухкопеечным мыслям придам сумасшедший размах.
Зарифмую все это для стиля яичными смятками
И пойду по панели, пойду на бесстыжих руках…

Интерес к текущей российской литературе не пропал у Саши Черного и после его эмиграции. После революции он жил в Прибалтике, в Берлине, в Париже и осел на юге Франции. К этому времени сатира в его творчестве отошла на второй план, он стал работать больше как лирик, как прозаик, фольклорист и детский писатель. Даже псевдоним свой он изменил, превратившись в Александра Черного.

Несмотря на долгие годы, прожитые за границей, поэт не переставал следить за событиями в Советском Союзе. Однако ненависть к революционному пролетариату сохранилась, и отношение к большевикам не претерпело изменений: «никогда не забуду, никогда не прощу». Эти чувства сказались в восприятии личностей и творчества тех писателей, что остались в России и стали работать на благо советского государства. Известны его эпиграммы на самых популярных литераторов Советского Союза, написанные не то что недружественно, но с явным озлоблением.

На М. Горького:

Пролетарский буревестник,
Укатив от людоеда,
Издает в Берлине вестник

С кроткой вывеской «Беседа».
Анекдотцы, бормотанье, –
(Буревестник, знать, зачах!) –
И лояльное молчанье
О советских палачах…

На В. Маяковского:

Смесь раешника с частушкой,
Барабана с пьяной пушкой, –
Красный бард из полпивной,
Гениальный, как оглобля, –
От Нью-Йорка до Гренобля
Мажет дегтем шар земной.

На С. Есенина:

Автобиография т. Есенина

«Я советский наглый «рыжий»
С красной пробкой в голове.
Пил в Берлине, пил в Париже,
А теперь блюю в Москве».

На А. Толстого:

(«Хождения по гонорарам»)

В среду он назвал их палачами,
А в четверг, прельстившись их харчами,
Сапоги им чистил в «Накануне»*.
Служба эта не осталась втуне:
Граф, помещик и буржуй в квадрате –
Нынче издается в «Госиздате».
----

* «Накануне» – газета просоветской ориентации, издававшаяся в Берлине.

На И. Эренбурга:

Начиркав фунта два страниц
О том, что гайка выше Данта,
Он вывел в вечность всех мокриц
Рекламным слогом прейскуранта.
Увы, как стар сей анекдот:
Чиж пролетал над океаном
И, уронив в него помет,
Исчез бесследно за туманом.

На Д. Бедного:

Военный фельдшер, демагог,
Делец, упитанный и юркий,
Матросской бранью смазав слог,
Собрал крыловские окурки.
Семь лет «Демьяновой» ухой
Из красной рыбы, сплошь протухшей,
Он кормит чернь в стране глухой,
Макая в кровь язык опухший.
Достиг! Советские чины
Ему за это дали право
Носить расстрелянных штаны
И получать пайки удава.

Нельзя сказать, что эпиграммы отличались высокими поэтическими достоинствами: сатира к этому времени уже не была в приоритете у поэта. Но сам жанр эпиграммы требовал острой реакции на обстоятельства, и Черный в полной мере выполнил это требование.

Сатирик чаще всего смотрит на мир глазами скептика и в первую очередь видит минусы там, где они порой не очень заметны. Несомненно, он имеет на это право. Но такое же право имеют и те, что со стороны смотрят на творчество сатирика. К работе Саши Черного с самого начала внимательно приглядывались пародисты. Его яркие, обращающие на себя внимание произведения

не могли не вызвать их интереса. Сейчас можно говорить о целом собрании пародий на творчество Саши Черного. В него входят как сатиры дореволюционного периода, так и пародии советских авторов. Разница в их отношении к пародируемому весьма существенна. Для современников Саша Черный был одним из них и творил на общем литературном поле, что порождало к нему весьма придирчивое отношение. Советские же пародисты (как и вообще советские читатели) были лишены возможности знакомиться с его произведениями (они в Советском Союзе долго не переиздавались), естественно, и писать о нем они не могли, как и о других эмигрантах. Но даже и тогда, когда возможность такая появилась, редкие создаваемые на него пародии не могли иметь откровенно личностного отношения, как раньше. К этому времени изменилось многое: и атмосфера, царящая в обществе, и сами граждане, воспитанные новым государством, и даже понимание задач и приемов сатиры.

Вновь появляющиеся пародии акцентировали свое внимание не столько на тематике стихов Саши Черного, сколько на его поэтической манере. Они все чаще стали включаться в составы различных циклов, когда основное их внимание сосредотачивалось не на внутренних особенностях творчества, а на его внешнем отличии от манеры других авторов. Кто-то из авторов не только внимательно штудировал стихи Черного, но и умел погрузиться в его внутренний мир, а кто-то оказался знаком с его творчеством поверхностно (если не сказать – понаслышке). Если сатирики-современники порой недобро высмеивали Черного (В. Князев, И. Игнатьев, Е. Венский), то потомки всего-навсего имитировали его стиль, не пытаясь оценивать ни достижений, ни просчетов.

Стремление упомянуть о Саше Черном в пародийных циклах привело в последнее время к появлению пародий на него весьма экзотических: это и популярный «Серенький козлик» (Э. Паперная, Т. Блейхер, В. Рубанович), и выдуманные заново сюжеты «Кошки-мышки» (З. Вальшонок), «С легким паром» (М. Медведев), «НТР вчера и сегодня» (Е. Ефимовский), «Обыкновенное Лох-Несское чудо» (В. Рубанович), «Евреи» (А. Кравцов), «О перестройке» (без подписи) и др.

Стихи Саши Черного оказались настолько оригинальны, что пародистам порой оставалось лишь продолжать строчки его популярных произведений. Несколько пародий начинались, как у Черного: «Когда поэт описывает даму…», только вместо дамы подставлялось то, что было удобно пародисту: собака, стадо и т. д. Особенной популярностью пользовались строчки из стихотворения «Под сурдинку»: «Хочу отдохнуть от сатиры…» и «Посыпьте меня нафталином…». Многие перепевы появились на известный стих «Все в штанах, скроенных одинаково…». Из всего пародийного разнообразия, посвященного Саше Черному, пожалуй, только один Василий Князев сумел объединить в пародии и авторский стиль сатирика, и его позицию, и свое собственное отношение к его творчеству («У пейзан»). Он не побоялся в чрезмерно заостренной форме представить как саму работу поэта, так и ее восприятие простым народом. Не мудрствуя лукаво, он обозвал Сашу Черного «столичным манерным поэтом», а его стихи представил литературным рукоделием, абсолютно чуждым народу. Он вложил в уста поэта фразу, наполненную обидой и непониманием:

…Я пробовал дать им понятье о мире.
На солнечной лире
Бряцал неустанно…
Как странно!
Когда мои струны
Перуны метали,
Они – хохотали!..

Вообще же, среди пародий наиболее часто встречались такие, в которых просто имитировался стиль Саши Черного с его словарем, героями, настроением, ритмикой. До революции отличился Федор Благов:

Без жилетки сижу на террасе я,
Пью какао с братом-матросом.
У соседей идет катавасия –
Муж к жене пристает с допросом.

За заборчиком идут прохожие.
Как мистически странны их крики:
«Вот мозги!», «Картофей!», «Моррожено!»,
«Вот цветы – ерани, гвоздики!».

Зашел мальчуган с мартышкою.
Ах, как вкусен горячий какао!
Вон ползет калека с култышкою,
Недурно б сразиться в макао.

Идет корова с бубенчиком.
Гляжу на полное вымя!
Хорошо бы вдруг стать младенчиком,
Позабыть свою важность и имя!

Вон бродячие парни-сапожники
Приложились к бутылке с лаком.
На террасах засели картежники
И в железку играют со смаком.

Из советских пародистов то же самое неплохо удалось Матвею Медведеву (Из цикла «С легким паром!»):

Ревет сынок – побил его папаша,
Намыленный и скользкий, словно спрут.
В сторонке два задумчивых апаша
Друг другу спины беззаботно трут.
Чуть дальше три косматых павиана –
Шатен, блондин и крашеный брюнет –
Глядят сквозь щель, как бонна Марь Ивана
С себя снимает платье и корсет.
Прочтя газету, бородатый банщик
Сидит за стойкой с видом паука:
«Гучков из Думы – форменный обманщик!»
…И сырость капает слезами с потолка.

Пародии и Благова, и Медведева – чисто имитационные, юмористические, не несущие никаких сатирических или оценочных мнений. Они напоминали об оригинальном авторе с особой манерой по-своему видеть окружающее. В них подчеркивалось: Саша Черный был художником, способным мастерски создавать бытовые (но одновременно и философские) зарисовки – видимые, осязаемые, хорошо запечатляющиеся в памяти. Надо сказать, что, конечно, далеко не все имитации сумели похоже воссоздать стиль или общую манеру Саши Черного. Очень многие из них скользили по поверхности, не достигая необходимого эффекта. Не повезло авторам, разрабатывавшим тему «Жил-был у бабушки серенький козлик…». Ни классическая интерпретация Э. Паперной из «Парнаса дыбом», ни тщательно проработанная тема иронического побега из города на лоно природы у В. Рубановича, ни цитатная переделка Т. Блейхер не породили ощущения прикосновения к поэзии сатирика, несмотря на подразумеваемые параллели.

Но бывали и другие примеры. Евгений Венский, тщательно препарируя книгу Саши Черного «Сатиры», не только оснастил свою пародию цитатами из разных ее стихотворений, создав некое попурри, но еще и высмеял автора с позиций стороннего наблюдателя.

…Ай, держите! Ой-ой-ой!!
Брякнусь вниз на мостовую
Ошалелой головой.
Отбой! Отбой!..
Ай, рятуйте! Ой-ой-ой!..
Отречемся от старого мира!
И полезем гуськом под кровать!..
Это Черного Саши «Сатиры»,
Изданье Корнфельда. Цена рубль двадцать пять.

Одной из центральных тем творчества Саши Черного были взаимоотношения мужчины и женщины. Как сатирик и враг пошлости он многократно описывал их в издевательских тонах,

с брезгливой насмешкой и порой с явным отвращением. Вошедшую у модернистов моду на эротику он высмеивал постоянно:

Пришла Проблема Пола,
Румяная Фефела,
И ржет навеселе…

Любовь у Саши Черного – это соединение разнополых людей без глубоких чувств (а порой и без симпатии), примитивный бытовой контакт сексуально озабоченных обывателей. Никакой романтики в такой любви поэт не хотел видеть и относился к ней с презрением:

…Мимо шлялись пары пресных обезьян,
И почти у каждой пары был роман…

Неудивительно, что пародисты не прошли мимо любовной темы. Две пародии И. Южанина и пародия В. Рубановича были построены целиком на эротических мотивах, но сделано это поразному. У Рубановича – игриво, с немалой дозой юмора (соблазнение монстра Лох-Несским чудовищем), у Южанина – не только приземлено, но просто грубо. И если пародия Рубановича по своему строю и содержанию как бы «вытекала» из стихов Черного и даже продолжала их, то пародии Южанина во всем противостояли им. Они были построены на мотивах, почудившихся пародисту, а вовсе не присутствовавших в стихах поэта. Обе пародии базировались на стихах, не вошедших в сатирические книги Черного. Стихотворение «Оазис» было написано уже в эмиграции и содержало описание отдыха на литовской мызе с комическими деталями переедания, ленивой беседы, чтения и дремоты. Южанин переосмыслил безобидные строки Черного, навязав пародии новый поворот:

…Мы не пойдем с тобой в поля,
На ель не прыгнем росомахой:
Как паруса у корабля,
Надулось что-то под рубахой.

Не заберемся на скалу,
Как антилопы или козы, –
Мы изовьемся на полу
В невероятнейшие позы…

Как говорится, у кого что болит… Не случайным было и обращение Южанина к стиху «Устарелый». В нем эротика Черного была насквозь пронизана лукавым юмором и безгрешной чистотой. Однако в пародии ничего подобного ощутить невозможно, в ней все примитивно, обыденно, грубо и даже непародийно:

Развяжи концы платочка,
Распусти свои власа.
Проведи со мною ночку,
Обнажи-ка телеса…

Полутона стихов Черного полностью исчезли в механически составленных антиподах.

Еще одна тема для пародий, о которой нельзя не упомянуть, возникла сравнительно недавно. Современные пародисты посчитали, что поэт с фамилией Гликберг никак не мог не затронуть вопроса, связанного со своей национальностью. Так оно и было: Саша Черный писал об антисемитах, в стихотворении «Юдофобы» у него есть такие строки:

…Тогда отчего же из ста юдофобов
Полсотни мерзавцев, полсотни ослов?

Но не эти строки вдохновили пародистов. Два современных сатирика каждый по-своему затронули еврейскую тему в пародиях на Сашу Черного. Если в пародии З. Вальшонка о кошке в немецком доме (из цикла «Кошки-мышки») тема оказалась обозначена одной проходной строкой, не имевшей ни продолжения, ни развития:

…Там орали навзрыд среди мглы и безлюдья:
«Бей мышей!», а мне слышался крик: «Бей жидов!»…

то в пародии А. Кравцова из цикла «Как могли бы отразить еврейскую тему разные авторы» она препарировалась как возможный вариант стихотворения Саши Черного:

Хочу отдохнуть от сатиры,
Чем юмор, по-вашему, плох?
…Залез людоед в квартиру,
Где жил себе Меир Блох.
Но целым остался Меир,
Его пощадил каннибал,
Он был юдофоб и евреев
Не пе-ре-ва-ри-вал!

Трудно сказать, как бы отнесся Саша Черный к такому невеселому каламбуру, но он прекрасно понимал, что у сатиры свои законы, и каждый автор пишет по-своему. Важно, чтобы пародии писались и самим фактом своего существования подтверждали востребованность творчества пародируемого. Если пародисты не забывают стихи автора, жившего сто лет назад, значит, в них немало того, что перекликается с современностью. У Саши Черного в стихах все знакомо, все узнаваемо, у него можно найти строки про перестройку, про навязчивую рекламу, про засилье низкопробного чтива («сюжет из пальца, немного сальца»), про расплодившихся эстрадных пошляков, про порочный тематический круг газетных публикаций… Значит, он современен, значит, надо его читать и сверять по нему время и нравы, тенденции и природу человека.

Евгений Деменок

Ильф и Петров в стране Швейка

Тому, кто родился и вырос в Одессе, трудно избежать влияния великих одесситов. Да и зачем, собственно, его избегать? Этим влиянием лучше наслаждаться.

Илью Ильфа и Евгения Петрова великими одесситами назвать можно без сомнения, и под влияние их я попал очень быстро. Начал с того, что жил на улице их имени. Вдвойне интересно читать Ильфа и Петрова, сидя на балконе дома по улице Ильфа и Петрова. С нашего девятого этажа было видно море, в котором где-то далеко белел одинокий парус. Он напоминал мне Валентина Катаева, подкинувшего брату и другу идею романа о сокровищах, спрятанных в стуле, и затем спокойно уехавшего в Батум, никак не ожидая, что его «литературные негры» напишут гениальный роман. Ученики превзошли своего учителя.

Мне посчастливилось быть знакомым с «дочерью Ильфа и Петрова» Александрой Ильиничной Ильф. Добрая, умная и в высшей степени интеллигентная женщина, она снисходительно читала мои первые опусы и даже хвалила их, что безмерно меня радовало. Благодаря самоотверженной работе Александры Ильиничны над архивами отца мы можем сегодня познакомиться не только с полной версией двух гениальных романов, но и с не опубликованными ранее записными книжками, и увидеть настоящего Ильфа – человека, которому были присущи в том числе и слабости, и сомнения. А еще можем узнать правду о людях, которые Ильфа окружали, и о местах, в которых он побывал. Например, можем узнать о том, что неразлучные соавторы Ильф и Петров по пути во французский Гавр, где их ждал пароход «Нормандия», отправляющийся в Америку, побывали в Праге. Варшава, Прага, Вена

и Париж были остановками на пути к «Одноэтажной Америке», но в самой книге упоминания об этих остановках нет. Разве что фраза Ильфа в письме жене Марии Николаевне Тарасенко, написанном прямо на пароходе: «Ем не очень много, в меру, сплю, вообще отдыхаю после беготни по Праге и Вене. В Париже я не бегал».

Значит, по Праге бегал… Интересно, где? Ответить на этот вопрос нам как раз и помогут дневники Ильфа, из которых мы можем узнать массу любопытных подробностей.

Ведение дневника – прекрасная привычка. Илья Ильф считал это очень важным. Борис Галанов в своей книге «Илья Ильф и Евгений Петров» писал:

«Записная книжка была постоянным спутником Ильфа. Он часто говорил Петрову:

– Обязательно записывайте, – все проходит, все забывается. Я понимаю – записывать не хочется, хочется глазеть, а не записывать. Но тогда нужно заставить себя».

А вот что писал сам Ильф в своем дневнике: «Если не записывать каждый день, что видел, даже два раза в день, то все к черту вылетит из головы, никогда потом не вспомнишь».

Что же записал он о посещении Праги?

Я буду цитировать в дальнейшем «Записные книжки» Ильи Ильфа (1925-1937), составленные его дочерью Александрой Ильиничной, а пока – несколько деталей путешествия.

Собираясь в поездку, Ильф записывал нужные адреса и телефоны в разных городах и странах. В числе первых записей – адрес посольства Чехословакии в Москве: Малый Харитоньевский переулок, 10. Им с Петровым нужно было получить транзитные визы.

Путешествие началось утром 19 сентября. На следующее утро соавторы оказались в Минске, а вечером уже в Варшаве. Они были там два дня, и 22 сентября 1935 года Ильф записал: «Уезжаем на вокзал и в 5 часов 15 минут в карлсбадском вагоне уезжаем в Прагу».

Записи о посещении в Праге датированы 23 и 24-м сентября.

23 сентября Илья Ильф записал: «Мчались всю ночь с громадной быстротой, но все-таки опоздали на полчаса и в Прагу приехали в 7 часов утра. Обменяли деньги в бюро де шанж (бюро обмена валют. – **Прим. автора**), за 10 долларов дали 235 крон. Сдали чемоданы в камеру хранения, умылись и побрились (здесь

мажут холодной водой, пальцем растирают мыло по лицу и после бритья смывают мокрой губкой) и зашли в вокзальный ресторан поесть сосисок. Но сосисок нам не дали – не поняли, пили кофе с рогаликами и маслом. Из окна виден перекресток. Поразительная картина движения на работу. Апогей – без четверти восемь, без 2-х минут уже тише, а ровно в 8 улица опустела. Напротив магазин платья – детске, дамске, паньске.

Вокзал со статуей сидящего Масарика.

Утром у Туманова.

Поездка с ним.

Американский буфет.

Возвращение.

Знакомство с С. С.

Поездка к «У Шутеры».

Цеховые дворы.

Часы Апостолов.

Венеция и владычество янычар.

Синагога.

Две подписи.

Терраса в Баррандов.

Снова возвращение.

Вечер «У Флеку».

Завтра в 6.25 с вокзала Вильсона уезжаем в Вену».

«Шофер вместо полпредства повез нас в отель «Амбассад». С трудом распутали эту ошибку с помощью двух полицейских.

Приехали на Дудлевскую улицу в очень опрятный особняк и после разговора с чешкой и Касимовым попали к Туманову, с коим оказались уже знакомы по Спиридоньевке 17 (адрес московского особняка, где с 1932 года жил Максим Горький. – **Прим. автора**). Жена его – нервическая особа. Выехали на «форд-люксе» и ездили с тысячей приключений».

24 сентября, уже будучи в Вене, Ильф еще раз описывает в дневнике события вчерашнего дня:

«Прага. Вернулись в полпредство, съев сосисок в американском буфете, самом не-пражском месте Праги. Оказалось, что здесь Девяткин с женой, которых видел в Греции (осенью 1933-го и в начале 1934-го Ильф и Петров путешествовали по Европе, они

побывали в Стамбуле, Афинах, Неаполе, Риме, Венеции и Вене, а на обратном пути заехали в Варшаву. – **Прим. автора**). Коммунальные отношения по поводу уплотнения. Нас приглашает к себе Сергей Сергеевич, знакомит с женой Кларой Давыдовной (парик маркизы) и предлагает большую программу – обедать «У Шутеры», потом смотреть город, ужинать «У Флеку». Снова мы выезжаем с Дудлевской».

Сергей Сергеевич Александровский был в то время полпредом СССР в Чехословакии. Судьба его похожа на судьбы многих кадровых революционеров – несколько арестов в начале 1900-х, побег в Германию, после революции карьерный взлет – до Чехословакии он был сотрудником полпредства в Германии. В Прагу семья Александровских перебралась в июле 1933 года. Именно Сергей Сергеевич от имени Советского Союза подписал с Эдвардом Бенешем в 1935 году Советско-Чехословацкий договор о взаимной помощи. Далее – падение. В 1938-м внезапный отзыв в Москву, в «резерв» Наркоминдел. В первые дни войны Александровский пошел добровольцем на фронт, попал в плен, в немецкий концлагерь в Борисове под Минском, бежал, в 1943 году арестован и в августе 1945 года расстрелян по приговору Особого совещания при НКВД СССР как немецкий шпион. Как обычно, родные не знали ни о приговоре, ни о месте погребения мужа и отца. Революция пожирает своих детей.

Жена и сын Сергея Сергеевича в 1945 году также были приговорены к бессрочной ссылке как члены семьи изменника Родины («чесэиры»), до своей реабилитации в 1956 году они жили в Енисейске. Судьба «чесэиров» зависела от «признательных» показаний отца; но Александровский не признал свою вину даже на допросах у Берии.

Наблюдательный Ильф не преминул отметить необычную прическу Клары Давыдовны – она действительно похожа на парик маркизы. Клара Давыдовна Спиваковская была и сама необычной личностью – примадонна Венской оперы, она пела вместе с Энрико Карузо. Блестящая карьера, прекрасная семья – и затем четыре пересыльные тюрьмы, ссылка, инвалидность… Клара Давыдовна умерла в 1963 году в Москве.

А тогда, в 1935-м, все еще было хорошо. Сергей Сергеевич Александровский был настолько известной и уважаемой в Праге

Староновая синагога в Праге, куда заходили Ильф и Петров

личностью, что его даже попросили оставить автограф в книге почетных посетителей Староновой синагоги. Об этом мы можем прочесть в дневнике Ильфа – рядом с описанием красавицы-Праги:

«Тесный, красивый, романтический и очень в то же время современный город. По порядку. Мы смотрели так – цеховые дворы, часы на ратуше (золотая смерть тянет за веревку, часы бьют четыре), толпа на тротуаре напротив, пражская Венеция с моста Карла Четвертого (золотой Христос с еврейскими буквами и владычество янычар), синагога готическая, здесь Сергея Сергеевича заставили расписаться в книге почетных посетителей, его подпись шла сейчас же за подписью Ротшильда, потом поехали на Злату уличку в Далиборку, казематы вроде казематов Семибашенного замка в Стамбуле.

Раньше этого обед «У Шутеры». Моравские колбаски, жаренные на решетке, вино «Бычья кровь» в кувшинчиках по четверть литра, фроньское вино и кофе в толстых чашках.

«У Флеку»

Ужин «У Флеку» в старом монастыре. Все это очень похоже на немецкие годы импрессионизма. До этого пили кофе на террасе Баррандова. Ужасные мысли о войне.

«Ресторашка», «Зайдем в ресторашку».

Ночевали в консульстве среди металлической мебели на сверхъестественных постелях.

Уехали в Вену в 6.25 минут с вокзала Вильсона».

24 сентября Ильф записал в своем дневнике:

«Топичек – жаренный в масле и чесноке хлеб, коленка свиная, миндаль, орехи чищеные, редька, нарезанная машинкой, плацки, редиска, отдельно рыбок на зубочистках. (Вообще все называется уменьшительно: бабичка, пивочко, скляничка, хлебичка)».

Наблюдательный Ильф не мог не заметить этой действительно прелестной чешской особенности.

Так закончилась эта единственная реальная встреча великих писателей с Прагой. А до этого были встречи… литературные и экранные.

Первая литературная встреча авторов с Прагой произошла на страницах их первого романа «Двенадцать стульев». Вспомним известный эпизод с Кисой Воробьяниновым: «После недолгих уговоров Ипполит Матвеевич повез Лизу в «Прагу», образцовую столовую МСПО – «лучшее место в Москве», как говорил ему Бендер».

Остап знал толк в ресторанах. «Прага» действительно была одним из лучших мест в Москве – еще с 1902 года, когда купец Петр Тарарыкин перепрофилировал находившийся здесь трактир с тем же названием в ресторан для состоятельной публики. «Прага» тогда быстро стала одним из центров культурной жизни Москвы – здесь устраивались ежегодные «рубинштейновские обеды» в честь основателя Московской консерватории, композитора Николая Рубинштейна. В ресторане бывали Лев Толстой, Иван Бунин,

Александр Куприн. В 1913 году литературная Москва устроила в «Праге» банкет в честь приехавшего в Россию писателя Эмиля Верхарна, в том же году там чествовали Илью Ефимовича Репина – по поводу восстановления картины «Иван Грозный и сын его Иван», изрезанной ранее иконописцем Абрамом Балашовым.

После революции 1917 года ресторан у Тарарыкина, разумеется, отобрали, и в нем расположилась столовая Моссельпрома, которую по привычке продолжали называть «Прагой». Причем не только посетители, но и писатели. Помимо Ильфа с Петровым так делал, например, Маяковский, который выпускал такие «Листовки для столовой Моссельпрома, бывшая «Прага»:

1

Каждому нужно
обедать и ужинать.
Где?
Нигде кроме
как в «Моссельпроме».

2

В других столовых
люди – тени.
Лишь в «Моссельпроме»
сытен кус.
Там –
и на кухне
и на сцене
здоровый обнаружен вкус.
Там пиво светло,
блюда полны,
там –
лишь пробьет обеда час –
вскипают вдохновенья волны,
по площади Арбатской мчась.
Там –
на неведомых дорожках
следы невиданных зверей,

там все писатели
на ножках
стоят,
дежуря у дверей.
Там чудеса,
там Родов бродит,
Есенин на заре сидит,
и сообща они находят
приют, и ужин, и кредит.
Там пылом выспренним охвачен,
грозясь Лелевичу-врагу,
пред представителем рабфачьим
Пильняк внедряется
в рагу…
Поэт, художник или трагик,
забудь о днях тяжелых бед.
У «Моссельпрома»,
в бывшей «Праге»,
тебе готовится обед.

3

Где провести сегодня вечер?
Где назначить с приятелем встречу?
Решенья вопросов
не может быть проще:
«Все дороги ведут…»
на Арбатскую площадь.
Здоровье и радость –
высшие блага –
в столовой «Моссельпрома»
(бывшая «Прага»).
Там весело, чисто,
светло, уютно,
обеды вкусны,
пиво не мутно.
Там люди
различных фронтов искусств

вдруг обнаруживают
общий вкус.
Враги
друг на друга смотрят ласково –
от Мейерхольда
до Станиславского.
Там,
если придется рядом сесть,
Маяковский Толстого
не станет есть.
А оба
заказывают бефстроганов
(не тронув Петра Семеныча Когана).
Глядя на это с усмешкой, –
и ты там
весь проникаешься аппетитом.
А видя,
как мал поразительно счет,
требуешь пищи
еще и еще.
Все, кто здоров,
весел
и ловок,
не посещают других столовок.
Черта ли с пищей
возиться дома,
если дешевле
у «Моссельпрома»…

Спасибо Владимиру Владимировичу – благодаря этим стихам-агиткам мы видим, что и после революции «Прага» была местом встреч интеллигенции. А о том, что убранство ее осталось таким же роскошным, мы можем прочесть у Ильфа и Петрова:

«Прага» поразила Лизу обилием зеркал, света и цветочных горшков. Лизе это было простительно: она никогда еще не посещала больших образцово-показательных ресторанов. Но зеркальный зал совсем неожиданно поразил и Ипполита Матве-

евича. Он отстал, забыл ресторанный уклад. Теперь ему было положительно стыдно за свои баронские сапоги с квадратными носами, штучные довоенные брюки и лунный жилет, осыпанный серебряной звездой.

Оба смутились и замерли на виду у всей довольно разношерстной публики.

– Пройдемте туда, в угол,– предложил Воробьянинов, хотя у самой эстрады, где оркестр выпиливал дежурное попурри из «Баядерки», были свободные столики».

В 30-е тихий прежде Арбат стал одной из главных улиц Москвы, и столовая была перепрофилирована под обслуживание сотрудников НКВД, в том числе охранников Сталина. В 1954 году после капитального ремонта с участием чешских специалистов ресторан «Прага» был вновь открыт для публики и несколько десятилетий он был одним из самых престижных ресторанов Москвы. В его девяти роскошных залах часто проводились дипломатические приемы. С распадом СССР он стал переходить из рук в руки, что неизбежно отразилось на качестве обслуживания. Работает «Прага» и сегодня – правда, в усеченном режиме.

Вторая литературная встреча с Прагой случилась у Ильфа и Петрова на страницах второго романа. Удивительное постоянство, не правда ли? Вернее, встреча эта случилась не у самих авторов двух легендарных романов, а у их… персонажа. Реального персонажа. Единственного настоящего сына лейтенанта Шмидта. Именно в Прагу попал из Галлиполи в 1921 году Евгений Петрович Шмидт-Очаковский. Ирония судьбы – единственный сын «красного адмирала» стал активным участником белого движения. Более того – крейсер «Очаков», переименованный сначала в «Кагул», а затем, в сентябре 1919-го, получивший название «Генерал Корнилов», принял перед этим самое деятельное и во многом решающее участие в высадке десанта Вооруженных сил Юга России в Одессе и освобождении города от большевиков.

А начиналось все совершенно иначе. Узнав о том, что отец возглавил восстание на мятежном «Очакове», шестнадцатилетний Евгений Шмидт немедленно прибыл на крейсер и присоединился к отцу. Когда «Очаков» был расстрелян и начал тонуть, Евгений вместе с отцом бросился за борт и спасся на миноносце № 270.

Такое единство отца и сына неудивительно – Петр Петрович Шмидт после развода с женой воспитывал сына самостоятельно и, несмотря на сложный и конфликтный характер, отцом был хорошим. Евгений был арестован, но как несовершеннолетний не был приговорен к наказанию. Уже в Праге он написал книгу воспоминаний об отце под названием «Лейтенант Шмидт («Красный адмирал»)». Она вышла в 1926 году в пражском издательстве «Пламя» и была переиздана в Одессе в 2006 году. В конце одесского издания – краткая биография Евгения Шмидта (вторую половину он добавил к фамилии в 1914 году). Привожу ее с небольшими коррективами. Евгений Петрович Шмидт родился в 1889 году, с трех до пяти лет жил в Санкт-Петербурге, затем с 1894 до декабря 1898 года – во Владивостоке и в Нагасаки. В августе 1900 года Евгений Шмидт поступил в 1-й класс реального училища Святого Павла в Одессе. В 1905 году отец и сын Шмидты перебираются в Севастополь, где Евгений учится в Константиновском реальном училище. После расстрела отца жил в Одессе и Керчи, затем переехал в Санкт-Петербург, где учился в технологическом институте, но война помешала ему получить высшее образование. Евгения призывают на военную службу, он оканчивает школу прапорщиков инженерных войск и получает звание прапорщика саперных войск. В 1917 Евгений Шмидт присутствует на церемонии перезахоронения останков отца в Севастополе, затем воюет в Крыму на стороне Врангеля. После эвакуации с полуострова – обычный путь офицера-эмигранта. Галлиполи, затем Прага, где благодаря Русской акции помощи Чехословацкого правительства он смог завершить высшее образование в Высшей технической школе. Евгений Петрович Очаковский-Шмидт состоял в Галлиполийском землячестве в Праге и в Обществе русских, окончивших вузы в Чехословакии.

Как мы видим, Бендер совершенно не подготовился ко встрече с председателем арбатовского исполкома – он не только не смог назвать имени знаменитого отца, но и не догадывался о настоящем имени сына лейтенанта Шмидта и о том, что сын был с отцом на мятежном крейсере. Да и сам предисполкома не был силен в истории:

«– Скажите, а вы-то сами помните восстание на броненосце «Очаков»?

– Смутно, смутно, – ответил посетитель. – В то героическое время я был еще крайне мал. Я был дитя.

– Простите, а как ваше имя?

– Николай… Николай Шмидт.

– А по батюшке?

– Да-а, – протянул он, уклоняясь от прямого ответа, – теперь многие не знают имен героев. Угар нэпа. Нет того энтузиазма. Я, собственно, попал к вам в город совершенно случайно. Дорожная неприятность. Остался без копейки…

Председатель очень обрадовался перемене разговора. Ему показалось позорным то, что он забыл имя очаковского героя».

Да что там Бендер с председателем… Вот фрагмент из книги Евгения Шмидта, где он вспоминает дни заключения сразу после их с отцом ареста:

«Большинство офицеров было в полном походном снаряжении, а их возбужденные лица еще носили следы пережитых ночных волнений и боевого задора. Меня они совершенно не замечали, настолько не замечали, что когда, после долгих и мучительных колебаний, я попросил папиросу у одного пожилого капитана, самого добродушного на вид (мы с отцом сильно страдали из-за отсутствия табаку), он, с готовностью раскрыв портсигар, впервые обратил на меня благосклонное внимание и недоумевающе спросил, глядя на мою матросскую куртку:

– А ты, малый, как сюда попал? Ты кто?

– Я сын лейтенанта Шмидта и арестован вместе с отцом, – ответил я с гордостью.

– Что ты, голубчик, у Шмидта никогда не было детей, я его хорошо знаю, – небрежно отозвался незнакомый капитан.

Я вытаращил глаза.

– Позвольте, господин капитан, – начал я, не приходя в себя от изумления, я…

Но капитан уже не слушал меня и, повернувшись к сослуживцам, продолжал свой рассказ».

Прошло двадцать лет, и вся Россия узнала о «сыне лейтенанта Шмидта». Даже не о сыне – сыновьях. Их стало много. Слишком много. У «красного адмирала» появились даже «дочери». Все они ездили по бескрайним советским просторам и выманивали деньги

у доверчивых чиновников. Наивность некоторых бюрократов Ильф высмеивал со страниц юмористического журнала «Чудак». Например, в самом первом номере журнала за 1928 год опубликован его фельетон «Холостой мальчик», в котором рассказывается о четырнадцатилетнем аферисте, который, выдавая себя за детского корреспондента «Пионерской правды», сначала получил во ВЦИКе бесплатный проездной на трамвай, а затем в ВСНХ вообще легковой автомобиль на несколько дней – якобы для того, чтобы показать город немецким пионерам. Мальчик умудрился даже взять во ВЦИКе с неизвестного гражданина три рубля за то, что пропустил его на прием без очереди. Сразу вспоминается «реконструкция Провала» из «Двенадцати стульев». Видимо, таких случаев было в то время так много, что Ильф и Петров решили описать подобных «деятелей» в романе «Великий комбинатор», ставший впоследствии «Золотым теленком», над которым они как раз начали в то время работать.

Два вопроса, которые неизбежно возникают при погружении в эту историю, – почему Ильф и Петров выбрали в качестве персонажа именно сына, а точнее – сыновей лейтенанта Шмидта, и знал ли сам Евгений Шмидт о «сухаревской конвенции» и Балаганове с Паниковским?

Поиски ответов на них не менее увлекательны, чем разгадка запутанной детективной истории. И вправду – как можно было насмехаться над героем революции 1905 года, имя которого вознесли на пьедестал не только победившие «красные», но вначале, после Февральской революции, Александр Керенский и адмирал Колчак, которые перенесли его останки с острова Березань в Севастополь и торжественно перезахоронили еще весной 1917 года, возложив на могильную плиту Шмидта офицерский Георгиевский крест? В советское время это могло быть попросту опасным.

Ответ прост. В советском правительстве прекрасно знали о том, что сын героя первой революции выбрал иной путь и вовсе не симпатизирует большевикам. Настолько не симпатизирует, что против них воевал. Небольшой фрагмент из книги об отце красноречиво характеризует его отношение к советской власти: «Теперь, через 20 лет после экспериментов советских извергов и голодного галлиполийского «пайка», подобное меню показалось бы мне райским блаженством, но тогда, в 1905 году, оно не могло не возмутить нас

обоих». Евгений Шмидт вспоминает тут о случае, когда им с отцом – уже арестованным – принесли вместо офицерского солдатский паек.

Белым эмигрантом стал и сводный брат лейтенанта – Владимир Петрович Шмитт – капитан 1-го ранга, гидрограф и океанограф, преподаватель Колумбийского университета. С 1925 года проживал в США и являлся активным членом Общества бывших русских морских офицеров в Америке.

Наверное, именно по этой причине настоящее имя сына лейтенанта Шмидта не было известно в Советском Союзе. Информацию о нем просто «закрыли», а шутить о нем можно было безбоязненно.

Знал ли Евгений Очаковский-Шмидт о том, что его имя стало вдруг невиданно популярным на родине? Вполне мог знать. Безусловно, встретиться с ним в Париже Ильф и Петров никак не могли – это было слишком рискованно. Встречи с белоэмигрантами не входили в планы несколько раз побывавших в Париже соавторов. А вот прочесть роман сын лейтенанта Шмидта мог – в 1930 году он переезжает из Праги в Париж, а с мая 1931 года парижский журнал «Сатирикон», редактором и издателем которого был Михаил Корнфельд, начинает публиковать роман «Золотой теленок» – одновременно с его публикацией в советском ежемесячнике «Тридцать дней». В «Сатириконе» были опубликованы первые четырнадцать глав.

Обидела ли его эта слава, или, наоборот, он обрадовался возрождению хотя бы в таком виде памяти об отце, которого горячо любил, мы уже не узнаем. Евгений Шмидт вел замкнутый образ жизни и так и не стал своим в кругу эмигрантов – для «белых» он был слишком «красным», для «красных» – слишком «белым». В Париж он перебрался именно из-за конфликтов с пражскими эмигрантскими кругами. Нуждался, брался за любую работу, жил в одиночестве. Последние годы он провел в приюте «Маленькие сестры бедных» на улице Сен-Жак. Евгений Петрович Шмидт-Очаковский умер 25 декабря 1951 года и похоронен в общей могиле. Место его захоронения неизвестно.

Две экранные встречи Ильфа, Петрова и Праги были гораздо более оптимистичными. Более того – самая первая экранизация «Двенадцати стульев» была именно чехословацко-польским проектом. Вышедший в 1933 году одноименный фильм был снят

чешским режиссером Мартином Фричем и польским режиссером Михалом Вашиньским, а роль Кисы Воробьянинова сыграл известный чешский актер, директор Театра комедии Власта Буриан. Роль Остапа Бендера (в фильме это антиквар Камил Клепка) сыграл польский актер Адольф Дымша, а весь сценарий был адаптирован под европейские реалии – чехи и поляки не поняли бы тогда, что такое экспроприация имущества. Сюжет был таким. Пражский парикмахер Фердинанд Шуплатко получает письмо, в котором сообщается, что умершая в Варшаве тетушка оставила ему огромное наследство. Он бросает все и уезжает в Польшу, по дороге истратившись в пух и прах. Но… в пустом доме он находит только двенадцать старых стульев, которые недолго думая сдает в антикварный магазин. Той же ночью Фердинанд находит записку от тетушки, в которой говорится, что сто тысяч долларов спрятаны ею в одном из стульев. Он бросается к антиквару, но уже поздно – стулья распроданы поштучно. Фердинанд рассказывает антиквару о спрятанном сокровище, они решают действовать совместно и отправляются на поиски стульев. Увы, безуспешно – главный стул попал в детский приют, и найденные в нем деньги пошли в пользу сирот как вклад анонимного жертвователя.

Ильф и Петров знали об экранизации – во время своего первого визита в Варшаву в январе 1934 года они присутствовали на показе фильма; после сеанса их неоднократно вызывали на сцену. Авторы встретились тогда с Адольфом Дымшей – он рассказал об этой встрече в своем интервью «Литературной газете» в 1960 году.

Роман «Золотой теленок» был экранизирован в Чехословакии в 1970 году – через два года после самой первой, канонической советской экранизации с Сергеем Юрским в главной роли. В чехословацком прокате фильм вышел под названием «Командовать парадом буду я», режиссером фильма стал Ярослав Мах. Действие было перенесено в шестидесятые, Остап стал шофером и сменил имя на Фолька, а Корейко получил имя Альфонс Дртилек. И хотя все герои получили чешские имена, сюжет адаптировать уже не пришлось – к тому моменту чехи на собственном опыте узнали о «прелестях» социализма.

Вообще, история экранизаций романов Ильфа и Петрова в достаточной степени курьезна. После чешско-польской экра-

низации «Двенадцати стульев» фильмы по роману были сняты в Германии (1938 (!) год), Бразилии (1957), на Кубе (1962) и только после этого в СССР (1966). Роман был экранизирован в США, Германии, Австрии и даже в Иране. «Золотой теленок» был в первый раз экранизирован в 1968 году – через тридцать семь лет после выхода романа. После СССР фильмы по роману были сняты в Чехословакии и Венгрии. Почему же быстро ставшие классическими романы были экранизированы в Советском Союзе с таким опозданием? Они ведь и сегодня кажутся многим очень «советскими» и «идеологически выдержанными». Отчего же такая задержка?

На самом деле Ильф и Петров ходили по тонкому льду.

«Ильф и Петров, два необычайно одаренных писателя, решили, что если взять в герои проходимца авантюрной складки, то что бы они ни написали о его похождениях, критиковать их с политической точки зрения все равно будет невозможно…

В итоге Ильф с Петровым, Зощенко и Олеша ухитрились опубликовать несколько безупречных по качеству литературных произведений, пользуясь этим принципом, давшим им полную независимость, поскольку их персонажи, сюжеты и темы не подлежали политической трактовке. До начала тридцатых это им сходило с рук», – сказал Владимир Набоков в 1966 году в интервью Альфреду Аппелю.

До начала тридцатых… Опубликованный в 1928 году и моментально ставший популярным роман «Двенадцать стульев» серьезная критика впервые заметила… через год. Это молчание объясняется просто – менялась политическая конъюнктура, и роман не вписывался в нее. Более того, первые рецензии в газете «Вечерняя Москва» и журнале «Книга и профсоюзы» были откровенно разгромными. Эти рецензии и молчание критиков крупных столичных литературных журналов – «Красной нови», «Октября», «Нового мира», при всем при том, что книга мгновенно разошлась на цитаты, были настолько оглушающими, что подвигли Осипа Мандельштама и Юрия Олешу заступиться за авторов. Помимо политической конъюнктуры (борьба с Троцким, Бухариным и т. д.) немалое влияние на такую странную реакцию критики оказало и увольнение со всех постов друга и покровителя авторов Владимира Нарбута – именно он был главным редактором журнала

«30 дней» и издательства «Земля и фабрика», в которых был напечатан роман. Наконец, 17 июня 1929 года в «Литературной газете» была опубликована статья Андрея Тарасенкова «Книга, о которой не пишут», которая начиналась фразой: «Коллективный роман Ильфа и Петрова, как правильно отметил Ю. Олеша в своей недавней анкете в «Вечерней Москве», незаслуженно замолчан критикой». По сути, эта статья стала официальной «справкой о благонадежности» для книги. Что сыграло свою роль в таком резком изменении отношения к роману – то, что после опального Нарбута авторы нашли себе покровителя в лице стремительно набирающего авторитет Михаила Кольцова, благожелательный отклик Бухарина, который сам вскоре попадет в опалу, очередное изменение конъюнктуры? Пожалуй, все это вместе. Но несмотря на последующие хвалебные отзывы, советские власти так и не приняли роман до конца. История его экранизаций – лишнее тому подтверждение. Похожая реакция ожидала и «Золотого теленка» – Главлит отказался печатать роман отдельной книгой, Александр Фадеев, а вслед за ним критики разгромили авторов, и лишь после вмешательства Горького и Луначарского роман удалось напечатать.

Пожалуй, именно зарубежные экранизации обоих романов поставили точку в споре о том, «советские» ли они. Именно адаптации сюжетов под реалии совершенно разных стран подтвердили, что «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок» – классические плутовские романы, продолжившие в XX веке многовековые традиции этого жанра.

Проходят столетия, меняется название страны и общественный строй, но Прага всегда прекрасна, а традиции ее неизменны. Я читал «Двенадцать стульев» в Одессе, в квартире на улице Ильфа и Петрова. Самое время перечитать «Золотого теленка» на улице Кременцовой в Праге, в пивоварне «У Флеку», где ужинали Ильф и Петров, и где свое собственное пиво варят вот уже пятьсот лет.

Людмила Сауленко

Прозрение

У великого римского поэта Вергилия есть поразительный эпизод. Мимо героя поэмы Энея в толпе проходит женщина. Вдруг он неожиданно для себя оборачивается и видит, как она скрывается в толпе. Скрывается навсегда. И только в тот миг он понимает: это была Венера, его мать, которую он искал всю жизнь.

Эпизод из поэмы античного автора давно стал метафорой человеческого прозрения. Мы осознаем истинное значение людей, с которыми свела нас судьба, только после их утраты. Отношение к Валерию Гегамяну – пример тому. Его творчество по-настоящему вошло в культурное сознание нашего города буквально в последние годы. Точнее, еще не совсем вошло, а лишь входит. Недавно вышедший альбом репродукций – еще один шаг на пути постижения искусства художника.

Но художников здесь два: живописец В. Гегамян и скульптор А. Гегамян, отец и сын. Две творческие индивидуальности, генетически принадлежащие армянской культуре, существующие в пространстве современной культуры Украины.

Гегамян Валерий (Валик) Арутюнович родился в 1925 году в Армении. Учился в Ереванском художественном училище, сблизился с Мартиросом Сарьяном, который стал наставником и покровителем юноши. По его совету переехал в Москву, где работал как художник-монументалист, затем в Биробиджане и Махачкале как преподаватель. С 1962 года жил в Одессе, где в 1964 году создал и возглавил художественно-графический факультет Одесского педагогического института им. Ушинского (ныне – Южноукраинский педагогический университет). Бессменным деканом

худграфа В. Гегамян проработал до 1980 года. И после выхода на пенсию всецело отдался творчеству. Валерия Арутюновича не стало в 2000 году.

Из-за трагической случайности значительная часть творческого наследия художника была безвозвратно утрачена. Поэтому такой интерес вызывают выставки его чудом уцелевших работ. Это завещание мастера и учителя, каким он стал для многих художников нашего города и остался в их благодарной памяти.

Александр Валикович Гегамян (Тер-Мелик Сициан) – сын В. Гегамяна, архитектор и скульптор. Он восстановил древнюю родовую фамилию деда – артиста, расстрелянного в 1937 году, сделав ее своим творческим именем. Александр родился в 1963 году, получил образование архитектора в Ереванском политехническом институте, а затем окончил скульптурное отделение Тбилисской академии художеств, где его наставником был выдающийся грузинский скульптор Мераб Бердзенишвили. Живет и работает в Одессе. Автор архитектурных проектов, станковых и декоративных скульптур. Много внимания уделяет заботам о творческом наследии отца.

Центральное место в искусстве В.А. Гегамяна занимала тема национальной трагедии армянского народа. Монументальный диптих «Кровавая свадьба», эскизы к которому репродуцированы в альбоме, мыслился автором двояко. Это одновременно и исторически реальный эпизод насильственной ассимиляции армян во время геноцида 1915 года, и символическое обобщение трагедии уничтожаемого рода, апокалипсис рода человеческого. «В Апокалипсисе Гегамяна почти не видно неба, – писала об этом произведении доктор искусствоведения Ольга Тарасенко. – Фигура окаменевшей в горе, раскинувшей в немом вопросе руки матери подобна горе. Она архитектонична. Склонившийся над плугом отец – подножье горы. <...> Огромно зло. Титанично противостояние ему художника».

Два варианта фигуры армянской невесты – два разных подхода к решению темы. В одном фигура девушки уподоблена каменной глыбе, и яркие краски, краски солнца и живой крови (желтый, оранжевый, красный) парадоксально усиливают этот мотив окаменелости. Опущены глаза – взгляд устремлен в себя, сомкнуты

и спрятаны руки, укутаны покрывалом голова и шея. Невеста словно одета камнем, раскаленным огнем ненависти. Другой вариант фигуры невесты сохраняет связь с архаической традицией женских фигур, «палеолитическими Венерами» с их подчеркнутой витальной силой. Но цикл жизнепорождения прерван. На чреве женщины – неподвижный замок жеста рук. Оттуда, из глубины, из утробы, подымается лишь ужас, выливающийся из ее глаз, – ужас перед будущим зачатием и рождением. Извечная женская функция продолжения рода превращается в акт уничтожения. У мужчин эта функция отнята. Жених-армянин и отец невесты кастрированы, то есть уничтожены дважды: как носители семени и как живые люди.

Каким предстает сегодня художник Гегамян? В первую очередь, безусловно, он мастер монументального видения. Даже характер живописного мазка у него нередко имитирует мозаичную кладку (см. панно «Гуцулы»). Мозаика тверда, как камень. И люди гор, запечатленные здесь, – люди-камни, частица мира этих гор, воплощение спокойной силы, рожденной едино укорененностью в своей земле.

Приступая к изображению человеческой фигуры, итальянские художники эпохи Возрождения сначала рисовали ее обнаженной, а уж потом на том же листе «одевали». Так исключались малейшие неточности в конструктивном построении человеческого тела. По сути, В. Гегамян придерживается того же принципа. Он строит человеческую фигуру из глубины, начиная с несущей конструкции скелета и наращивая на нем мышцы. Такова «Балерина». Вопреки традиции, это не трепетное виденье в белоснежной пачке, а конструкция, состоящая из мощных канатов мышц на упругой основе костяка. Удивительна перекличка со строкой поэта:

И пробует волю твою на зубок
Холодный расчет балерины.

Одну из самых сильных сторон Гегамяна-живописца составляет взаимодействие фигуры с фоном в пространстве картины. Картинное пространство В.А. Гегамяна – особая тема. Вдумаемся:

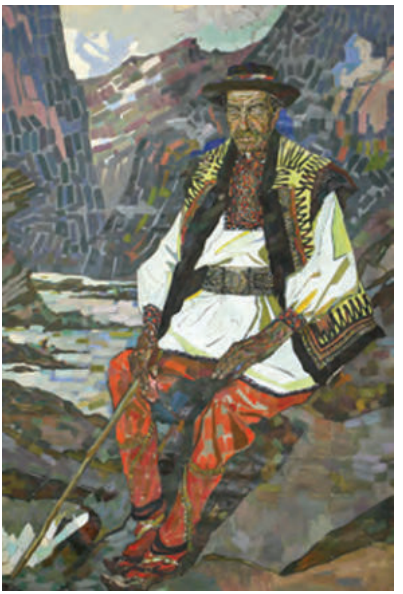
В. Гегамян. Портрет женщины. 70-е гг.

ведь пространство по своей природе условно. Где верх или низ у Вселенной? Художник способен прочувствовать эту условность, способен выйти в другое пространство, не привязанное к бытовым координатам. Поэтому в живописных панно Гегамяна не разделены фигура и фон, их взаимоотношения строятся принципиально по-иному. В чем-то он здесь перекликается с Врубелем. Эти аллюзии несомненны. Наверное, уместно вспомнить замечание выдающегося искусствоведа и поэта Владимира Шилейко: «Область совпадений в искусстве столь же огромна, как и область подражаний и заимствований. Но что совпадает и с чем совпадает – вот что существенно».

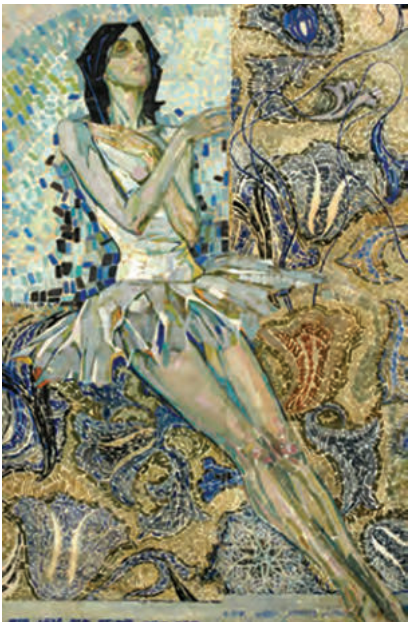
Врубелевской хочется назвать «глыбистость» его графики, когда лицо становится сравнимым с горным пейзажем. Гегамян буквально вскрывает геологические пласты человеческого лица. Непреложность же его пейзажа как пластического итога, как завершенного творения высших сил составляет, думается, основной аргумент мастера в диалоге человека с природой.

Натюрморт часто называют беседой живописца с натурой. Но у Гегамяна натюрморт скорее беседа художника с собой через натуру. Натюрморт превращается во внутренний автопортрет. (Кстати сказать, автопортретов художник не писал, и этот факт подтверждает скрытую портретность его натюрмортов.) Вообще, качество портретности присуще, кажется, всем жанрам, в которых работал мастер. В самих же портретах, как и во внепортретных изображениях людей, его притягивала возможность поиска индивидуальной формулы лица. Творческую лабораторию мастера в этом плане приоткрывают сохра-

нившиеся эскизы к «Кровавой свадьбе», где запечатлен процесс такого поиска.

Удивительный художник! Погружаясь в его творчество, начинаешь догадываться о чем-то бесконечно важном. Может быть, это потенциальная равновеликость всего в мире: гор, людей, предметов, равнозначимость лиц людей и лика Вселенной?.. Он думал об этом, потому что жил особой жизнью. А теперь своей жизнью живут его картины. Живут среди нас.

Нередко приходится слышать, что на детях талантливых родителей природа отдыхает. На сыне Валика Гегамяна она отдыхать не захотела, наделив его многогранной одаренностью в разных сферах. Блестящие лингвистические способности, актерские задатки (мальчик успешно учился в театральном лицее) и, конечно же, художественные гены. Они и определили судьбу Александра (Сандро) Гегамяна.

«У тебя дух скульптурный!» – сказал когда-то ему, тогда молодому архитектору, легендарный грузинский скульптор Мераб Бердзенишвили.

Учеба у Бердзенишвили сформировала творческую индивидуальность Сандро. Присущее архитектуре ощущение изначальной конструктивности формы соединилось у него с пониманием формы как рождающей стихии. Есть техническое выражение «несущая конструкция». В его работах конструкция формопорождающая. Очень интересны в этом аспекте графические эскизы, приоткрывающие «скульптурную кухню» и одновременно обладающие собственной художественной значимостью. Один из самых удачных листов – «Архитектура». Здесь в основе решения лежит сознательное уподобление фигуры несущей конструкции. Ведь древнегреческая пластика восходит к столбам-ксоанам, где намечались абрисы фигуры и работали ее конструктивные членения. Отсюда прямой путь к кариатидам (корам) – женским фигурам, несущим на себе балки перекрытия. Они воплощают взаимодействие двух сил: давящей тяжести потолка и легкости несущей их опоры, то есть силы, устремленной ввысь. Гениально ощутил эту взаимосвязь Мандельштам, сказавший: «Сестры тяжесть и нежность, одинаковы ваши приметы…».

Скульптурный образ потенциально подвижен. Пульсирует, набухает движением «Вакханка» Гегамяна – так формотворящий вулкан выталкивает в пространство кипящую магму плоти. Почти укрощена эта пульсация в торсе «Архаика». В портретах же форма как бы свершилась – отсюда и присущая им некая отстраненность. Даже когда скульптор оставляет на поверхности следы обработки материала (как, например, в «Горце»), этот прием только подчеркивает пластическую итоговость вещи.

Женские образы скульптора изысканны, спокойны и самодостаточны. Эти головы на точеных шеях не нуждаются в плечах, туловищах, конечностях. Их красота – красота завершенности. Человеческое тело в концепции автора мыслится наделенным некоей избыточной выразительностью. Поэтому было бы кощунственным повторять его целиком, соревнуясь с природой, ибо всякое творение ее пластически завершено и потому совершенно.

Как близки слова «завершилось» и «свершилось»! Картина или скульптура завершена – и произведение свершилось. Издательский проект – тоже произведение. Все, кто имеет к нему отношение, надеются на его успешность, а именно: что альбом репродукций станет важным шагом на пути художников к зрителю.

От редакции: Статья Л.Л. Сауленко была написана для альбома репродукций Валерия и Александра Гегамянов. Узнав, что во Всемирном клубе одесситов готовится выставка живописи его отца из собрания МСИО и коллекции Евгения Деменка, Александр 9 сентября, за день до открытия выставки, пришел в клуб, принес эту статью и попросил, чтобы именно ее опубликовали в связи с выставкой. Ничто не предвещало, что через несколько дней Александра не станет.

Феликс Кохрихт

Быть или слыть?

Заметки после премьеры спектакля «Гамлет» в одесском ТЮЗе

Вопрос, который уже четыре с лишним столетия задает себе и нам герой пьесы Вильяма Шекспира, разумеется, звучит иначе: «Быть или не быть?». Казалось бы, проблема относится к тем, которые принято называть вечными. И это так, если рассуждать о высоком в академическом кругу... Но за прошедшее время многое переменилось и, рискну предположить, что в последние десятилетия в обыденном сознании он звучит иначе: «Быть или слыть?», «Быть или казаться?», «Быть или иметь?».

Вторая концептуальная фраза – инвектива Гамлета: «Прервалась связь времен». В XVII столетии Шекспир устами своего героя

грустит о том, как изменились приоритеты с XII века, когда появилась первая версия истории о принце датском Амлете, превращенная Шекспиром в великое произведение мировой литературы. Драматург, живший в Англии королевы Елизаветы, сокрушался по поводу падения нравов в семье и обществе…

В наше время главного героя играли как романтического идеалиста, жившего вдали от двора и штудировавшего науки в зарубежном университете, может быть, и представлявшего себя в будущем королем, но больше думавшего о возвышенном, чем о земном. Страстный и мятущийся сирота – мститель просыпается в нем в результате трагических потрясений.

Классический Гамлет взыскует правды вовсе не в борьбе за корону, а желая отомстить негодяю, убившему отца и совратившему мать, а также пытаясь понять, кто же он. Тут можно вспомнить Достоевского, но это – тема иного разговора.

Такого Гамлета играли столетиями великие, хорошие и всякие актеры. Мое поколение помнит Самойлова и Марцевича, Козакова и Рецептера,

разумеется, и Высоцкого, но это был скорее московский бунтарь Владимир, чем принц датский… И все же Гамлетом для нас был и для многих остается Смоктуновский в фильме Козинцева.

Знаменательно, что и другой культовый режиссер – Рязанов – видел в своем благородном угонщике автомобилей не отважного разбойника Робина Гуда, а тишайшего служащего Деточкина – опять же в исполнении Смоктуновского. Сцена его дуэли с персонажем Ефремова, повторяющая финал шекспировской трагедии, – блестящая аллюзия и находка.

Вспомним, за что боролись герои трагедий Шекспира, принадлежавшие к сильным мира сего – к династиям и кланам. В отличие от романтических Отелло и Ромео – не за любовь, а за власть. И Ричард III, и Макбет, и Цезарь, и, разумеется, коварный

дядя принца братоубийца Гамлет-2 предлагали (образно говоря) полцарства за коня, который привез бы их к трону, а уж потом добивались, как поется в старой пиратской песне, и женщин, и вина.

Вернусь к тезису о смене вех и приоритетов в общественном и индивидуальном сознании происшедшей с человечеством, с нами за последнее время. Общество потребления в глобализованном мире – это корявое сочетание слов по крайней мере поможет мне определить среду, в которой живет Гамлет XXI века, а именно он и есть герой спектакля, недавно поставленного Светланой Свирко в нашем ТЮЗе. Это уже третья масштабная работа главного режиссера в театре, хотя и со славной историей, но раннее, по крайней мере на моей памяти, не решавшего столь сложных задач. И главная из них – суметь сделать классику если не совсем уж понятной, то притягательной и интересной для самого трудного контингента своих зрителей – старшеклассников и студентов.

Я уже писал о том, что, увидев у театра в вечер премьеры большое количество юношей и девушек, мы несколько приуныли: на нашей памяти были и смешки, и громкие реплики, и пустею-

щие залы в ТЮЗах и не только. На коллективных посещениях спектаклей по классической драматургии молодые зрители зачастую чувствуют себя чужими, и ими овладевает досада. Тем более если на сцене «Гамлет» с его запутанной интригой, резонирующим героем, высокопарными монологами и рискованными любовными коллизиями…

Две пары: новоиспеченный король-братоубийца и потерявшая голову от греховной страсти королева-вдова, вогнавший себя в невроз мести принц и девушка, раздираемая естественным желанием быть любимой и отчаянием оттого, что слова и мысли суженого волнующи, темны, невнятны. Их любовные дуэты – полные как откровенной страсти, так и сдержанной, но прорывающейся чувственности, – вызывают у молодой аудитории и любопытство, и смущение, и желание произвести впечатление на противоположный – прелестный или сильный пол…

Нелегко приходится актерам ТЮЗа в этих, да и не только сценах.

«Гамлет» – история, в общем-то, жестокая, даже брутальная: кровь, похоть, инцест, измены, подлые убийства, призраки, непо-

гребенные останки, яды, удары из-за угла… Практически все основные персонажи погибают… На моей памяти все эти ужасы, естественные для стилистики и эстетики площадного театра, каковым и был шекспировский «Глобус», на отечественных, да и на многих зарубежных сценах микшировались. Тот же Смоктуновский выглядел безупречным – недосягаемым примером для подражания. Но если лет 30 назад такой герой еще мог увлечь юных зрителей, воспитанных на лучших образцах мировой и отечественной классики, то нынче тренд (вот и термин) сменился.

До прихода в ТЮЗ на спектакль «Гамлет» по пьесе Шекспира нынешние молодые люди повидали много всякого и разного – и в Интернете, и в кинотеатрах с 3D, и в личной жизни… И гениальная музыка Шостаковича к одноименному фильму их не увлечет, и актер в костюме а-ля принц датский вызовет скуку…

Светлана Свирко и художник-постановщик Дарья Мухина (Санкт-Петербург) создали на сцене нашего театра ситуацию, которая смогла привлечь не формальное, а заинтересованное внимание молодых зри-

телей. Признаюсь: в этот вечер великая, но и виденная столько раз театральная история предстала как бы заново перед автором этих строк и его сверстниками, с которыми мы делились впечатлениями от премьеры. Создатели спектакля если и адаптировали текст трагедии, то незначительно: они не превратили пьесу в дайджест или комикс. Они осовременили ее. Скажут: подумаешь, новаторы – полвека назад героев «Ромео и Джульетты» успешно переселили из Вероны эпохи Возрождения в бандитские кварталы Вест-Сайда…

Но ведь в одесском спектакле действие, как и у Шекспира, происходит не в современном Копенгагене, а в средневековом замке Эльсинор, декорации и костюмы пусть в какой-то мере и условны, но соответствуют историческому месту и времени действия пьесы. Лишь главный герой и его смертельный враг Лаэрт (в нашем спектакле – Сергей Фролов и Алексей Кочетов) выглядят, как парни из нашего класса, из параллельной группы или соседнего дома. Они уже во втором акте стали понятны и интересны ребятам, сидящим в зрительном зале впереди и позади нас. Принц и брат несчастной Офелии хотя и говорили так, как не говорят нынче, но при этом их повадки, мимика, пластика не казались чужими. Им сочувствовали, за них переживали…

Понимаю, что в пересказе чудо перевоплощения звучит банально и упрощенно, но пойдите на этот спектакль и убедитесь сами.

Каким образом Светлана Свирко и ее команда достигли такого эффекта… Пожалуй, главный компонент удачи состоит в том, что и труппа, и постановочная часть, и цеха, и администрация

показали готовность и возможность решения столь сложных творческих и производственных задач в непростых условиях, в которых работает театр.

Важную роль в режиссерской концепции спектакля играют музыка, отобранная в арсенале и тяжелого рока, и рэпа, а также футболки с принтами (на гамлетовской – корона, до которой он так и не доживет). Одной из центральных фигур стал придуманный персонаж – Шут, ставший вторым «Я» Гамлета. Этот резонер транслирует в зал английские реплики, понятные скорее студентам, чем мне, учившему немецкий.

Раз уж мы заговорили об английском оригинале пьесы Шекспира, то напомним, что читаем текст и воспринимаем его со сцены в переводе Бориса Пастернака. Образ Гамлета представлял для него особый интерес. Судьбоносный роман «Доктор Живаго» завершается подборкой стихов, написанных героем произведения, выражающим заветные чувства и мысли автора. И первым перед нами предстает «Гамлет» – монолог актера, играющего эту роль:

Гул затих. Я вышел на подмостки.
Прислонясь к дверному косяку,
Я ловлю в далеком отголоске
Что случится на моем веку…

…Быть или не быть, вот в чем вопрос. Достойно ль
Смиряться пред ударами судьбы,
Иль надо оказать сопротивленье
И в смертной схватке с целым морем бед
Покончить с ними? Умереть. Забыться.
И знать, что этим обрываешь цепь…

Знатоки литературы сразу обнаружат, что я рискнул и объединить строки Шекспира и Пастернака в один текст…

Совпала связь времен…

Фото Сергея Гевелюка

Михаил Пойзнер

«И если б не было Одессы – что б я делал?..»

В далеком теперь уже 64-м году по телевизору показывали очередной «Голубой огонек». Известный композитор Аркадий Островский присел к роялю и с хитринкой переспросил: «А можно… возможно?». Кажется, так. После чего напел незатейливую песенку под названием «Возможно». Песенку, конечно, о любви и о том, что для влюбленных все возможно и «ничего невозможного нет». Именно поэтому:

…И очень возможно, пути их сойдутся,
Что часто бывает на этой земле.
Возможно в Одессе, возможно в Иркутске,
Возможно в Тамбове, возможно в Орле…

Внезапно услышав с экрана слово «Одесса», я вздрогнул от неожиданности. Не так-то часто из Москвы, да еще по Центральному телевидению (!), упоминали Одессу. Тогда, конечно, я не задумывался, кто автор слов песенки «Возможно», ставшей весьма популярной, особенно в исполнении Майи Кристалинской, и как, собственно, туда попала именно Одесса?! Иркутск и Орел, понятно, были упомянуты исключительно из-за рифмы…

Так состоялось первое знакомство с замечательным поэтом-песенником, коренным одесситом Игорем Шафераном. Вот почему Одесса (его Одесса!) была тогда на слуху всего Союза.

Наверняка нынешнему поколению одесситов, да не только одесситов, фамилия Шаферан ни о чем не говорит. И все же. Достаточно перечислить лишь некоторые произведения, созданные Игорем Шафераном, чтобы составить представление о его вкладе

в отечественную культуру. Зачастую, напевая те или иные слова, запавшие в душу, мало кто догадывается, что написаны они Игорем Шафераном. Вот только небольшое перечисление его песен:

«А самолеты сами не летят» (муз. Я. Френкеля)
«Белый танец» (муз. Д. Тухманова)
«Бродячие артисты» (муз. Л. Варданяна)
«Будь со мною строгий» (муз. М. Фрадкина)
«Вечная весна» (муз. Д. Тухманова)
«Для тебя» (муз. Я. Френкеля)
«Если б не было войны» (муз. М. Минкова)

«Желтый лист» (муз. Р. Паулса)
«Журавленок» (муз. Э. Колмановского)
«И все-таки море» (муз. Я. Френкеля)
«И не то чтобы да» (муз. Д. Тухманова)
«Море, море» (муз. А. Островского)
«Мы желаем счастья вам» (муз. С. Намина)
«Настоящие мужчины» (муз. Я. Френкеля)
«Наши мамы» (муз. Э. Колмановского)
«Наши любимые» (муз. Д. Тухманова)
«Нейлоновое сердце» (муз. Я. Френкеля)
«Обычная история» (муз. Ю. Саульского)
«Песня десантников» (муз. М. Минкова)
«Ребята нашего двора» (муз. О. Фельцмана)
«Серебряные свадьбы» (муз. П. Аедоницкого)
«Сколько выдано» (муз. Я. Френкеля)
«Стань человеком» (муз. О. Фельцмана)
«То ли еще будет» (муз. Э. Ханка)
«Я у бабушки живу» (муз. Э. Ханка)

Песни на стихи Игоря Шаферана пели самые известные исполнители – И. Кобзон, Л. Лещенко, М. Магомаев, Л. Зыкина, Э. Пьеха, В. Толкунова, М. Бернес, В. Кикабидзе, В. Ободзинский, М. Кристалинская, А. Герман, С. Ротару.

Игорь Шаферан работал много и плодотворно. Когда же возникали определенные творческие паузы, народ начинал беспокоиться. В те годы Шаферан даже удостоился распространенной в Москве частушки:

…Опечален шах Ирана:
Нету песен Шаферана…

Мол, даже далекий и невозмутимый шах Ирана (!) тоже как-то переживает…

Это, конечно, шутка, но наряду с Леонидом Дербеневым и Михаилом Таничем Игорь Шаферан по праву входил в тройку лучших поэтов-песенников страны.

Творчество творчеством, а что сегодня известно о жизни Игоря Шаферана? Как все складывалось? Какими путями-дорогами

шел этот одесский паренек, чтобы занять свое место на человеческом и творческом олимпах?

Увы! Сведения, приведенные в различной литературе, тем более в интернет-изданиях, как правило, изобилуют значительными ошибками и неточностями, порой обидными…

Начнем с самого начала.

Гарольд Давидович Шаферман появился на свет 13 февраля 1932 г. в Одессе.

Согласно справки ЗАГС Правительства Москвы, в мае 1960 г. фамилия и имя изменены на Игорь Шаферан (запись № 26 от 17.05.1960 г.).

Итак, Гарик Шаферман родился в Одессе на Малой Арнаутской, 87, кв. 12 (тогда ул. Воровского). Учился в школе № 118 (ул. Малая Арнаутская угол Преображенской), в 1950 г. окончил школу рабо-

ПРАВИТЕЛЬСТВО МОСКВЫ
УПРАВЛЕНИЕ ЗАПИСИ АКТОВ
ГРАЖДАНСКОГО СОСТОЯНИЯ
ОБЪЕДИНЕННЫЙ АРХИВ
101000, Москва, Грибоедова, 10
Тел. 923-70-89, 924-26-81
09.11.95 № _____
на № _____ от _____

СПРАВКА 3327

Выдана в том, что в объединенном архиве Управления ЗАГС правительства Москвы имеется актовая запись о перемене ФИО № 26 от 17.05.1960 г. по Сталинскому о/ЗАГС г.Москвы на ШАФЕРМАНА ГАРОЛЬДА ДАВЫДОВИЧА, родившегося в г.Одессе, 1932 г.р.

Фамилия, имя после перемены ШАФЕРАН ИГОРЬ.

Зав. архивом О.П. Баранник

чей молодежи № 11 (теперь здание Института усовершенствования учителей, Барятинский пер., 8). Кстати, в те же годы с «разницей в два класса» в школе № 118 учился и Михаил Михайлович Жванецкий (1934 г. р.). Однако в то время с Гариком Шаферманом он знаком не был, познакомились они уже в Москве.

Широко распространенная легенда о том, что Игорь Шаферан плавал механиком в китобойной флотилии «Слава», тоже не подтверждается. Как следует из автобиографии, в 1948 г. он поступил на работу в объединение «Совтанкер» Черноморского Государственного морского пароходства. Однако ни в одной судовой роли фамилия Шаферман не упоминается, то есть в плавсоставе «Совтанкера» он не значился, а, очевидно, занимал какую-то «береговую» должность в самом управлении. Но море и все морское притягивало его всю жизнь. Забегая вперед, заметим: у Игоря Шаферана множество стихов на морскую тематику. А одни из самых-самых первых – «Будни» и «Матросы» – давнишние публикации в журнале «Юность», № 7, 1958 г. Вот эти два, увы, уже забытые стихотворения, написанные со знанием дела, с глубоким проникновением в морскую специфику.

Матросы

Тяжело приходилось, бывало,
В первый год, в самый памятный год.
Нас качало, мотало, швыряло
У далеких ревущих широт.
Так проходят морскую закалку.
…А вернулись домой корабли,
По земле мы пошли вперевалку,
Словно пробуя прочность земли.

Будни

Мальчишкой мне казалось, что на судне
Лишь ураганы встретятся в пути.

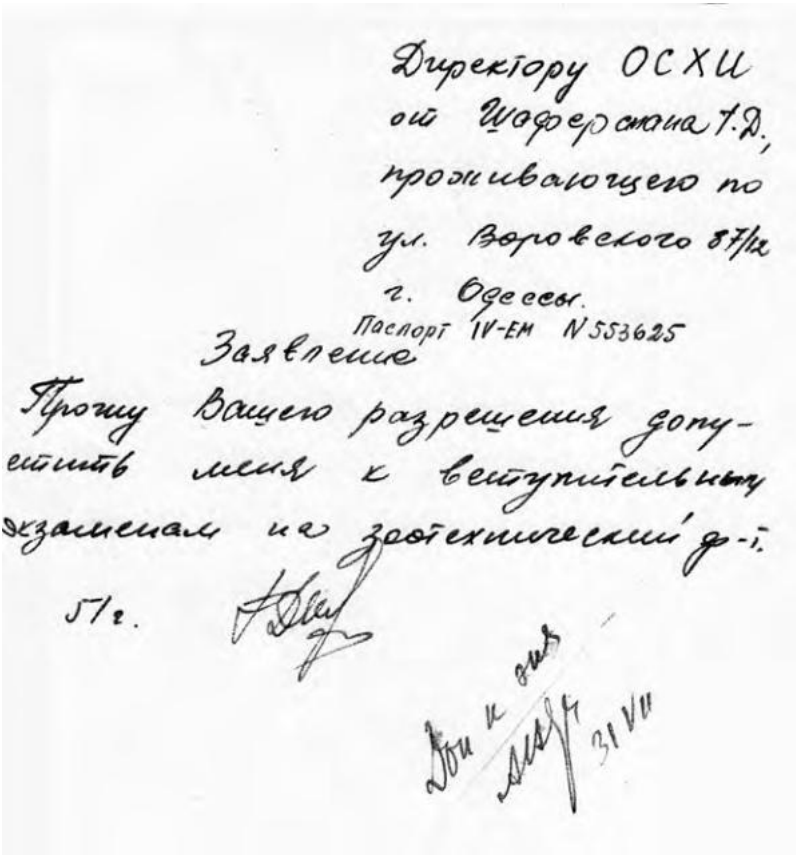
Я плохо знал, что есть на судне будни,
Которые трудней перенести.
Я палубу перемывал три раза,
Чтобы она сверкала, как желток,
И до меня дошло совсем не сразу,
Что боцман справедлив, а не жесток.
А в аппетитном царстве щей и каши,
Где даже в холод жарче, чем в Крыму,
Передо мною кок стоял, как маршал,
Когда я в помощь придан был ему.
Узлы вязал, покраску вел умело,
От шлака очищал колосники
И даже не заметил среди дела,
Как постепенно вышел в моряки.

А где-то очень смелые на судне
Встречали ураганы лишь в пути.
Плывут мальчишки, забывая будни,
Которые трудней перенести.

Да, «выйти в моряки» не получилось, хотя и на берегу трудностей было предостаточно.

В августе 1951 г. Гарик Шаферман поступает в Одесский сельскохозяйственный институт на зоотехнический факультет[1]. Почему именно в сельскохозяйственный институт? Вряд ли это говорит о его призвании. Скорее всего, в те годы с такой анкетой в Одессе других вариантов почти не просматривалось… Тем не менее учился хорошо, активно занимался спортом – волейболом и боксом.

В сентябре 1952 г. отчислен из института «ввиду перевода в другое учебное заведение». Другое учебное заведение – некая Военная академия (?!). Возможно, «фокус» с военной академией был придуман, чтобы наверняка отпустили из Одесского сельхозинститута. По некоторым данным, его как хорошего волейболиста переманили во Фрунзенский сельхозинститут, пообещав, что будет включен в сборную Киргизии для участия в Спартакиаде народов СССР. Так что, после Одессы он, очевидно, учился (чис-

Директору ОСХИ
ой Шоферстона Т.Д.,
проживающего по
ул. Воровского 87/а
г. Одессы.
Паспорт IV-ЕМ N553625

Заявление

Прошу Вашего разрешения допустить меня к вступительным экзаменам на зоотехнический ф-т.

5/г.

Зач и вып
31 VII

лился?) во Фрунзенском сельхозинституте. Оттуда уже и переехал в Москву, где пытался поступить в Литературный институт им. А.М. Горького. С первого раза не получилось, год отучился в Тимирязевской академии.

В 1956 г. все же поступил в Литературный институт. На свой курс его взял сам Михаил Светлов! Кстати, по некоторым данным, возможно, Светлов и предложил несколько подкорректировать фамилию, выбросив одну-единственную «принципиально

Одесский сельскохозяйственный институт. Студенческий билет Г.Д. Шафермана

лишнюю» букву. Надо сказать, что Игорь Шаферан боготворил Светлова, в рабочем кабинете всегда висел его портрет.

В 1962 г. Шаферан окончил Литературный институт по специальности «литературная работа» (диплом С № 214036). Жилось довольно трудно, поэтому в 1972 г. на всякий случай он получил аттестационное удостоверение № 7334 о том, что Министерство культуры РСФСР считает его «артистом разговорного жанра I категории с разовой ставкой 9 руб. 50 коп». Для того времени приработок, в принципе, неплохой.

…Именно Михаил Светлов разглядел в Игоре Шаферане талант поэта-песенника, настоятельно предложив его «услуги» композитору Аркадию Островскому. Их творческое знакомство началось с песни «Мальчишки, мальчишки», которую с огромным успехом исполнил Иосиф Кобзон в Москве, в Колонном зале Дома Союзов (!).

…Плывут в океанах, летят высоко в небесах
Солидные люди с мальчишеской искрой в глазах.

Мальчишки, мальчишки, пускай пролетают года,
Мальчишки, мальчишки, для нас вы мальчишки всегда…

Вот с этой песней и пришла к Игорю Шаферану ее величество *известность*.

Дальше были замечательные стихи, глубокие и продуманные, проникновенные и лирические, берущие за живое каждого. А его слова к песне «Гляжу в озера синие…» (к кинофильму «Тени исчезают в полдень», муз. Л. Афанасьева) едва не стали государственным гимном России:

…Гляжу в озера синие,
В полях ромашки рву…
Зову тебя Россиею,
Единственной зову.
Не знаю счастья большего,
Чем жить одной судьбой,
Грустить с тобой, земля моя,
И праздновать с тобой…

И еще один парадокс. У абсолютного большинства слушателей не могло быть малейших сомнений в том, что «Ромашки спрятались, поникли лютики» – слова народные. Кому могло прийти в голову, что написаны они одесситом с Малой Арнаутской?!

Ромашки спрятались, поникли лютики.
Когда застыла я от горьких слов.
Зачем вы, девочки, красивых любите,
Не постоянная у них любовь.

Ведь даже сегодня, наверное, ни одни сельские или другие посиделки не обходятся без надрывного исполнения этой действительно ставшей народной песни.

А песенка «Сколько видано» (муз. Я. Френкеля) стала чуть ли не морским гимном, когда простыми словами, без высокой патриотической ноты, переданы чувства моряков, которых куда бы не заманивали, а все равно «только тянет домой»

…И в Италии, и в Бразилии
Побывали с тобой.
Солнца вроде бы изобилие,
Только тянет домой!

Эх, сколько видано,
Эх, перевидано!
Солнца вроде бы изобилие,
Только тянет домой.

Не туристы мы, но на пристани
Мы подолгу стоим.
Воздух родины – он особенный,
Не надышишься им.

Эх, сколько видано,
Эх, перевидано!
Сколько видано, перевидано
Не надышишься им…

Мало кто знает, что к юбилейному вечеру Аркадия Райкина на слова Шаферана написана замечательная песенка «Добрый зритель в девятом ряду» (муз. Я. Френкеля). Вот несколько строк:

…Скрипки пробуют голос несмело,
Заполняется публикой зал…
Может, Гамлета или Отелло
Я бы с большей охотой сыграл,
Или, скажем, читал бы сонеты,
Тихо жил бы со всеми в ладу,
Только как же посмотрит на это
Добрый зритель в девятом ряду?..
……
Может, все бы забросить под старость,
На скамейке сидеть бы в саду,
Только как же я с вами расстанусь,
Добрый зритель в девятом ряду…

После ее исполнения Аркадием Райкиным в зале не скрывали слез. И всякий раз это повторялось. Потому что, наверное, у каждого был свой добрый зритель в каком-то жизненном ряду…

А что Одесса в творчестве Игоря Шаферана?

В 1985 г. для кинофильма «Подвиг Одессы» (реж. В. Стрелков) написана песня об Одессе «Я дома» (муз. Я. Френкеля), ставшая стержнем этой киноленты:

Немало есть мест, где каштаны цветут,
Где плещется море, и солнца не ждут, словно милость,
Но именно тут,
Понимаете, именно тут
Я вырос, я вырос…

Мне город любимый от сердца всего
Безбрежную даль подарил на Приморском бульваре,
Ведь я для него,
Понимаете, я для него
Свой парень, свой парень…

Конечно, весь свет повидал я не весь,
И мне из морей только Черное море знакомо,
Но именно здесь,
Понимаете, именно здесь
Я дома, я дома…

Нуждаются ли эти слова в каких-либо комментариях, если каждая строчка – это признание в любви к Одессе! Признание не формальное, признание трогательное и трепетное… Потом эту песенку пел и Андрей Миронов, и сам Ян Френкель, и многие другие, всякий раз перетягивая «музыкальное одеяло» на себя, приписывая эту любовь уже к своим родным местам.

И еще одна выдержка из письма[2]: «Знаете ли Вы о песне об Одессе, которую Шаферан написал с композитором Марком Минковым? Был вариант, что ее споет Пугачева, но что-то не срослось, и, что называется, в широкие массы она не пошла. Хотя песня, на мой взгляд, великолепная, я ее обожаю на гитаре играть».

Автобиография

Я, Шафермаи Барольд Давидович, родился в г. Одессе 13 февраля 1932 г. в семье служащего. До войны окончил 2 класса. В 1941 г. был эвакуирован с матерью в г. Фергану Уз. ССР, где пробыл до окончания войны. Отец находился на фронте в качестве офицера. По возвращению в Одессу я продолжал учёбу. В 1948 г. поступил на работу в „Совтанкер." В 1950 г. я окончил среднее образование в школе рабочей молодёжи №11. С 1948 г. занимаюсь спортом. Являюсь спортсменом 1го разряда по волейболу. член ВЛКСМ Нац. еврей

VII. 51 г. Шафермаи.

А вот и оригинал текста упомянутой песни «Старая Одесса»:

Наши детские мечты,
Слава, музыка, цветы,
Где они?
Но гляди с надеждой вдаль,
И улыбкою печаль
Разгони.
Что не знаешь ты забот,
Что душа твоя поет
Сделай вид!
Впрочем, что мы говорим –
Разве мне быть другим
Одессит?

И все-таки Одесса –
Одессой остается,
И нет такого места,
Где есть такое солнце,
Где есть такое море,
А в море – парус белый…
И если б не было Одессы,
Что б я делал?

Жизнь несется, как волна,
И швыряет нас она
Вверх и вниз.
Все на свете может быть.
Только как же не любить
Эту жизнь?
И уже не меркнет свет,
И уже печали нет,
Нет обид.
Впрочем, что мы тратим пыл, –
Где ты видел, чтобы ныл
Одессит?

Игорь Шаферан. Одесса. 50-е годы

И все-таки Одесса –
Одессой остается,
И нет такого места,
Где есть такое солнце,
Где есть такое море,
А в море – парус белый…
И если б не было Одессы,
Что б я делал?

Слова эти можно отнести и к самому Игорю Шаферану. Это его жизнь (а не слепая привязанность к жизни), его чувства, его одесская точка опоры…

И еще одно утверждение[3]:

«…Конечно, вы помните прекрасную песню Юрия Антонова «На улице Каштановой»:

Пройдусь по Абрикосовой, сверну на Виноградную
И на Тенистой улице я постою в тени.
Вишневые, Грушевые, Зеленые, Прохладные –
Как будто в детство давнее ведут меня они…

Жители сразу нескольких городов утверждают, что эта песня посвящена именно их малой родине. Я же ставлю на Одессу. Родом отсюда был автор текста Игорь Шаферан. А если вы вооружитесь картой Одессы, то без труда найдете и Абрикосовую, и Виноградную, и Вишневую».

И я тоже ставлю на Одессу! Без сомнения, Игорь Шаферан срисовывал и подсмотрел это в своей Одессе, потому что в памяти навсегда застряли улицы из «раньшего времени».

Теперь о слухах.

Игорю Шаферану приписывают авторство очень известных одесских куплетов с лейтмотивом «У нас в Одессе это не едят…». Приведу несколько строчек, которые не так час-

то произносят, очевидно, ввиду их определенной политической окраски.

…Спасая в кровь израненную шкуру,
Из наших мест недавно и давно
Бежали Врангель, Гитлер и Петлюра,
И прочее подобное… Махно.
И неспроста врагам советской власти
У нас в родной Одессе говорят:
«*Нема* делов, где сели, там и слазьте».
У нас в Одессе это не едят…

Хорошо, что сегодня такие призывы, к счастью, в прошлом. И слава Богу, что все это давно уже «съели». Короче, уже давно «нема делов»… По воспоминаниям народного артиста Украины Михаила Ильича Бакальчука, где-то в конце 60-х годов Игорь Шаферан дописал эти несколько куплетов для программы известного одесского конферансье Аркадия Астахова. Так это или не так? В Одессе все может быть…

А собственно, из какой семьи Игорь Шаферан? Его ближайшие родственники – обычные одесситы обычной одесской национальности[4]:

«Отец – Шаферман Давид Исаакович, мать – Шаферман Мирель Копелевна. Бабушки: Карп Двойра Гител, Шаферман Шендл. Дедушки: Фальбаум Копель, Шаферман Мендель.

В 1954 г. с того же адреса (Одесса, ул. Воровского, 87, кв. 12) родители переехали в Москву, чтобы быть вместе с сыном, когда он получил работу. Родной дядя со стороны матери – Григорий (Гирш) Копелевич Фальбаум, проживал в Одессе. Родной дядя со стороны отца – Майор (Меир) Исаакович Шаферман, проживал в Одессе.

Родная сестра: Полина Давидовна Шаферман (Рабинер), в 1996 г. с мужем переехала в США. Племянник: Игорь Рабинер (1973 г. р.) – известный спортивный журналист, живет в Москве».

…В декабре 1964 г. Игорь Шаферман женился на Виталии Виленской – дочери известного советского архитектора Бориса Виленского. Их дочь Анна Шаферан (1965 г. р.) окончила

винодельческое отделение факультета биотехнологий Московского пищевого института. Живет в Москве.

Внучка: Милаша Шаферан (1990 г. р.) – живет в Москве.

…Игорь Шаферан бывал в Одессе не так часто, как хотелось.

«Останавливался у многочисленных родственников. Приезжал в Одессу: 1970 г. – круиз по Черному морю;

1976 г. – с композитором Марком Минковым;

1983 г. – на похороны дяди Гриши, еще позже на похороны дяди Майора»[5].

…Хотя времена не выбирают, но жить в эпоху перемен не просто. И Игорь Шаферан жил по старым правилам, выверенным всей прошлой жизнью. Его же словами из песни «Нейлоновое сердце» (1968 г.):

Говорят, что будет сердце из нейлона.
Говорят что двести лет стучать ему.
Может, это по науке и резонно,
А по-нашему, ребята, ни к чему.
……
…Нет, ребята, не для нас определенно
Жить, не видя и не слыша ничего,
Даже если будет сердце из нейлона –
Мы научим беспокоиться его.

А по-другому он не мог.

В одной из публикаций Анна Шаферан вспоминала[6]:

«Приход капитализма оказался для него страшным психологическим ударом. Ничем другим, кроме поэзии, он не занимался. И у него было ощущение своей ненужности. На почве стресса он заболел. Лежал в онкологическом центре. Но врачи не смогли ничего сделать и, поняв это, попросту выпихнули умирать домой».

Игорь Шаферан умер 14 марта 1994 г.

Похоронен в Москве на Даниловском кладбище, рядом с женой.

…Заметно и незаметно пробежало время.

Сейчас об Игоре Шаферане – большом художнике, который помогал жить и чувствовать, подталкивал идти в ногу со временем, чьи мысли стали ориентирами для целого поколения, – сейчас

о нем вспоминают постольку поскольку… В подтверждение слова Анны Шаферан[6]:

Москва. Даниловское кладбище. Могилы Виты и Игоря Шаферанов

«К сожалению, папа не отличался деловой хваткой. Поэтому многие из его стихов до сих пор остались невостребованными. Я была бы рада, если б кто-то написал на них песни. Но никто не проявляет интереса. Хотя найти нас проще простого. Телефон у нас остался тот же, что и много лет назад…»

В 2002 г., к 70-летию Игоря Шаферана, усилиями семьи «пробили» в Москве, в Доме композиторов, благотворительный вечер его памяти. Внучкой Милашей Шаферан был подготовлен документальный фильм «Не найти нам друга ближе ни сегодня, ни потом».

И это всё. До обидного всё…

Перенося акцент на Одессу, в письме Милаши Шаферан отмечается[7]:

«Никакого одесского материала у нас больше нет. Моей маме он лишь всегда говорил, что любил Одессу, что это его любимый город, который он никогда не забывал…»

Никогда не забывал Одессу…

А Одесса?

Одесса забыла. А помнила ли?!

Забыла истинного одессита.

Одессита, никогда не кичившегося ею.

Одессита, никогда не отказывавшегося от нее в угоду заманчивым столичным ценностям.

Одессита, не кричавшего, не делавшего, как иные, бизнес на Одессе – признанном мировом бренде.

А ведь не так уж много настоящих *личностей* дала Одесса миру – личностей, унаследовавших от ее первостроителей, прежде всего, честь и достоинство, сочетающиеся с неизменным талантом.

…С некоторых пор улица Малая Арнаутская в Одессе известна не только тем, что именно здесь делалась (и делается!) вся контрабанда.

Здесь жили многие заметные и незаметные одесситы, составившие наш неприкосновенный запас. Запас, замешанный на своем восприятии окружающего мира.

Здесь в 51-м номере всю жизнь прожил незабвенный Саша Розенбойм – писатель и историк Одессы.

Здесь в 87-м номере родился и жил Игорь Шаферан, память о котором в Одессе не должна быть короткой. Проходя мимо этого старого кирпичного дома, приостановитесь, поднимите голову. Отсюда начинался путь в большую жизнь Гарика Шафермана – обычного одесского паренька, ставшего гордостью и славой нашего города.

Примечания

[1] Одесский сельскохозяйственный институт. Дело № 51326/283, начато 01.09.1951 г., окончено 01.09.1952 г.

[2] Письмо И.Я. Рабинера автору (05.07.2013 г.).

[3] Савелий Липкин. Одесское застолье (от Привоза до Дерибасовской). – М.: – ЭКСМО, 2015. – 320 с.

[4] Письма Милаши Шаферан автору (08.05.2013 г., 14.05.2013 г.).

[5] Письма Милаши Шаферан автору (08.05.2013 г., 09.05.2013 г.).

[6] «Умирающего Игоря Шаферана вышвырнули из больницы». / Экспресс-газета, 09.04.2002 г.

[7] Письмо Милаши Шаферан автору (11.06.2013 г.).

Роман Бродавко

Дар музыкального общения

Это имя неизменно привлекало внимание любителей музыки. Люди старшего поколения, которые помнили его отца, прекрасного композитора и пианиста Лазаря Саксонского, неизменно говорили, что Владимир Саксонский – достойный его наследник. Молодые слушатели, попадая на концерты Владимира Лазаревича, погружались в поэтический мир его исполнительского искусства, открывая для себя бескрайние горизонты классики и жемчужины современной музыки. Он обладал бесценным даром музыкального общения, выстраивая интереснейший диалог с публикой, которая воспринимала его игру и разумом, и сердцем.

Довоенное детство и отрочество Владимира – годы постижения секретов игры на фортепиано. И здесь главным и незыблемым авторитетом для него был отец – профессионал высочайшего уровня, музыкант, бесконечно требовательный к себе и к другим, высокий эрудит и блистательный практик. Музыкальный редактор Радиокомитета, автор популярных в свое время симфонических и камерных произведений, один из лучших концертмейстеров страны (и это не преувеличение!), Лазарь Яковлевич всегда находился в гуще музыкальной жизни, был связан творчески и дружески со многими выдающимися исполнителями. Во многом благодаря среде, в которой рос Владимир, критерии концертного исполнительства были им осознаны уже в самом раннем возрасте. Но, как говорил он сам, в школьные годы его успехи были весьма скромными. К тому же, когда ему еще не исполнилось и двенадцати лет, началась война. Саксонские эвакуировались в Алма-Ату. Когда быт в эвакуации более-менее наладился, мальчик возобновил занятия музыкой.

После окончания войны семья вернулась в Одессу. Владимир поступил в консерваторию, но особого рвения в занятиях не проявлял. Все резко изменилось с приходом в консерваторию в качестве преподавателя Людмилы Наумовны Гинзбург, которая вернулась в родной город после окончания московской аспирантуры по классу Генриха Нейгауза. Как это часто бывает, новому молодому преподавателю передали самых неперспективных учеников, среди которых числился и В. Саксонский.

– Буквально за считанные месяцы Людмила Наумовна в корне изменила мое отношение к учебе, – вспоминал Владимир Лазаревич. – Я приходил на ее уроки как на праздник. Я не мог себе позволить хоть чем-то огорчить ее, и поэтому занимался много и увлеченно. Мне трудно сформулировать принципы, на которых строилась ее педагогика, но это всегда было художественное творчество, без которого не бывает искусства.

Духовная связь Владимира Лазаревича с Л.Н. Гинзбург не прерывалась многие годы, вплоть до ухода выдающегося Педагога из жизни. Уже давно поседевший, он навсегда оставался для нее Вовой, а она для него – Наставником.

С начала пятидесятых годов Владимир Саксонский – солист Одесской филармонии. Здесь он прослужил свыше шестидесяти лет. Его репертуар был огромен. Концерты с оркестром, сольные программы, выступления в составе инструментальных ансамблей, программы с вокалистами… Каждый выход к публике был для него серьезным творческим испытанием – независимо от того, происходило ли это в большом филармоническом зале или скромном дворце культуры.

Саксонскому всегда было присуще глубокое понимание стиля. И как у подлинного мастера, был свой, индивидуальный взгляд

на исполняемые сочинения. У него был «свой» Бах, «свой» Рахманинов, «свой» Шопен… Отношение даже к любимым, давно исполняемым произведениям с годами изменялось. Это естественно, потому что каждое время диктует свое понимание содержания, свои темпы, свои трактовки. Наряду с классикой Саксонский с удовольствием играл Шостаковича и Хачатуряна, Косенко и Данькевича, Прокофьева и Шамо…

Одним из любимых композиторов Владимира Лазаревича был Гершвин. Как правило, его сочинения звучали на бис в сольных концертах и пользовались особым успехом у публики.

– У хорошей музыки нет возраста, – говорил пианист и доказывал это своей многолетней исполнительской практикой.

У Владимира Лазаревича был небольшой круг людей, мнение которых было для него особенно важным. В первую очередь, это были отец и жена, в прошлом тоже известный музыкант. Помню, как в середине 80-х годов В.Л. Саксонский, уже далеко не молодой человек, исполнял с оркестром «Голубую рапсодию» Гершвина. Я сидел в зале рядом с Лазарем Яковлевичем и украдкой наблюдал за его реакцией. Он слушал, невозмутимо глядя на сцену, и лишь изредка его щеки подрагивали… После концерта – безусловно, удачного – многие из слушателей спустились к гримуборной, чтобы поблагодарить пианиста за его мастерство. Он же стоял в напряжении, ожидая отца. Наконец Лазарь Яковлевич подошел к сыну и едва заметно кивнул. По-видимому, это было выражением позитивной оценки, после чего Владимир Лазаревич стал улыбаться и раскрепощено общаться со знакомыми.

В. Саксонский как исполнитель всегда был в хорошей творческой форме. Это объясняется не только природной одаренностью, великолепным образованием и огромным творческим опытом. Владимир Лазаревич был неутомимым тружеником. Ежедневно ранним утром в любую погоду, иногда затемно, он приходил в филармонию, чтобы там в полной тишине несколько часов позаниматься. В девять утра, когда сотрудники приходили на работу, он отправлялся домой, завтракать. А к двенадцати возвращался – на репетицию с другими солистами или на выезд на дневной концерт, которых в филармонии еще недавно было много.

Саксонский был на редкость творчески активным музыкантом. В начале 80-х он придумал оригинальную форму литературно-музыкального спектакля, в котором участвуют два исполнителя: пианист и артист-чтец. Эти спектакли носили ярко выраженный просветительский характер, и главным действующим лицом в них была музыка.

Название первого спектакля «Доверено музыке» (он был посвящен Шопену) определило направленность всего цикла. Вслед за шопеновским появились «Тетради Каролины», спектакль о Ференце Листе, затем «Семь струн» – музыкально-литературный спектакль, посвященный Лесе Украинке, великому национальному поэту, прекрасной пианистке и большому знатоку музыки. Эти три работы были сделаны Владимиром Саксонским с чтицей Ларисой Хонич, а режиссером-постановщиком была Зинаида Дьяконова. Спектакли с неизменным успехом исполнялись не только в Одессе, но и на гастролях во многих городах Украины. А кроме того, были еще две композиции для детей на музыку П. Чайковского – «Зимняя сказка» («Щелкунчик») и «Добрая фея надежды» («Спящая красавица»). Они до сих пор сохраняются в репертуаре филармонии – правда, исполняются они уже другими артистами.

В программах музыкального лектория Владимир Лазаревич выступал не только как солист, но и как концертмейстер. Для всех без исключения инструменталистов и вокалистов работать с ним было не просто интересно. Для них это было школой, в которой можно было многому научиться. Залогом этому был тонкий вкус, высокий профессионализм и неизменная доброжелательность Саксонского, который любил творческую молодежь и стремился помогать ей. А главное: каждый из солистов был уверен, что в ансамбле с Владимиром Лазаревичем он сможет максимально раскрыться как исполнитель.

Творческая активность Саксонского, казалось, не знала границ. На его концерты писали восторженные рецензии. Его воспринимали как равного именитые гастролеры. Его любила публика. Но звание заслуженного артиста он получил на закате карьеры, уже в годы независимой Украины. При советской власти с ее особым вниманием к «пятой графе» подлинные заслуги

не брались в расчет. Почетного звания так и не удостоился его отец, вклад которого в отечественную культуру был весьма существенным… Отрадно одно: творческое имя этих музыкантов было намного значительнее и весомее любого почетного звания. А публика, как известно, идет не на звание, а на имя.

Ежегодно В. Саксонский представлял в зале филармонии новую сольную программу. Он тщательно обдумывал ее концепцию, скрупулезно отбирал произведения. Я имел честь принимать участие в его концертах в качестве музыкального комментатора. Премьеры, как правило, планировались на октябрь – на открытие концертного сезона. Но обсуждать их содержание Владимир Лазаревич начинал еще зимой. Он обладал безошибочным пониманием того, как и в какой последовательности выстраивать концертную программу, чтобы она воспринималась слушателями с неослабевающим интересом. Обладая огромным творческим опытом, он всегда был готов прислушаться к мнению других.

Перед выходом в филармонический зал Владимир Лазаревич проводил допремьерную «обкатку» новой программы в учебных заведениях и клубах: ему важной была не только реакция публики, но и собственные ощущения от концертного исполнения.

Перед началом очередного октябрьского концерта Саксонский был весь в себе. Это состояние нельзя назвать волнением – это полная внутренняя сосредоточенность перед выходом к слушателю.

– Там есть кто-то? – стоя за кулисами, спрашивал он и указывал рукой на зал, и мне доставляло большое удовольствие сообщать ему, что в зале много людей, и все они в радостном предвкушении концерта. Не секрет, что у Владимира Саксонского была «своя» публика, численность которой с годами не уменьшалась. На смену одним слушателям приходили другие.

– Ира поднялась? – это касалось его супруги, которая всегда сидела в 14-м ряду у двери. Ее мнением он особенно дорожил.

Следующая реплика была такова:

– Ромуля, может, сократимся на несколько произведений, а то ведь слушать не будут…

– Вы сами решите по ходу концерта, – произносил я, заранее зная, что ничего этого не будет.

И вот выход Саксонского на сцену. Легкий поклон – и первое произведение. С первых минут слушатели погружаются в стихию высоких мыслей и глубоких чувств. Пианист покоряет их своим мастерством, своей исполнительской свободой – и одновременно заряжается от их эмоционального восприятия музыки. Это то, чего он всегда ожидает от зала. Его взгляд теплеет. Его музыкальный монолог услышан, он интересен, он нужен…

Естественно, ни о каком сокращении программы уже речь не идет. Наоборот, второе отделение завершается тремя виртуозными бисами, которые принимаются на ура.

После концерта он был уже другим. Волнение оставалось позади. Чувствовалось внутреннее удовлетворение сделанным, но при этом ему как настоящему художнику важно было, что скажут о его исполнении сведущие люди, какие замечания сделают. Саксонский никогда не обольщался своим успехом у слушателей.

Переступив порог пятидесятилетия, Владимир Лазаревич внешне не менялся. Всегда поджарый, подвижный, живо интересующийся всем, что происходит в искусстве, он вызывал искреннее уважение ясностью взгляда на происходящее, добрым юмором и неиссякаемой творческой энергией. Таким он пришел к своему восьмидесятилетию. Казалось, что он никогда не постареет…

Увы, после ухода жены годы стали брать свое. Силы медленно покидали его. Участвуя в редких концертах, Владимир Лазаревич стал уставать. Но сдаваться не хотел. Музыка по-прежнему оставалась главным делом его жизни.

Он шагнул в вечность летом 2015 года в возрасте 85-ти.

Провожая в последний путь дорогих нам людей, мы неизменно говорим, что будем хранить память о них. Но память – субстанция хрупкая. Кто по прошествии лет, когда уйдет нынешнее поколение, вспомнит о Саксонских? Разве что добросовестные историки.

Впрочем, есть способ сохранить эти имена для потомков. Почему бы не назвать одну из многих безымянных музыкальных школ именем Саксонских и тем самым сохранить его на долгие годы? Да и подчеркнуть этим, что Одесса как город больших музыкальных традиций помнит о тех, кто успешно творчески развивал их.

Юлия Сущенко

«Открытые двери»

Письма в Одессу

В конце августа на базе Одесского ТЮЗа впервые в Украине успешно прошел фестиваль – лаборатория молодой режиссуры, организованный Международным театральным проектом «Открытые двери». Куратор проекта Ирина Аверина проводит подобные лаборатории в театрах для детей и театрах кукол уже несколько лет. Для нее это уже была тринадцатая режиссерская лаборатория, но первая в Украине, в своем родном городе.

В гости в Одессу приехали молодые режиссеры и известные театральные критики. Первые – чтобы за пять дней поставить

с актерами ТЮЗа сорокаминутный спектакль-эскиз, вторые – чтобы обсудить увиденное и провести мастер-классы для всех желающих.

Заявки для участия в лаборатории подали 57 режиссеров из Украины, России, Молдовы, Франции, Греции, Армении и Италии. Из них экспертная комиссия отобрала четверых. Они и приехали – молодые, дерзкие и талантливые, москвичи Галина Зальцман и Евгений Балтин, киевлянка Маргарита Шин и харьковчанин Дмитрий Гусаков. С первого дня знакомства с театром и актерами ребята включились в работу – началась активная подготовка к постановке во всех залах, на всех сценах театра. А в это время в Театральном дворике в свободном доступе велись обсуждения и проходили авторские мастер-классы. О современном театре, его проблемах рассказывали Анна Веселовская – театровед, доктор искусствоведения, профессор кафедры театроведения Национального университета театра, кино и телевидения им. Карпенко-Карого, г. Киев; Анна Липковская – театровед, кандидат искусствоведения, доцент,

г. Киев; Влад Троицкий – режиссер, продюсер, драматург, основатель и руководитель Фестиваля современного искусства ГОГОЛЬFEST и театра «ДАХ», г. Киев; Павел Руднев – театральный критик, помощник по спецпроектам в МХТе и Школе-студии МХАТ, кандидат искусствоведения; Стас Жирков – режиссер, художественный руководитель театра «Золотые ворота», г. Киев; Светлана Свирко – главный режиссер Одесского театра юного зрителя; Ирина Запольская – куратор детских программ Международного фестиваля современного искусства ГОГОЛЬFEST.

В день финала лаборатории в Одесском ТЮЗе собрались эксперты и ведущие режиссеры одесских театров: Игорь Равицкий – художественный руководитель Одесского академического украинского музыкально-драматического театра им. В. Василько, народный артист Украины; Юрий Чайка – главный режиссер Одесского областного театра кукол. Работы молодых режиссеров смотрели, а затем критически обсуждали в том самом Театральном дворике весьма компетентные специалисты.

Дима Гусаков из Харькова вспоминает: «Ребята – режиссеры, с которыми после тяжелых репетиций мы взахлеб говорили о театре, жизни и вообще обо всем что угодно, молодые, задорные и талантливые актеры, которые поверили мне и пошли за мной, цехи и службы, которые начинали выполнять твои просьбы, даже не давая тебе договорить… и конечно же, финальные эскизы, которые были насколько разные, настолько же талантливые и оригинальные. Я рад, что все это произошло и случилось в моей и вашей жизни. Это было прекрасно! Спасибо, Одесса, спасибо, ТЮЗ, спасибо, организаторы».

Для постановки участникам лаборатории была дана возможность выбрать одно из нескольких предложенных театром произведений или предложить что-то свое. Таким образом, в финале зрители и члены жюри увидели постановку «Легкие шаги» Вениамина Каверина, сказку «Два брата» Шварца сразу в двух вариантах и детскую пьесу молодого драматурга Светланы Саченко «Кактус».

Из письма Галины Зальцман (Москва): «Приключение наше длилось всего 4 дня. Репетиции были прекрасны – артисты придумывали, сочиняли, искали. Цеха открывали нам двери в свои закрома. Такого со мной еще не было, это была настоящая любовь! А вечерами – смех и слезы, и пакетированные женские имена – Лидия, Изабелла и другие – разбавляли наши слова. Было и море, ночное и с полной луной. 31 августа мы представили 4 спектакля. Волнительно и стремительно мы двигались к обсуждению с экспертами наших работ – в садике театра при поддержке артистов и всех *людей театра*. И обсуждение работ было не обсуждением/осуждением/ободрением/нравоучением, а разговором о театре, о его будущем, прошлом, настоящем. Разговором о том, ради чего мы все и собрались, о том, что для нас всех важно!».

А потом было маленькое чудо. Вернее, сразу четыре. Человеку несведущему тяжело понять, как за такое короткое время стало возможным увидеть то, что мы увидели. Зритель отреагировал моментально – аплодисменты, смех, затаенное дыхание, сопереживание. Все как на самом настоящем спектакле. О том, какой это был эмоциональный и физический труд для всех участников эксперимента, вспоминается теперь с улыбкой и иронией.

Из письма Евгения Балтина (Москва): «Спасибо вам за доверие! Вы невероятно трудоспособные, а о таланте и говорить не приходится! Спасибо за то, что не испугались за несколько часов до показа кардинально изменить условия игры, по-моему, мы от этого не проиграли! Девушки-студийки! Если бы вы не откликнулись на мой призыв, прахом бы пошла идея, а это самое страшное! Часы стремительно убегают. В нашу компанию влилась Анна Белая – звукооператор! За краткий срок ей пришлось освоить сложную звуковую партитуру, я иногда бурчал, а порой и бессовестно ругался, но на показе Анна выложилась на 100%! Спасибо! Дальше в коридорах хватают за руки, тянут в разные стороны представители цехов: «Что вам нужно для показа? Костюмы, реквизит, декорации, грим пастж… ации… гри… квизит… приборы… фильтры… АААААА!!!». Голова кругом, накидаешь список, отдашь – и по квадрату в теплое царство тети Оли и Васи: «А шо ты поел? Почему хлеб не съел?! Вася, налей ему кофе! Ужинать приходи! Галка опять на обед не пришла, ты ей передай,

так будет кушать, до финала не доживет!». «А вот вы где!!! Так что насчет париков?..» И снова круговерть: вопросы – ответы – проблемы – решения! «А что нам на аэропорт надеть!» «Девочки, погодите! Сейчас не до этого!» Репетиция – все не то! Многое из придуманного дома не случается, потому что идеальная картина мира не совпадает с реальной! Не потому что что-то плохо в этом театре, а потому что по-дру-го-му! Загривок в поту 18.00 – стена!»

Вечер, тайный дворик, спрятанный между толстыми столетними стенами двух театров. Под тщательным наблюдением Шекспира со второго этажа – эксперты, режиссеры, артисты театра. Еще один этап, не менее тяжелый, – обсуждение. Лица ребят, как лампочки, то загораются, то тухнут, вкл-выкл, эмоции тихие, спорить нет сил, спор идет внутри – с экспертами и критиками, с собою… всех не переспоришь, да и не надо.

Из письма Евгения Балтина (Москва): «Добрый вечер! Мы представляем эскиз…» Дышим глубоко и спокойно… Пять ми-

нут полет нормальный! 10… 20… 30!!! Выдох… Кажется покой! Но следующим на сцену идет со своей командой Дима-Марго-Галя! Дышишь вместе с ними. Вдох-выдох! 5-10-20-30! 5-10-20-30! 5-10-20-30! Да! Теперь все произошло! Замечания! Хочется лечь и уснуть! Хорошо, говорят – правильно! Хорошо говорят! Плохо! Бред! Я не то имел в виду…»

Выдох. Победителей нет?! По просьбе самих режиссеров директор ТЮЗа Евгений Бубер обещал огласить свой вердикт только после того, как все вернутся домой. Но, как оказалось, итог лаборатории был самый непредсказуемый! Как сказал сам директор театра: «Во всех четырех эскизах молодые режиссеры продемонстрировали профессионализм, свежесть восприятия тенденций развития современного театра, собственный почерк. Наш театр активно заинтересован в развитии творческого содружества со всеми четырьмя режиссерами, принимавшими участие в лаборатории, и при первой возможности предоставит право самостоятельной постановки на своей сцене каждому из них, начиная с Дмитрия Гусакова». Итак, театр ждет первого режиссера из Харькова Дмитрия Гусакова и его постановку «Легкие шаги» Вениамина Каверина – зимнюю сказку о чуде! Дима Гусаков показал эту историю так, что ее с интересом будут смотреть не только подростки, но и их родители. А потом приедут остальные участники лаборатории, и мы надеемся, что одесский детский театр откроет новую страницу своей жизни. Такой, где есть место молодости, безумству, эксперименту и… гвоздям.

Из письма Маргариты Шин (Киев): «Вы потрясающие! Мне жаль было с вами расставаться… Ну а то, что сделали цеха за эти четыре дня, – никакому описанию не поддается. Поэтому скажу, как могу: спасибо за то, что вы *действительно работаете в театре*! Спасибо за то, что готовы на *все* в буквальном смысле этого слова! Но самое удивительное случилось за час до отправления моего поезда. Звонит мне водитель и спрашивает, где я. Говорит: «Вам тут кое-что передали в театре!». Я в полной растерянности, думаю, что же это может быть. Он находит меня на вокзале и протягивает гвоздь: «Это вам Володя передал (начальник монтировочного цеха), просил сказать, что поздравляет

вас с отличным показом!». Я беру этот гвоздь, смотрю на него с минуту и понимаю, что это все нереально круто. Ради одного только этого момента стоило сюда приехать».

По итогам режиссерской лаборатории харьковчанина Дмитрия Гусакова пригласили в киевский театр «Золотые ворота».

Конец первого акта.
Антракт.

Все события и имена – реальны. Письма опубликованы с разрешения авторов.

Светлана Лаздина

«Наша заграница»

С Прибалтикой, особенно с Литвой и Латвией, и меня, и мужа связывает многое – родственники, друзья, работа.

В Вильнюсе был похоронен Иван Данилович Черняховский, на могилу которого в 1946 году ездили папа и дедушка, с заездом в Каунас. Положить цветы на могилу Ивана Даниловича я старалась каждый раз, бывая в Вильнюсе, обязательно сообщая об этом Анастасии Григорьевне.

После этой поездки дедушка (папин отец) подробно рассказал о Литве, о Вильнюсе и о городе Ковно (Каунас), где он родился, о детстве в Ковно, о своем доме на улице, которая пролегала между двумя реками Нерис и Неманис, которые сливались рядом, образуя одну реку Неманис (Неман). Рядом возвышался костел и монастырь монашеского ордена францисканцев (сегодня он принадлежит иезуитам). В Интернете можно открыть карту Каунаса, где виден треугольник, образованный слиянием рек и улицей, уже давно без дедушкиного дома.

В Риге жил папин двоюродный брат Федор Могилевский (капитан I ранга) с семьей. К дяде Феде, тете Тане, их детям Олегу и Ларе мы ездили с мужем много раз, а они соответственно к нам. Однажды, уже в 80-е, зашли к Ларе, она жила в центре Риги, рядом с кинотеатром «Рига». В прихожей полотер натирал паркетный пол, а в комнате у сестры паркет был совсем не идеальным. На наше удивление, сообщила, что это бывший хозяин дома, он же управдом, который поддерживает все и надеется снова стать хозяином. В 90-е годы его надежды оправдались, он купил для Лары однокомнатную квартиру за Даугавой и стал снова хозяином и квартиры, и дома.

Там же, в Латвии, в Майори (Юрмала) жили родные дедушки мужа – Петра Петровича Лаздина, которых мы обязательно проведывали при поездках в Ригу.

С 1968 по 1975 год я постоянно ездила в командировки на завод «Жальгирис», расположенный в Новой Вильне, – это 10 км от центра города, и Вильнюсский ЭНИИМС. Естественно, я знакомилась с городом, его культурой, людьми. Руководил совместной работой на заводе Семен Фраймович – кандидат технических наук. С Семеном и его женой Нелой мы подружились, много лет подряд ездили друг к другу в гости, даже после моего ухода из УкрНИИСИПа.

В Каунас я попала первый раз в 1969 году. Во время испытаний станка произошла поломка, и приемную комиссию повезли на экскурсию в Каунас. По дороге заехали в Тракай, осмотрели замок, полюбовались озерами. При въезде в Каунас я обратилась к организатору этой экскурсии с просьбой: можно ли посмотреть на место слияния Нериса и Немана, и если получится, побывать у монастыря, который там расположен. Мне пришлось рассказать о причине моего желания. Моя фамилия и рассказ о дедушке сделали меня «своей», меня приняли, мне доверяли, со мной велись очень непростые в те времена разговоры.

В Каунасе побывали в художественном музее имени Микалоюса Константинаса Чюрлениса. Необычным оказался зал с его картинами без окон (чтобы уберечь акварели от попадания света): все картины подсвечены и звучит его музыка. Послушали «Сонату солнца», получили брошюрку о Чюрленисе, а я купила альбом с его рисунками.

Еще одна достопримечательность Каунаса, куда нас повели, – это небольшой, какой-то квартирный музей чертей. Рассказали, что это единственный подобный музей в мире, созданный в 1966 году на основе личной коллекции художника Антанаса Жмуйдзинавичюса, который коллекционировал чертей, леших, ведьм и прочих существ. Планировал собрать чертову дюжину, то есть тринадцать чертиков. В результате собрал целых 20 дюжин, то есть 260 чертей всех мастей. Столько их и было, когда я там побывала. А на выходе продавали маленьких металлических чертиков, один из них сохраняется до сих пор в нашем доме.

Национальный художественный музей имени М.К. Чюрлениса

В Вильнюсе, в отличие от большинства городов Союза, всегда можно было поселиться в гостиницу, места почти всегда были. Обычно я жила в гостиницах «Вильнюс» или «Паланга». Однажды мест не было ни в одной гостинице города, и огорченный Сеня смог предложить Дом колхозника. Я чаще всего жила в отеле «Паланга», администратор которого порекомендовала мне тогда обратиться в отель «Драугисте» (draugyste – дружба) на ул. Чюрлениса, недалеко от дома, в котором жил Семен. Этот отель принадлежал «Интуристу», и в нем были свободные места. Администратор задал мне много вопросов, после чего внес мою фамилию в какой-то список, и я получила право селиться в номер 415, что я и делала много раз потом. Четвертый этаж – это номера люкс, кроме 415, который состоял из маленькой комнаты (с диваном, журнальным столиком и стулом), к которой примыкала комната для дежурной на этаже и душевая. Отель находился в парке, в нем было очень уютно и всегда стоял запах хвои.

Я поселилась в гостиницу около 8 часов вечера, очень хотелось есть. Этажная посоветовала мне подняться на 9 этаж в кафе. В кафе было пусто, я села за столик. Официантка предложила мне яичницу и кофе, почему-то чая не было. Я сидела спиной к двери, смотрела в окно. Вдруг ко мне обратились по-литовски, подняла голову и увидела Донатаса Баниониса. Ответила, что, к сожалению, знаю только два слова по-литовски. Он спросил разрешения сесть за мой стол и поинтересовался, какие слова я знаю. Знала я от дедушки два слова «ачю, гярэй – спасибо» и «рогас» – это название свадебного литовского пирога, который печется на вертеле. Дедушка приготовил этот пирог на мангале из теста, похожего на бисквитное, в день нашей с мужем скромной свадьбы на даче на Фонтане. Над мангалом приспособил горизонтальное веретено с ручкой. На стержень веретена он приспособил конус из жести, и на него медленно лил тесто, вращая стержень. Получилась вкусная «елка». Однажды я увидела такой пирог в каком-то кафе Вильнюса, и мне продали кусочек попробовать, дедушкин был похож, но, по-моему, вкуснее.

Донатас долго смеялся, уж очень интересным, с его точки зрения, было сочетание этих слов. Мы разговорились. Оказалось, что он, как и мой дедушка, родился в Каунасе, там начал актерскую деятельность. Я об Одессе и Москве, о своем увлечении театрами, музыкой, музеями. Он – о театре в Паневежисе. Проговорили более часа и разошлись, закрывалось кафе. О своем театре он рассказывал с таким увлечением, с гордостью, интересными подробностями.

Постараюсь коротко повторить его рассказ, особенно то, что было необычным.

Паневежисский театр – Литовский драматический театр – был основан в 1940 г. на базе Каунасской театральной студии, которой руководил Ю. Мильтинис. Мильтинис не брал в театр профессиональных актеров, на паневежисской сцене играли его воспитанники. При этом строгого учебного плана в студии не существовало, как и определенного срока обучения: Мильтинис полагал, что разным людям необходимо разное время для овладения профессией. Утром учебно-профессиональные занятия, после обеда шли репетиции, для которых «этюдный

метод» был обязательным. Но и во время репетиций в театре от актеров требовалось безоговорочное доверие и не допускались возражения. Для Мильтиниса была важна личность ученика, он много требовал, но и много давал.

В 1948 году при выезде на первые гастроли Мильтинис водил труппу по Ленинграду, рассказывая об архитектуре, считал обязательным просмотр лучших спектаклей Москвы и Ленинграда. Сам режиссер не только смотрел каждый спектакль своего театра, но и вел спектакли как помощник режиссера, позже давая советы каждому из актеров. Он умел делать в театре все, даже сам красил ткани для костюмов, считая, что в спектакле мелочей не может быть.

Маленький городок… Юозас Мильтинис не боялся, что зрители предпочтут его театру другой. Других театров в городе нет. А это означает еще и то, что не с кем спорить, не с кем соревноваться, не с кем дружить, не у кого учиться. Опасная для искусства замкнутость.

Известность пришла в театр случайно. Группа московских театральных критиков на пути из Вильнюса в Ригу заехала в Паневежис. В состав группы входила известный театральный критик Н. Крымова, которая и опубликовала хвалебную статью о театре Паневежиса в газете «Известия». Мнение столичной прессы оказалось определяющим, Мильтиниса начали хвалить – даже за то, за что ругали раньше. После этого на каждую премьеру в Паневежис отправляются автобусы театральных коллег из всей Прибалтики и не только.

Прошло пару дней, я после работы читаю, вдруг этажная Берта (мы с ней подружились) говорит мне: «К вам мужчина», – и улыбается. Я очень удивилась. Вошел Донатас. Он сообщил, что уезжает, принес мне приглашение в Паневежис на спектакль по пьесе Г. Ибсена «Гедда Габлер», в котором играл Тесмана. Обменялись адресами и телефонами. Я выразила надежду на встречу в Одессе.

В театр Паневежиса я попала только в 1972 году, в сентябре. Я предварительно созвонилась с Донатасом. Он очень четко объяснил, что и когда делать. Возле вокзала г. Вильнюса специальный автобус ждал театралов и вез в Драматический

театр Юозаса Мильтиниса в г. Паневежис на спектакль Г. Ибсена «Гедда Габлер». Ехали около двух часов. Дорога очень живописная.

Вот мои впечатления о театре и спектакле. Театр небольшой, помню только сцену. Театр меня поразил, игра – я такой еще не видела. Все просто, я бы сказала, даже аскетично. Пьесу Ибсена я прочитала дома в Одессе. Пьеса показалась мне неинтересной, страдания героини не вызывают сочувствия, а восторги Тесмана по поводу всяких мелочей быта непонятны, действие слишком растянуто, и все мрачно.

В постановке Мильтиниса все тоже просто, но мудро. Актерам позволено иногда жестом, взглядом, позой усилить или скорректировать текст пьесы, не меняя смысл. В спектакле Гедда Габлер (актриса Эугения Шулгайте) – это история не о том, как она не может принять мещанский быт и жизнь в нем. А о том, как страшно, когда и любовь, и творчество – всё мимо, и нет в твоей жизни никакого смысла. А тут еще беременность (в тексте только маленький намек, а на сцене – подчеркивание жестом) не по твоему желанию и воле – ты лишена на это права. И единственное решение, которое может принять Гедда, это исчезнуть, не мешать. А Тесман (Донатас Банионис), освободился, впервые забыв о ней, с головой уходит в работу – он вместе с Теа восстанавливает книгу Левборга, убитого Геддой. Они склонились над столом, объединенные чем-то неведомым, недоступным Гедде. Эта последняя сцена вызывает улыбку. Занавес, конец. По окончании спектакля занавес не поднимается для выхода актеров на поклоны – нельзя «испортить впечатления зрителя от спектакля».

Банионис тут же после спектакля пошел показывать мне город, который расположен на обоих берегах реки Невежис (приток Немана). Я поделилась впечатлением от спектакля. Он искренне радовался, что мне понравилось, что я все правильно поняла и оценила. Посмотрели красивый парк вдоль реки, на улицах встречаются небольшие скульптуры, много маленьких кофников. В одном из них попили кофе. И снова автовокзал, автобус на Вильнюс, попрощались. Лет десять подряд обменивались поздравлениями с Новым годом. Отправила два альбома об Одессе,

Площадь Лайсвес. Прямо драматический театр имени Юозоса Мильтиниса, справа памятник ему – руководителю, выдающемуся режиссеру и актеру

получила письмо с благодарностью. В Вильнюсе была еще в 1984 году, не дозвонилась.

На современном фото площадь Лайсвес (laisvės – свобода), 5а, где расположен театр. Но когда я его увидела, то за ним не возвышалась гостиница, а перед входом не было памятника Мильтинису.

Вот такая история.

Вильнюс. Еще два удивительных события подарила мне судьба в 1973 и 1974 годах.

12.06.1973 г. я приехала в командировку, поселилась в гостиницу «Драугисте», в «свой номер», поздоровалась с этажной Бертой. Она сообщила, что 13 вечером большой заезд, приезжает американский оркестр. Оркестр такой многолюдный, что разместится на трех этажах, в том числе и на нашем.

Утром в вестибюле гостиницы висела афиша «14 и 15 июня 1973 года в филармонии состоятся два концерта Симфонического

оркестра г. Сан-Франциско под управлением главного дирижера и художественного руководителя симфонического оркестра Сейжи Озава». Не стоит долго рассказывать, но 14 я, убедившись, что билетов нет, а барыги здесь не водятся, стала к окошку кассы часа за два до начала. Простояв более часа, оказалась первой. В это время какая-то пара предложила билеты на завтрашний концерт – я их купила. Кассир, милая женщина, разговорилась со мной, узнав, откуда я и почему здесь, пообещала что-нибудь придумать. За 5 минут до начала концерта к ней в кассу вошел мужчина и что-то ей сказал. Когда он вышел, она обрадовано сообщила, что есть 2 билета, за ними не пришли. Так я попала на концерт. Первый и последний раз сидела в первом ряду прямо под ногами дирижера, а рядом с опозданием села кассир. Я купила оба билета, но один оставила в кассе.

Два слова об улице, на которой расположена филармония.

Улица Аушрос Варту – старинная улица в Старом городе Вильнюса. На ней расположена Национальная филармония Литвы,

Литовская национальная филармония

куда в свободные вечера неоднократно ходила. Недалеко Острая брама – один из символов католичества, о котором читала у К. Паустовского и рассказывал дедушка.

Однажды зашла в этот костел, внутри величественный, с большим распятием и удобными стульями. Было пусто. У входа на стендах висело большое количество маленьких ног, голов, рук и т. д. Подошедший ко мне пастор все пояснил. Если хотите помолиться о здоровье своем или кого-либо из близких, покупаете «орган», который причина недуга, – и на стенд. Пастор, побеседовав со мной и выслушав просьбу увидеть чудотворный образ Матери Божией Остробрамской, проводил в часовню, и я провела несколько минут перед золотой иконой, при этом исполнила все его наставления.

Искренне благодарна моей бабушке за совет сохранять программки всех спектаклей и концертов, на которых побывала. Вот передо мной лежит программка величиной А4, на которой на фоне вечернего города и знаменитого моста написано: San Francisco Synphony Orchestra, Seiji Ozawa, Conductor&Music Director, 1973 Tour Europe/U.S.S.R. Все дальше на четырех языках (без русского) об оркестре, дирижере, солистах, в конце немного о Сан-Франциско, а на последней странице даты и города, в которых грядут концерты. Всего 19 городов с 15 мая по 21 июня (Франция, Германия, Швейцария, Австрия и СССР – Ленинград, Вильнюс, Москва). Три концерта в Ленинграде, два в Вильнюсе и четыре в Москве. Внутри есть программка Госконцерта СССР на русском об оркестре и дирижере, а в ней еще одна маленькая, напечатанная в Вильнюсе, в которой даты и программы концертов.

Первый концерт в Вильнюсе состоялся 14 июня.

Первое отделение: Лорен Раш (Loren Rush) – Симфоническая поэма «Небесный посланник»; Петр Чайковский. Концерт для фортепьяно с оркестром № 1.

Второе отделение: Бела Барток. Концертная сюита из балета «Чудесный мандарин».

Первое, что удивило, – это огромность оркестра. Второе – расположение инструментов в оркестре, которое сильно отличалось от советских оркестров (сейчас не отличается). Третье – количество

разных инструментов. На сцене кроме обычных инструментов было устройство, на котором висели куски рельсов, разные железки и колокола, несколько арф, несколько гитар и слева прижатый к стене рояль.

Л. Раш – американский композитор, современный, экспериментатор, который пытался внести в классическую музыку стили джаза. Начиналась «поэма» небольшой мелодией на рояле, потом вступили арфы, далее началась такая какофония гитар, ударных, духовых, среди звуков которых услышать струнные было практически невозможно, хотя они играли. Периодически этот шум заглушали удары о рельсы. Закончилось все звоном колоколов и пассажами рояля и гитар.

После подготовки к музыке Чайковского оркестр преобразился в классический, рояль оказался в центре сцены, солист Андре Вотс (Andre Watts) исполнил концерт великолепно.

А теперь о дирижере. Сейжи Азава, о котором мы читали в журнале «Америка», – удивительный дирижер, складывалось впечатление, что он не дирижирует, а танцует и прыгает (сидела я прямо против дирижерского пульта), особенно при исполнении музыки Лорена Раша. Даже музыка Чайковского вызывала в нем много эмоций, но звучание оркестра было неповторимым. Тогда он уже был известен как выдающийся дирижер, соратник Леонарда Бернстайна. Одет он был в белую водолазку и черные брюки, небольшого роста, с лохматой головой.

Первый концертный день я запомнила на всю жизнь, он сильно отличался от нашей манеры исполнения, непривычная американская музыка, другой оркестр, удивительно звучащий рояль и такой дирижер.

Концерт 15 июня. Только одно отделение:

Чарлз Айвз – Симфония № 4.

Гектор Берлиоз – Фантастическая симфония.

Чарлз Айвз – было интересно снова прослушать американскую музыку начала XX столетия, проникнутую мелодиями кантри.

А музыка Берлиоза даже Сейжи Азаву вынудила дирижировать спокойно, и лишь изредка проявлять эмоции. Да и сидела

я значительно дальше, поэтому хорошо видела расположение инструментов в оркестре.

Не помню свое возвращение в гостиницу после первого концерта, хотя Сейжи Азава жил в номере люкс на том же 4-м этаже, как и часть оркестрантов. А после второго запомнила. Войдя в номер, я увидела рыдающую Берту, которая рассказала, что вчера ей отдали белые водолазки дирижера, она их постирала, высушила и отнесла в номер. А они их бросили в мусорную корзину, вроде они ей их подарили. Я стала успокаивать ее, ведь мы не знаем их нравов, и все забудется.

Вот так с высоты прекрасного на бренную землю.

После первого концерта утром на заводе я поведала свои впечатления, удивив всех моей настойчивостью. Они даже не помышляли попасть на концерт, все билеты были проданы давно и распределены, как всегда тогда, не тем. Нужно сказать о способности нас – одесситов – использовать любые возможности («лишние билеты», барыги, просьбы к администраторам, даже подкуп билетеров при входе), но попадать на интересные концерты и спектакли в любом городе Союза. На второй концерт я пригласила Нелу, чем привела в восторг Семена.

А после Вильнюса я должна была заехать по делам в Москву. Остановилась у друзей – Гали Макаровой и ее мужа, концертмейстера Большого театра Лени Базилевича. Леня с грустью сообщил, что в Москве на гастролях Сейжи Азава с оркестром, а попасть невозможно. Показала проспект и программку и все подробно описала. Можете представить реакцию.

Вот еще одна программка-проспект из Вильнюса.

1974 год, зима. Прилетела в Вильнюс, сразу на завод. Привезла документы на новую разработку. По дороге увидела афиши – открытие Национального оперного театра, нового здания, труппа «Сити Сентер Джоффри Балет» США.

Мой брат (Марк Артурович Орлов – известный московский архитектор, много работал с молодыми вильнюсскими архитекторами при строительстве нового района Лаздинай, его институт проектировал для этого района торговый комплекс – первый в Союзе супермаркет) много рассказывал мне о строительстве

здания театра. Особенный интерес вызывала акустика театра. Ее качество обеспечивал потолок, который был выполнен из плотно расположенных друг к другу и вертикально к потолку металлических трубочек разного диаметра.

После работы поехала к театру – касса закрыта, обратилась на первом этаже к администратору, рассказала, откуда я и почему так хочу посмотреть театр. Милая женщина объяснила, что она бессильна. Вопрос может решить только директор. Нужно подняться на второй этаж. Поднимаюсь вдоль стоящих на лестнице людей, хочу посмотреть, где же кабинет директора. Подхожу, открывается дверь, выходит статный мужчина, останавливается рядом со мной, по-литовски вызывает несколько пар по бумажке, кладет левую руку мне на плечи и заводит в кабинет (уверена, не без участия милой женщины – администратора, никакие другие мысли в голову не приходят). Сажусь в самый дальний уголок, больше всего боюсь, что заговорю по-русски, и он меня выпроводит. После ухода всех обращаюсь только с одной просьбой – посмотреть театр и уйти. Он помогает снять шубу, улыбается и приглашает в директорскую ложу. Немаловажно еще, что открытие театра совпало с гастролями труппы «Сити Сентер Джоффри Балет» в СССР. Об этом балете и Роберте Джоффри мы тоже читали в журнале «Америка». Почему-то запомнилось, что в труппе нет разделения на солистов и кордебалет, двери открыты для балетмейстеров всех направлений, и в труппе имеется балет толстушек. В моей программке – фото всех руководителей, балетмейстеров, балерин и танцоров, представлены фото и краткое описание 13-ти одноактных балетов, где чередуется классика и современный американский балет. Все 13 одноактных балетов были исполнены. Очень интересно было видеть «Нью-Йоркский экспорт, опус Джаз» в постановке Д. Роббинса из мюзикла «Вестсайдская история».

В антракте я стала осматривать театр. В театре 1141 место. Потолок действительно состоял из трубочек разных диаметров. Поразила роскошь и современность фойе. На всех этажах в центре фойе были расположены овальные стойки – бары, стойки – кафе. Много цветов, кресел, пуфов. Мягкие дорожки на лестницах.

Литовский национальный театр оперы и балета

Очень оригинальное освещение, оригинальные люстры. Главный северный фасад здания театра обращен к реке Нярис. Внешне наш одесский театр оперетты похож на вильнюсский оперный, но меньше и скромнее внутри.

После спектакля директор сразу куда-то умчался, шуба моя осталась у него в кабинете. Мне ничего не осталось, как снова осматривать театр, я была не одна, многие не расходились, осматривали и восхищались. Пошла попила кофе, еще раз осмотрела потолок. Не помню расположения балконов по боковым стенам. Наконец появился директор, извинился. Забрала шубу, обменялись адресами. И только тут я поняла, что передо мной – Виргилиус Норейка. Я слушала его в Большом в моей любимой опере «Травиата». Официально художественным руководителем и директором театра Виргилиус стал в 1976 г., по 1991 г., а тогда он был и. о. Поздравляли регулярно друг друга с праздниками. Встретились только через 10 лет в Одессе, приехал с женой. Позаботились об отдыхе, побывал в нашем театре, был очарован Одессой.

Еще хочу сказать, что в Вильнюсе всегда в книжных магазинах было много разных книг – поэзия, альбомы, подписные издания и т. д.

Много еще всего связано с этими свободными теперь странами. А в те уже далекие времена отношение на бытовом уровне часто было враждебным, особенно к русскому. Честно признаюсь, часто в магазинах, чтобы не услышать в ответ на просьбу купить что-либо «су талонас» – все по талонам, спрашивала українською, и это помогало решать разные проблемы.

Георгий Юнгвальд-Хилькевич

Фильм «Д'Артаньян и три мушкетера»...

…был мифом. Мечтой. Загадкой. Фильм звал к подвигам, к романтической любви, учил добру и настоящей дружбе. Зрители плакали и смеялись, переживая за смелых, находчивых, сильных и мужественных героев. Пропитанный мощной аурой любви, он заставлял юные сердца замирать и биться учащеннее.

В этом и есть бессмертие картины. Ее живучесть и внутренняя сила.

Фильм прошел испытание временем, что является доказательством его талантливости. Вот поэтому и хочется восстановить в памяти все, что происходило тогда на площадке. Узнать, что осталось за кадром и что сохранила память создателя этого музыкального шедевра.

Помню, на премьере со мной случилась настоящая истерика. Слезы катились от переполнявшей меня любви к экранным героям. А еще оттого, что отца я ощутила чистым гением. Это было моим сильным юношеским потрясением.

Итак, режиссер Георгий Юнгвальд-Хилькевич рассказывает о том, что было.

Наталия Юнгвальд-Хилькевич

Я влюбился в мушкетеров окончательно и бесповоротно в детстве, когда прочел роман, лежа в гипсе.

Сейчас невозможно вспомнить все количество литературы, прочитанной мной при подготовке к съемкам. Весь объем проделанной иконографической работы. Это был колоссальный труд. Мною был поднят целый банк информации. Я влез в эпоху – в традиции, обычаи, манеры. Находил литературу, в которой описывалось, как и что ели, как разговаривали, вплоть до того – сколько

раз мыли руки. Во что играли на улицах дети, как выглядели парижские улицы, что носили. Я узнал все о разных сословиях. Второй план фильма был сделан точно по описаниям путешественников и современников. Ведь все эти люди существовали на самом деле. Картина должна была быть очень достоверна.

Когда я начал снимать, то был уверен только в двух вещах: что Людовика XIV будет играть Табаков, а Анну Австрийскую – Алиса Фрейндлих.

Табаков

Олег Павлович – гигантский актер. Я никого не могу с ним сравнить в его точном ощущении стиля и жанра. Он у нас такой – единственный. У него – отдельное, ни на кого не похожее дарование. Табаков приехал на пробы с готовым решением роли. Он хотел сыграть Людовика – бюрократа, чинушу, туповатого и самонадеянного человека. В то время это прозвучало бы очень злободневно.

Каждый из актеров, приходя на площадку, волновался. Ведь каждый из них ехал к тогда еще неизвестному режиссеру и не знал, что его ждет.

Я хорошо это понимал, но сказал Табакову: «Олег Павлович, я вас обожаю, я перед вами преклоняюсь, но у меня совсем другой замысел».

Табаков насторожился.

«Для меня Людовик XIV – экспонат энтомологической коллекции, такая пришпиленная бабочка. Его судьба прилепила к царскому креслу, как насекомое. Он должен быть королем, а по сути он – не король».

Известно, что Людовик прекрасно делал мебель и любил это занятие.

«Это все слова, – ответил Олег Павлович. – Ты лучше скажи: как это играть?»

«Надо играть человека очень маленького роста, который хочет быть выше. Он все время лезет из кожи вон, чтобы произвести солидное впечатление. Это карлик, который хочет казаться гигантом».

«Ладно, – согласился Табаков. – Попробуем…»

Фрейндлих

С Анной Австрийской – Алисой Фрейндлих поначалу возникла проблема. Шел первый съемочный день, Алиса Бруновна только приехала из Ленинграда. Никаких репетиций еще, конечно, не было. Я стал рассказывать, что Анна – полуиспанка-полунемка, говорил о смешении кровей, о привычках, даже о нижнем белье, которое носила Анна Австрийская.

И вдруг она мне признается, что не знает, *как* играть, а я ей все время рассказываю, *что* играть.

А мне-то казалось: вот приедет Алиса Бруновна и сама все сыграет. А не тут-то было. У меня началась паника. Я не очень понимал, чего от меня хотят.

И я начал рассказывать об Анне Австрийской целые легенды, благо материалов о ней прочел массу. О том, что Анна была затравлена, терпела издевательства кардинала, ненавидевшего королеву за то, что отказала ему в близости. Спала на дырявых простынях по милости мстившего ей Ришелье. Что король был полностью под его влиянием и позволял проводить такие экзекуции над собственной супругой.

А Фрейндлих опять: «А как это играть?».

Кончилось дело ее истерикой: «Я бездарная, я ничего не могу!».

Я – в тупике, потому что опять не понимаю, чего она от меня хочет. Я ведь все ей рассказал, а она капризничает. Она хотела профессиональной режиссуры. Просила подсказать «зерно роли».

Уже ночь на носу. Нас вот-вот выгонят из Дворца бракосочетания, где мы работаем. Утром должны женихи с невестами прийти, а я не снял ни одного метра.

А снимался в тот день эпизод, когда д'Артаньян привозит подвески. Спит сидя, к нему подходит королева, Боярский ее хватает на руки, думая, что пришла Констанция, и видит, что это – Анна Австрийская.

Королева уходит, протягивая напоследок д'Артаньяну руку, и мушкетер ее целует.

И вдруг Фрейндлих спрашивает: «Почему затравленная Анна не побоялась подарить такую заметную вещь, как подвески?»

Я думаю: а действительно, почему?

Говорю: «Алиса Бруновна, я сейчас погуляю по садику. И если ничего не придумаю, отменю смену. А если придумаю, то мы за оставшиеся десять минут все успеем снять».

Я вышел гулять и стал думать. В чем же дело? Анна подарила подвески, потому что Бекингем попросил преподнести ему то, что носила она сама, что бы мог носить и он. Но почему она решилась на такую заметную вещь? Почему отдала подарок мужа-короля? Я попытался поставить себя на место Анны Австрийской, представил себе, что меня унижают, и вдруг меня осенило.

Вернулся во Дворец бракосочетания и говорю: «Алиса Бруновна, если я не смогу убедить вас своим предложением, отказывайтесь».

«Во-первых, она – испанка, – начал я. – И подзывает д'Артаньяна этаким щелчком пальцев».

Вижу, у Фрейндлих загорелись глаза.

Продолжаю: «А подвески она подарила потому, что единственное, чем она могла, извините, насрать королю, так это отдать его же подарок! Испанское проявление непокорности, наряду с австрийской расчетливой холодностью».

Мое предложение показалось Фрейндлих тем ключиком, которого ей не хватало, и эту сцену мы действительно сняли за десять минут. Так она и вошла в фильм. И роль Анны Австрийской заиграла всеми гранями.

И тогда я придумал для каждого персонажа «фишку», подпорку, что ли, через которую точнее раскрывался бы образ.

Боярский

Например, у Миши Боярского это был образ этакого щенка, которому по морде треснули, а он хвостом машет. «Я буду убит мушкетером!» – и это вызывает восторг. Эта восторженность по любому поводу – ключ к роли д'Артаньяна.

Я их всех ужасно любил, а Мишку Боярского – больше других и по сей день. Пусть простят меня остальные! Было какое-то чувство обожания. Назло всем «голубым» скажу: «Можно любить мужика, будучи патологическим гетеросексуалом».

Я приехал в Петербург, Миша пришел в гостиницу. Посмотрел я на него и сказал: «Будем пробовать вас на Рошфора». К тому времени на роль д'Артаньяна был уже утвержден Саша Абдулов. Боярский ответил: «В этой картине готов играть даже дворника».

Его одели в костюм… Он зашел в павильон…

…и тишина наступила на Одесской студии.

Думаю: «Что такое, почему так тихо, пожар, что ли?»

Потому что на студии всегда галдеж. Замолкают, только если что-то серьезное случится.

Поворачиваюсь: передо нами стоит д'Артаньян. Единственный и неповторимый.

И с Мишей все было решено.

Смирнитский

Я знал, что Портоса будет играть Смирнитский. Он и я дружили с Викой Федоровой. Я видел его в картине «Двое». Актерски мне он нравился. Правда, он был худым и высоким, но согласился набрать килограммы. Кстати, когда мы его пробовали, у него была сломана нога. На пробах он был в гипсе, и я пребывал в неизвестности: снимут ли ему гипс в срок? Но другого Портоса я себе уже не представлял.

Смирнитский играл человека рассудительного, но недалекого. Он должен был реагировать немного неадекватно обстоятельствам. Неожиданно захохотать или совсем неуместно вытаращить свои огромные глаза, изумиться в тот момент, когда изумляться нечему. К чему он относился адекватно – так это к пьянке и еде. Сначала Вале «толщинки» делали, а потом он и сам растолстел.

Старыгин

Арамис выглядел страшным сердцеедом, но всю жизнь любил одну женщину. Будучи ханжой, Арамис придумал себе такой имидж, чтобы скрыть истинные чувства. В результате Камилла де Буа Треси родила от Атоса Виконта де Бражелона. В мужской

одежде она случайно встретилась с Атосом и, приняв его за священника, решила соблазнить. Атос не возражал. Оба были инкогнито. Спустя положенное время она родила. Ее изгоняли из Парижа, ее притесняли, а она снова и снова возвращалась. Камилла де Буа Треси – вот что было вышито на платочке, который подобрал д'Артаньян. И Арамис вызвал д'Артаньяна на дуэль, потому что его любовь была страшной тайной.

Игорек Старыгин, такой удивительный, такой молчаливый иезуит, симпатичный, в которого влюбляются женщины… хихикающий в свои бархатные усики, такой тонконогий, такой вроде бы всегда ни при чем. «Тут что-то было? Не знаю. Я здесь – случайно».

У Игоря была одна привычка. После того, как он выпивал хотя бы 200 грамм, он ко всем в кадре обращался не д'Артаньян или Портос, или Атос, но только – Арамис. Он не нуждался в поисках «зерна» роли. Это «зерно» было его сущностью.

Старыгина на роль Арамиса мне порекомендовал кто-то из актеров. Правда, озвучивал свою роль не он, а Игорь Ясулович. Переозвучивали мы с разрешения Старыгина. У Старыгина небольшой дефект речи, даже приятный в жизни, но в фильме этого не должно было быть. Ведь Арамис – совершенство, «рафинэ». Они с Ясуловичем побеседовали. И на озвучании их тембр почти совпал. Ясулович Игорю специально подражал. И получился вот такой персонаж.

Смехов

Атос – это сплошное благородство и резонерство. Сниматься в роли Атоса должен был Вася Ливанов. И он был единственным кандидатом. Но Ливанов – человек сложный. Он два раза приезжал в Одессу на пробы. На него надели костюм, сделали прекрасные фотопробы. И все было замечательно. Но потом Вася пропал и до конца съемочного дня не появился.

Я же был подневольным начинающим режиссером и не мог утверждать актеров без проб. И должен был пробовать до победы.

Я понял – значит, не судьба. Не случилось Василию Борисовичу сыграть Атоса. Зато он стал Холмсом.

Поехал я тогда в Москву и увидел в театре на Таганке спектакль «Мастер и Маргарита». Воланда играл Смехов. Сцена, когда он читает рукопись, меня просто потрясла. Это был гениальный режиссерский ход, и Веня его отыграл потрясающе. Настоящий Атос! Благородный, сдержанный, бледный.

Вообще-то, мушкетеры были наемниками. В основном они занимались мародерством. Убивали на дуэли и надевали сапоги жертвы, если те по размеру подходили.

Д'Артаньян был карьеристом. Он вовсе не мечтал поступить в мушкетеры. И он в этом откровенно признается: «Я приехал в Париж продать свою ловкую руку, шпагу и душу тому, кто больше заплатит».

Так случилось, что его друзьями стали мушкетеры.

Атос был когда-то богатым человеком, но все пропил.

Арамис был скрытным и замкнутым.

Портос жил за счет престарелой любовницы, госпожи Кокнар, которая предоставляла ему и лошадь, и экипировку.

Но все вместе мушкетеры становились Дон-Кихотами.

Все ребята в чем-то повторили судьбы своих героев – конечно, с поправкой на эпоху.

Две Миледи

Представьте себе, что первой на роль Миледи пробовалась и даже была утверждена вовсе не Терехова. Миледи должна была сыграть Елена Соловей.

Во время проб произошел курьез. Лена приехала в Одессу. На нее подогнали костюм, на живую нитку. Отрепетировали. Снимаем. И вдруг во время пробы у нее обнажилась грудь. Огромная и очень красивая. Все замерли. А Соловей, как ни в чем не бывало, продолжает играть сцену.

Я говорю: «Стоп! Лена, извини, но у тебя все видно. Давай зашьем».

Она говорит: «Да не обращайте внимания. Работаем дальше».

Но был один серьезный нюанс, мешающий работе, который Соловей в ближайшее время собиралась устранить. Она была «чуть-чуть» беременна и должна была сделать аборт. Поэтому была утверждена. И все по поводу Миледи были спокойны.

Вдруг перед самым началом съемок Лена звонит мне и говорит: «Георгий Эмильевич, я рожать решила. Не могу я сделать аборт, он уже шевелится».

Я в обмороке. Думаю: каково Никите Михалкову, у которого она снимается?!

Михалков, говорят, ее чуть не задушил. Он доснимал в «Механическом пианино» уже совсем глубоко беременную и оттого совсем круглую Лену. А я, увы, был вынужден отказаться от работы с Соловей. Если бы дело дошло до съемок, у меня Миледи к концу второй серии уже была бы на девятом месяце. От кардинала Ришелье, вероятно. Была бы беременна Мордаунтом. Если б я знал, как тяжело мне дадутся «Двадцать лет спустя», я бы выстроил сюжет так, чтобы Мордаунт всех мушкетеров передушил – лишь бы не снимать «Виконта». Мои мушкетеры на «Двадцать лет» меня просто достали. Хорошие мальчики стали известными и неуправляемыми. На «Двадцать лет спустя» это были уже суперлюбимцы народа. Совсем другие люди. На меня они смотрели свысока. Но об этом вы прочтете в главе «Узник замка Иф».

А теперь вернемся к образу Миледи.

Срывалось все. Съемки должны были вот-вот начаться. Я был просто в ужасе. Я не знал, что делать! Тот замысел, который был придуман для Соловей, уже не действовал. И тут я понял, что нужно употребить один известный прием.

Как в живописи. Натура красная – девушка в красном костюме на фоне красного одеяла. Работаешь, работаешь, и ничего не получается… Тогда берешь – и центральную фигуру переписываешь ультрамарином. Резкий контраст. И вдруг все выявляется. Вот по этому принципу я и пошел.

И стал я переписывать сценарий под эдакую «Джеймс Бондшу». Чтобы на лошади скакала. Дралась ногами. Образ, прямо противоположный мягкой Соловей.

Нашел Терехову и говорю: «Ритка, спасай».

А она мне: «Ну-ка, попробуй свалить на рост. Боярский высокий».

Это была шутка. Дело в том, что когда она приехала пробоваться на роль в «Опасных гастролях», то сказала: «Меня все равно не утвердят. У меня нос».

А у нее в то время кончик носа был курносенький. И он придавал ей обаяние. Рита снялась такая в фильме с Джигарханяном, еще до пластической операции.

Но дело было совсем не в ее внешности. Проба была прекрасна.

В Госкино мне сказали: «Хотите снимать Высоцкого – снимайте и Пырьеву». А я очень хотел снять Высоцкого в «Опасных гастролях» и уступил им. И я отказался от Риты во имя Высоцкого. Я – не борец. Во имя чего-то одного я порой отказываюсь от очень многого.

Вероятно, Терехова была немного обижена на меня.

На «Д'Артаньяне и трех мушкетерах» опять случилось что-то подобное. Сказали: «Бонасье должна быть Алферова».

Я согласился. И еще: «Миледи – Пенкина».

Когда я услышал это, я швырнул документы, запил и уехал в Питер.

Сказал: «Не буду я снимать ваших «Мушкетеров» или буду снимать так, как я хочу».

В общем, от Пенкиной мне удалось отбиться.

Я честно рассказал обо всем Рите. О том, что пробовалась Соловей, что это сорвалось. Что переписал сценарий под нее. А Терехова мне отвечает: «Хоть ты и сукин сын, но я согласна. Учти! Буду диктовать условия».

Конечно, ничего она не диктовала. Работала великолепно.

Я говорю: «Согласен».

И Терехова приехала.

Мы надели на нее шифоновую кофточку, без лифчика. Впервые в истории советского кинематографа в кадре была видна женская грудь не в течение одного стыдливого мгновения, а практически постоянно.

Привез я на телевидение эти пробы показывать. Главный редактор погрозила мне пальцем и сказала: «И хотя так делать нельзя, это очень красиво. Если хотите – снимайте. Терехова хороша. Но вкус у вас все равно плохой».

У Тереховой грудь, как у Марии-Антуанетты. В «Истории нравов» Фукса есть слепок из стекла – бюст Марии-Антуанетты. Это образец, самый красивый бюст в мире. Вот такая грудь и у Риты. Невероятной красоты. Я говорю об этом не как мужик, а как художник. У Риты вообще все красиво. Красивые ноги. Хоть она и не балерина – но ноги у нее, как у Кати Максимовой. Она очень

красиво бегает. Миледи в «Трех мушкетерах» получилась абсолютной формы. Сексуальная, вероломная. Я остался ею доволен.

Когда пробы были утверждены, все собрались и пошли отмечать. Макс Дунаевский, я, Миша Боярский и еще толпа народа. С той пирушки даже фотография сохранилась – пьяный Макс, играющий на рояле.

Пригласили нас в кафе. Оно располагалось в каком-то подвальном помещении. Жара стояла дикая, а в кафе была комната, обложенная льдом. Кондиционеров мы тогда еще не знали – это была просто обратная сторона большого морозильника. И мы туда заходили остыть после танцев. После чего все, конечно, заболели.

Остыл я после очередного па и вышел в зал. Смотрю: Дунаевский стоит, а его какой-то мужик к стене прижал и сует кулак в бок. Оказывается, Дуня пристал к его девушке, а мужик оказался «крутым». Все были, конечно, хорошо «разогретые». Я увидел, что моего композитора убивают, и бросился на помощь. Заехал бандиту по зубам. Макс тут же сбежал, а я остался. И тут начали мочалить меня. Я отбиваюсь. А сам смотрю, нет ли подмоги. Кто-то из дам побежал за подкреплением. Их-то двое, а я – один. Боюсь только одного: кто-нибудь меня пнет по ноге, я упаду, и тогда все. Про травму мою юношескую вы знаете.

Одного я ударил, он упал, образовалась легкая свалка. Боли не почувствовал. Потом выяснилось, что три пальца себе сломал. А Мишка за толстым слоем льда сидит себе с девицами и ничего не слышит. И вдруг в тот момент, когда мне в зубы залепили, откуда ни возьмись выскочил Боярский. И – враги побежали! Как в фильме. И тут появляется Макс Дунаевский: «Где они? Сейчас я…». Ну прямо Планше из романа Дюма.

Дунаевский

Я любил работать с Дунаевским. Почему? Потому что Максиму всегда было можно рассказать словами, что я хочу. Когда я начинал снимать «Три мушкетера», песни нужно было заменить или придать им новую современную интерпретацию.

Макс меня понял и сделал это. Но, увы, это создало первую конфликтную ситуацию с авторами сценария. Неизменным остался

один номер – песня «О кардинале»: «Ли-ла-ли-ром», и дуэт с Констанцией. До сих пор эти номера, как бельмо на глазу. Кроме этого был необходим шлягер – песня мушкетеров. И я напел, вернее, наговорил ритм и привел музыкальный пример Максиму из пародийного американского фильма о трех мушкетерах. Ритм должен был определять стук копыт. И сказал, что эта песня должна нравиться всем, чтобы ее было легко спеть. Чтобы все, начиная от пьяниц, заканчивая детьми, смогли это спеть. И Дунаевский написал мелодию для «Пора-пора». А Ряшенцев, несмотря на то, что Розовский категорически возражал, и мы были в конфликте по поводу музыкальной концепции фильма в целом, как человек талантливый переступил через собственные амбиции и, загоревшись от мелодии, удачно подтекстовал ее. Тогда и появился шлягер, который Михалков, подшучивая, использовал в «Родне».

Также и Дербеневу я мог задать смысловой ритм, и он точно и талантливо это делал. Я приводил аналоги из опер, например тему рока в «Пиковой даме». А он воспроизводил по-своему. Но это уже было в фильме «Двадцать лет спустя».

С Максом Дунаевским никогда не было конфликтов. Но он – человек неуловимый, как мыло. Как мячик. Вроде любит тебя до гроба и вроде обаятельный такой. Потом исчезает – и с концами. Ненадежный ужасно. Очень талантливый человек, очень обаятельный, но грех такой за ним водится.

Наконец – съемки

Боярский специально для роли отрастил длинные усы. Они даже уже закручиваться стали. Гример решил подвить кончики. И тут случилась трагедия. Один ус был сожжен полностью. Миша чуть не умер от расстройства. Пришлось подклеивать. Много было таких смешных вещей.

Скажем, экспедиция во Львов. Администрация приехала первая. Затем начали съезжаться актеры.

«Михаил Абрамович, – предупредил я директора фильма, одессита. – Люди, которые будут сниматься в «Мушкетерах», – очень хорошие актеры и очень хорошие люди. Но если что не так,

они могут «послать». Так что делайте для них все по высокому разряду».

Михаил Абрамович Бялый послушал меня, но, как всякий одессит, решил сэкономить на артистах.

«Куда их поселили?» – спрашиваю.

Говорит: «В гостиницу «Колхозная».

Сами понимаете, какое название, такое и содержание.

«Актеры – народ суровый, – предупредил я. – Смотрите, нарветесь».

Терехова, Веня Смехов и Валя Смирнитский прилетели втроем.

В аэропорту их не встретили, и им самим пришлось добираться до гостиницы. А там не оказалось воды, никакой.

Я прихожу к себе в номер после съемки, открываю двери и вижу: все артисты – у меня. На моей кровати торчат ноги в чулках – спит Рита Терехова. Ноги запачканы, потому что она туфли сняла и ходила босиком. На другой кровати спит Смехов, на третьей – Смирнитский. У меня был двухкомнатный номер с кучей кроватей и диванов. Я жил с женой Таней. Она у меня вторым режиссером была на картине.

Я захожу. Они проснулись. Смотрят на меня зло и молчат.

Я говорю: «Понял. Сейчас директора приглашу».

Набираю телефон Бялого и говорю: «Михаил Абрамович, зайдите, пожалуйста».

Пришел Бялый. Я улыбаюсь ему и приглашаю войти. А сам вышел в коридор. Слышу за дверью дикий мат…

Через минуту выходит Бялый, красный, как свекла.

«Ну, что?» – спрашиваю.

«Вы были правы, Георгий Эмильевич. Это очень хорошие актеры, им нужно сделать номера лучшие во Львове».

Ушел и расселил всех тут же...

Продолжение следует

К 120-летию Эдуарда Багрицкого

Ростислав Александров (Александр Розенбойм)

Беседы с Николаем Харджиевым

Звезда в честь Эдуарда Багрицкого.
Открыта в 2015 году на Ланжероновской

У Александра Розенбойма в одесской литературной плеяде 20-х годов XX века было много любимых героев. Бабель, Катаев, Олеша, Паустовский. Но одной из самых трепетных, прошедших сквозь всю его жизнь в литературе, оставалась юношеская привязанность к Эдуарду Багрицкому.

Не перечислить людей «из того времени», с кем общался Розенбойм в поисках новых сведений о Багрицком. Это и все три сестры Суок, и Валентин Катаев, и Филипп Гопп, и красноармейцы отряда, в который был зачислен Багрицкий. Сотрудникам Одесского литературного музея предстоит огромная и кропотливая работа, когда они будут разбирать архив Розенбойма, посвященный Багрицкому.

Мне же захотелось подготовить к печати два документа – письмо Н.И. Харджиева в Одессу из Москвы, написанное 25 июня 1978 года, и запись двух вечерних бесед, которые Александр Розенбойм, вернувшись в гостиницу, сделал, по сути, набело.

Представлять Николая Ивановича Харджиева современному читателю нет особой нужды. Крупнейший знаток русского авангарда, публикатор раннего Маяковского, друг и коллекционер Казимира Малевича… Но при этом нельзя забывать, что юного корректора газеты «Моряк» ввел в литературу Эдуард Багрицкий.

Е. Г.

Уважаемый Александр Юльевич, беседу нашу помню. Но вряд ли я могу чем-нибудь быть Вам полезен. Я жил в Одессе временно и уехал оттуда 50 лет тому назад. Писать мемуары не собираюсь.

Ряд писем Багрицкого ко мне исчезли во время войны (вернее: мне их не вернули). Некоторые из них, которые предполагалось включить в последний том собрания сочинений Багрицкого, сохранились в его архиве (машинопись) и были опубликованы в «Лит. наследстве».

У меня случайно уцелел единственный автограф – дарственная надпись на сборнике «Юго-Запад». Если Вы «фотографист», то, приехав в Москву, сделаете снимок.

Всего Вам доброго!
Н. Х.

Багрицкий всегда нежно говорил о Фиолетовее, Борю Скуратова называл «малютка Скуратов».

Харджиев познакомился с Эдуардом Багрицким в Одессе, в году 21-22, или даже позже, так как тот жил тогда на Дальницкой. Познакомились на каком-то вечере, потом до утра ходили по улицам, читали стихи. Багрицкий сначала звал к себе ночевать, но мы продолжали читать и так до утра. Я провожал его на Дальницкую, но раньше утра он домой не попал.

Когда жил у меня в Одессе, чувствовал себя плохо. Больше сидел, по своему обыкновению на тахте, чуть ли не наизусть читал бабелевский «Закат» (проверить дату написания «Заката»… (А. Р. проверил – рассказ «Закат» написан в 1924 г. Совпадает. – **Е. Г.**)).

В проезде Художественного театра я жил как раз под его комнатой. Иногда, когда Лиды не было, а одиночество становилось невыносимым, он стучал мне ногой в пол, чтобы я пришел. Чувствовал он себя плохо. (Использовать воспоминания Сторицына о том, как Багрицкий забрал его в Москву из Ленинграда.)

Над Таней Тэсс всегда подшучивал и был одержим манией выдать ее замуж.

Посмотреть газету «Жизнь искусства» (статьи об Эйхенбауме, ОПОЯЗ) – там какие-то материалы Сторицын печатал.

Ал. Абр. Кипен. Блестящий знаток и дегустатор вин. И этим, особенно во время нэпа, здорово зарабатывал, был в достатке. Однажды Эдуард написал ему записку о том, что Лида будто бы очень больна и нужны деньги. Послал меня, сказал, что ему неудобно. Пошел и вынес 3 рубля. Эдуард ругался страшно – старый скупердяй, скряга. Он мне не верит, что Лида больна, поэтому дал мало, а он должен мне верить.

Однажды приехал из Москвы Катаев, уже печатающийся, уже почти мэтр, во всяком случае, при деньгах. И целую неделю кутили с Багрицким и Катаевым. Это была дикая неделя, но после нее Катаев, кажется, занимал деньги на возвращение в Москву. Гуляли тогда во внутреннем дворике Лондонской гостиницы, потом ехали с Эдуардом домой, на извозчике. На Дерибасовской выпивший Эдуард громко и крепко материл публику по одному ему известному поводу.

Нам, очень бедным тогда, Катаев представлялся Крезом.

Насколько я знаю, Багрицкий с родственниками общался мало. Когда он был в Одессе и останавливался у меня (1928?), он даже к матери не зашел (об этом есть в письмах). Уже после отъезда Эдуарда его мать приходила ко мне, очень сердилась.

Петр Ильич называл свою фамилию (вернее, псевдоним, убежден, что это псевдоним) с ударением на «и» – Сторѝцын. Багрицкий говорил мне, как он писал за Сторицына стихи, которые публиковались в одесских альманахах, причем писал, как он мне говорил, за плату. Писать Петр Ильич не умел, но рассказчиком был феноменальным, удивительным. Однажды в Ленинграде мы собрались, был Шкловский, Сторицын, не помню, был ли Эдуард, но помню Эльзу Триоле, помню, с какими расширенными глазами она слушала рассказы Сторицына. Но, как часто это бывает, когда он пытался записать рассказы, все очарование, легкость, колорит, манера исчезали. Он весь был в своих рассказах. Убежден, что в некоторой степени характер его рассказов использовал Бабель, с которым он дружил. А стихи, которые писал для Сторицына Багрицкий, были для Эдуарда «прутковским жанром». У Сторицына была какая-то страстная, детская привязанность к искусству, но умел он мало, кроме, я повторю, блестящих устных рассказов.

Он был полный, некрасивый. Сторицын говорил о себе: «Я похож на свинью, которую поставили на задние ноги». А по-моему, у свиньи острые, внимательные глазки. О Сторицыне говорил мне художник Николай Кузьмин: «Петр Ильич очень острый человек».

Один из устных рассказов Сторицына о Бабеле:

Оказались в Петрограде, жили в комнате на первом этаже. Бабель одолжил деньги у какого-то знакомого своего отца (очень богатого человека) и не отдавал. Однажды он сказал Сторицыну, чтобы тот уходил и раньше определенного срока не возвращался, потому что он, Бабель, чувствует, сейчас придет его кредитор и будет скандал. Только Сторицын вышел, как появился кредитор, послышались крики, звуки падающей мебели, а затем полная тишина. Сторицын осторожно подобрался к окну и вместо, как он предполагал, хоть одного трупа, увидел, что Бабель лежит на диване, а только что бушевавший кредитор ставит ему… клизму.

Оказалось, Бабель мастерски сыграл, разжалобил кредитора – мол, бедный молодой человек, голодает, испортил желудок и так далее, один, без родителей, в чужом городе, в общем, не до возврата долга, когда даже клизму некому поставить.

Николай Иванович Харджиев не был в Одессе с 1929 года.

Запись помечена рукой А.Ю. Розенбойма – июль 1976 года.

На отдельном листике бумаги два переписанных автографа Эдуарда Багрицкого (как видно, Н. Х. ошибся, предполагая, что сохранился только один из них. – **Е. Г.**).

Автографы Эдуарда Багрицкого

На «Последней ночи». 1932 г.

«*Этот волюм на память старому скептику Коле от автора на долгую память. Привет. Э. Багрицкий. 7.10.1932*».

На «Юго-Западе».

«*Николаю Ивановичу Харджиеву, другу, не изменявшему никогда. Э. Багрицкий*»

Без даты.

Оба автографа – чернильным карандашом, которым почти всегда он писал. Сделать: как мало он придавал значения таким мелочам (в отличие от каллиграфически выведенных чуть ли не тушью автографов некоторых писателей).

Харджиев в Одессе не был с 1929 года.

(Очевидно, Саша собирался развить тему «Чернильного карандаша» Багрицкого в будущем… Наверное, ему было что сказать… – **Е. Г.**)

Евгений Голубовский

Акмеизм не погиб

Автографы на книгах Эдуарда Багрицкого встречались мне крайне редко. То ли дело в том, что книг при его жизни вышло мало – «Юго-Запад», «Победители», «Последняя ночь» и «Дума про Опанаса», то ли, написанные чернильным карандашом, словно наспех, они просто канули в Лету более чем за 80 лет с его кончины.

И вдруг узнаю, что у председателя совета Национального союза библиофилов России Михаила Вадимовича Сеславинского есть два сборника с автографами поэта. И он с радостью согласился представить их читателям нашего альманаха.

Эти два автографа дали возможность предложить две короткие новеллы, интересные, думаю, и рядовому читателю, и литературоведу.

Эдуард Багрицкий. «Юго-Запад». – ЗиФ, 1928 год.
На авантитуле автограф – «*Рине Зеленой – Эдуард Багрицкий*».

А где, когда и как познакомились Эдуард Багрицкий и Рина Зеленая? Родилась она в Ташкенте в 1901 году, хоть многие воспринимали ее как одесситку. Даже придумали ей в деды одесского градоначальника Зеленого, которого высмеял В. Дуров, выпустив на арену свинью, выкрашенную в зеленый цвет. Судьба Рины Зеленой сложилась так, что, окончив Московское театральное училище в 1919 году, она в 1921 году попадает в Одессу. И не просто оказывается в нашем городе, ее принимают на работу в прославленный театр «Крот». Это сокращение, а название – «Конфрерия рыцарей острого театра».

Любимое место литературно-артистической богемы в Театральном переулке. Здесь на скрипочке играет Додя Ойстрах, пишет пьески Вера Инбер, прима – Рина Зеленая. А среди публики – Юрий Олеша, Эдуард Багрицкий.

С 1921 года началась дружба Рины Зеленой и актрисы того же «Крота», а позже выдающегося литературоведа Лидии Гинзбург, которая вспоминала, как была у Багрицкого в Кунцеве в 1928 году. Рина Зеленая чувствовала себя в этой квартире, как хозяйка, ухаживая вместе с Лидией Густавовной Суок за тяжело больным поэтом.

Эдуард Багрицкий. «Юго-Запад». – ЗиФ. 1928 год.

На авантитуле автограф – «*Товарищу Поступальскому в память того, что акмеизм не погиб. 1928 год. Багрицкий*».

В этой «новелле» две составляющие. Драматична – биографическая: Игорь Стефанович Поступальский (1907-1989) – переводчик, литературный критик, редактор книг Багрицкого. Человек, настолько близко вошедший в дом поэта, что юная Елена Боннэр, подруга Севы Багрицкого, даже удивлялась и возмущалась, насколько он свой в этой семье. Поступальский помогал Владимиру Нарбуту после смерти Багрицкого готовить собрание сочинений поэта.

Но наступил на страну 1937 год. В один день арестовывают Владимира Нарбута, переводчика Павла Шлеймана и Игоря Поступальского. Их обвиняют в создании в Москве украинского националистического центра.

На помощь, сказать доброе слово о Нарбуте и Поступальском бросается Лидия Густавовна Суок, вдова Эдуарда Багрицкого. Но в этот же вечер арестовывают и ее. Так «украинский националистический центр» включил поляка Игоря Поступальского, чешку Лидию Суок, еврея Павла Шлеймана и украинца Владимира Нарбута.

Отбывал срок Поступальский в колымских лагерях. Вышел после войны. Готовил тома Бодлера, Эредиа, Рембо.

Но у этой истории есть и чисто литературоведческий подтекст.

Всегда была известна любовь Э. Багрицкого к стихам Николая Гумилева, О. Мандельштама, А. Ахматовой, В. Нарбута, то есть к ведущим поэтам-акмеистам. Есть свидетельства о приходе Нарбута к Мандельштаму в середине двадцатых годов с призывом возродить акмеизм, включив вместо погибшего Николая Гумилева – Эдуарда Багрицкого и Исаака Бабеля.

А что думал сам Эдуард?

В 1925 году он написал трагические «Стихи о поэте и романтике». Многие помнят строфу, которую произносит Романтика о Николае Гумилеве. Но помнят ее в «отредактированном» виде:

Депеша из Питера: страшная весть
О черном предательстве Гумилева…
Я мчалась в телеге, проселками шла;
И хоть преступленья его не простила,
К последней стене я певца подвела,
Последним крестом его перекрестила…

А вот первоначальный вариант. Голос той же Романтики:

Депеша из Питера: страшная весть
О том, что должны расстрелять Гумилева.
Я мчалась в телеге, проселками шла,
Последним рублем сторожей подкупила,
К смертельной стене я певца подвела,
Смертельным крестом его перекрестила.

Стихи писались в 1925 году. Какой из вариантов отражал подлинное ощущение поэта?

Но спустя три года, надписывая Игорю Поступальскому книгу, Багрицкий внятно высказался:

«…в память того, что акмеизм не погиб».

Алена Яворская

«Чудо в пустыне серебряных труб»

1914 год, столь суровый для Европы, стал и годом рождения одесской литературной школы.

Началось все с объявления Петра Пильского 9 июня 1914 года в газете «Маленькие одесские новости». «Прошу молодых поэтов собраться в литературном клубе сегодня, в 9 час. вечера». Лучшие из молодых поэтов были отобраны для выступления перед публикой. И что же? «Публика не ожидала, что в Одессе действительно есть талантливые поэты, а поэты не ожидали, что в Одессе найдется чуткая хорошая публика! Однако нашлись и те, и другие», – с восторгом сообщала «Южная мысль». «Маленькие одесские новости» особо отмечали: «Главная заслуга вечера в том, что он показал одесской публике двух молодых, еще нигде не печатавшихся, но, безусловно имеющих право на внимание публики поэтов – гг. Багрицкого и Фиолетова».

Две самые яркие звезды поэтического небосклона Одессы, два близких друга, разыгравшие чуть ли не в орлянку цвета для псевдонимов – Эдуард Дзюбин и Натан Шор – Эдуард Багрицкий

и Анатолий Фиолетов. Сводная сестра Фиолетова, Эльза Рапопорт, вспоминала: «Я родилась в Одессе. Мать рано овдовела, и от первого брака у нее остались два мальчика – мои сводные братья. Старший – поэт, взявший псевдоним Анатолий Фиолетов. Он был очень нежный и тихий мальчик. … Лучшим другом Анатолия был поэт Эдуард Багрицкий, он дневал и ночевал у нас в доме. Приходили Олеша, Катаев, Ильф. У нас в доме существовала легенда, что когда Багрицкий и Фиолетов показывали свои стихи Мандельштаму, ему больше понравились стихи Анатолия».

Указывая, что Багрицкий и Фиолетов «нигде не печатались», газета ошиблась – Эдуард Багрицкий, он же Эдуард Дзюбин, к тому времени уже публиковал свои стихи.

В малотиражном альманахе «Аккорды», первый номер которого вышел в 1913 году, рядом с известными одесскими поэтами Александром Биском, Яго (Яковом Гольденбергом) и Изой Кремер есть стихи Эдуарда Д. «Розы» и Desi «Мечты», а во втором номере, появившемся год спустя, – «Лунные цветы» Desi, «Поэт» Эдуарда Дзюбина и критический очерк о Брюсове, подписанный «Э. Д.».

Поэт

Ты родился в сверкающий день…
Солнце ярким шаром огневело,
Только в нишах суровая тень,
Как преступник, сжимаясь, темнела…
В твое тело вонзило лучи,
Точно иглы, могучее солнце, –
Как порывы любви горячи,
Они тихо проникли в оконце…
Над кроваткою нежно склонясь,
Солнце дивные сказки шептало…
Даль горела, в лучах золотясь,
Даль рубинами ярко сверкала…
Солнце пело о дивных мирах,
О сплетеньях планет златоцветных,
О воздушных лазурных морях,

Об улыбках, призывно-ответных.
И ты вырос средь многих один
С светлым духом, с сияньем во взоре…
Ты – титана горящего сын,
Твое сердце – безбрежное море…
Ты напевы о солнце слагал, –
Песни страсти волшебные клики…
И титана горящий металл
В твои очи отбрасывал блики…
Ты о море бушующем пел,
Пел приливы его и отливы,
И твой голос, как арфа, звенел,
В нем на диво звучали извивы…
И лазурные воды сплелись,
Светозарный шатер образуя…
В нем опалы огнями зажглись,
И в него ты вошел, торжествуя…
Твой же дух стал лучом золотым,
Стал лучом пламозарного Феба,
Вдохом ветра, огнем неземным,
Тихой сказкой лазурного неба…

Впрочем, ошибка простительна. Если бы молодой поэт прочел свои ранние стихи – был бы с позором освистан. Но в чудом сохранившейся программке вечера указано: «Эдуард Багрицкий – «Летучий голландец» и «Дионис».

В «Алмазном венце» Валентин Катаев вспоминал о впечатлении от «Диониса»:

«Его стихи казались мне недосягаемо прекрасными, а сам он гением.

– Там, где выступ холодный и серый водопадом свергается вниз, я кричу у безмолвной пещеры: Дионис! Дионис! Дионис! – декламировал он на бис свое коронное стихотворение…

– Утомясь после долгой охоты, запылив свой пурпурный наряд, ты ушел в бирюзовые гроты выжимать золотой виноград.

Эти стихи были одновременно и безвкусны, и необъяснимо прекрасны.

Дом, где родился Э. Багрицкий. Базарная, 40

Казалось, птицелов (Багрицкий. – **А. Я.**) сейчас захлебнется от вдохновения. Он выглядел силачом, атлетом. Впоследствии я узнал, что с детства он страдает бронхиальной астмой, и вся его как бы гладиаторская внешность – не что иное, как не без труда давшаяся поза.

Даже небольшой шрам на его мускулисто напряженной щеке – след детского пореза осколком оконного стекла – воспринимался как зарубцевавшаяся рана от удара пиратской шпаги.

Откуда он выкопал Диониса, его пурпурный наряд, запылившийся во время охоты? Откуда взялись какие-то бирюзовые гроты и выступ, мало того, что холодный и серый, но еще и «водопадом свергающийся вниз»?

Необъяснимо.

<…>

Наш гид произнес:

– Синьоры, внимание. Перед вами гротто Дионисо, грот Диониса.

Дом, где жил Э. Багрицкий. Дальницкая, 3

...в тот же миг восстановилась ассоциативная связь. Молния озарила сознание. Да, конечно, передо мной была не трещина, не щель, а вход в пещеру – в грот Диониса. Я услышал задыхающийся астматический голос молодого птицелова – гимназиста, взывающего из балаганной дневной полутьмы летнего театра к античному богу:

«Дионис! Дионис! Дионис!»

«Там, где выступ холодный и серый водопадом свергается вниз, я кричу у безмолвной пещеры: Дионис, Дионис, Дионис!»

Теперь он был передо мной наяву, этот серый гладкий каменный водопад со входом в грот Диониса, откуда слышался тонкий запах выжатого винограда.

– Здесь, синьоры, – сказал гид в клетчатом летнем костюме, с нафабренными усами, – бог Дионис впервые выжал виноград и научил людей делать вино.

Ну да!

«Ты ушел в бирюзовые гроты выжимать золотой виноград».

Я не удивился, если бы вдруг тут сию минуту увидел опыленный пурпуровый плащ выходящего из каменной щели кудрявого бога в венке из виноградных листьев, с убитой серной на плече, с колчаном и луком за спиной, с кубком молодого вина в руке – прекрасного и слегка во хмелю, как сама поэзия, которая его породила.

Но каким образом мог мальчик с Ремесленной улицы, никогда не уезжавший из родного города, проводивший большую часть своего времени на антресолях, куда надо было подниматься из кухни по крашеной деревянной лесенке и где он, изнемогая от приступов астматического кашля, в рубашке и кальсонах,

Шарж С. Кесельмана на альманах «Серебряные трубы»

Фрагмент шаржа с пародией на Багрицкого

скрестив по-турецки ноги, сидел на засаленной перине и, наклонив лохматую нечесаную голову, запоем читал Стивенсона, Эдгара По или любимый им рассказ Лескова «Шер-Амур», не говоря уж о Бодлере, Верлене, Артюре Рембо, Леконте де Лиле, Эредиа и всех наших символистов, а потом акмеистов и футуристов, о которых я тогда еще не имел ни малейшего представления, – как он мог с такой точностью вообразить себе грот Диониса? Что это было: телепатия? ясновидение? Или о гроте Диониса рассказал ему какой-нибудь моряк торгового флота, совершавший рейсы Одесса – Сиракузы?

Шарж на Э. Багрицкого работы Кукрыниксов

Не знаю. И никогда не узнаю, потому что птицелова давно нет на свете. Он первый из нас, левантинцев, ушел в ту страну, откуда нет возврата, нет возврата…»

Катаев вспоминает и об одесских альманахах: «Птицелов принадлежал к той элите местных поэтов, которая была для меня недоступна. Это были поэты более старшего возраста, в большинстве своем декаденты и символисты. На деньги богатого молодого человека – сына банкира, мецената и дилетанта – для этой элиты выпускались альманахи квадратного формата, на глянцевой бумаге, с шикарными названиями «Шелковые фонари», «Серебряные трубы», «Авто в облаках» и прочее в этом роде».

История пяти альманахов, с которых начинают отсчет существования юго-западной литературной школы, и биографии их участников подробно описана в статье С.З. Лущика «Чудо в пустыне. Одесские альманахи 1914-1917 годов».

В первом альманахе «Шелковые фонари» (1914) Багрицкий не участвовал. Его стихи, как и стихи Анатолия Фиолетова, появляются в «Серебряных трубах» (1915). Альманах открывается стихами Багрицкого: «Креолка», «Пристань» («Встает зеленый пар над синевою зыбкой…»), «Дионис», «Газелла» («Как хорошо курить гашиш…»), «В пути» («Уже двенадцать дней не видно берегов…»), «Конец Летучего голландца», «Газелла» («В твоем алькове спят мечты…»), «Рудокоп».

Меценат, которого упоминает Катаев, – поэт Петр Сторицын. Злые языки утверждали, что Багрицкий писал стихи и за него.

Обиженный участник первого альманаха Семен Кесельман, которого в «Серебряные трубы» не пригласили, пишет злую па-

родию «Оловянные дудки» – иллюстрированное издание для потомства», в которой достается всем, начиная со Сторицына. О Багрицком: «Главный поэт сборника Эдуард Багрицкий (Дзюбин). Пишущий под псевдонимами: 1) Н. Гумилев, 2) Теофиль Готье, 3) Леконт де Лиль, 4) Бодлер, 5) Там видно будет. Справа – обложка будущей книги стихов поэта. [Надпись на обложке]: Фруктовые воды фабрики Дувардж [оглу]».

Критика была более благосклонна: «…Сборник производит очень симпатичное впечатление. Люди работают, стремятся проявить себя и доходят до несомненно хороших достижений. Правда, Игорь Северянин не остался без влияния на кое-кого из наших местных поэтов, но, тем не менее, в сборнике много талантливого, искреннего, а главное, стилистически законченного и интересного. Петр Сторицын, Багрицкий, Фиолетов, Цагарели, Дальгонин, Бобович, Галицкий – все они дали хорошие образцы их поэтического творчества. Появление таких сборников, как «Серебряные трубы», можно только приветствовать». (Южный музыкальный вестник. – Одесса, 1915, № 7).

Что ж, Сторицын писал:

Мы знали все – нас встретят грубо,
Но все ж, сметая с улиц сплин,
Поют «Серебряные трубы»
За палевым стеклом витрин.

Осенью того же 1915 выходит следующий альманах, «Авто в облаках». Если к «Серебряным трубам» Сандро Фазини сделал обложку скорее в стиле мирискусников, то в «Авто» она нарочито авангардная. Альманах вновь открывает Багрицкий: «Суворов», «Перед отъездом» («Скучный поэт и любитель серых соловьев…»), «О кобольде», «Нарушение гармонии», «Гимн Маяковскому». В этом альманахе впервые появляется поэтесса – Нина Воскресенская. Она словно отвечает на стихи Багрицкого «Перед отъездом» своими – «О любителе соловьев», ее же «Дерибасовская ночью» и «Порт» («По липким рельсам ползут паровозы…»). В стихотворении «Перед отъездом» упоминается Анатолий Фиолетов:

Придет Анатолий Васильевич или нет,
Придет ли проститься с поэтом, на войну уезжающим.

Отзывы критики об альманахе полярные.

В статье с говорящим названием «Бурлючата в облаках» Бор. Искров пишет: «Та же группа поэтов на днях издала странно-сумбурную книгу «Авто в облаках», стало как-то неловко и больно. Надоела, видать, безыскусная жизнь молодым поэтам. Столицей запахло <…> Бурлюками и Маяковскими с их бездарной кривостью и кривой бездарностью. И одесское авто в облаках – это своего рода cheuf d'oevre безвкусицы и дурного тона… Г. Багрицкий дал одну более или менее сносную вещь («Суворов»), в которой есть и чувство стиля, и изящество. Остальное слабо. Ничего утешительного в стихах г. Фиолетова, Сторицына, Воскресенской» (Южный вестник. – № 1, 10 окт. 1915).

Еще более резкий отзыв Эмара «Одесский футуризм» в следующем номере той же газеты. Он упорно перевирает фамилию Багрицкого: «Почетное место в сборнике отведено Эдуарду Быстрицкому, поэту, «изнеженному на пуховиках столетий», «ищущему забвения в математике и истории» и «ненавидящему современность». Ища забвения в математике, поэт Быстрицкий в одно небольшое стихотворение умудряется втиснуть чуть ли не всю геометрию. Тут и «треугольник, впившийся в очерченный квадрат», и «угол, в окружность заключенный», и «изумрудные квадраты», и площадь под землемерною трубою» Есть даже геодезический прибор, медный отвес и циркуль (стихотворение «Нарушение гармонии». – **А. Я.**)».

В стихотворении «Перед отъездом» поэт Быстрицкий восклицает:

Женщина, зачем ты смотришь в тусклое окно,
Я – поэт, я – поэт, я – поэт, понимаешь ты?

Упрямство, с которым автор кричит: «Я – поэт, я – поэт, я – поэт», заставляет нас думать, что женщина, смотрящая в тусклое око, этому не верит. И мы этому не верим.

<…>

Единственная «поэтесса» сборника – Нина Воскресенская Она поет:

Радуйтесь, сутенеры; трубы, дома подымайте:
И у Дерибасовской есть своя поэтесса.

Напрасно собирающаяся радовать сутенеров Нина Воскресенская сузила свое амплуа: в ее лице и у Николаевского бульвара есть своя поэтесса. В стихотворении «Дерибасовская ночью» есть такой перл:

И памятник Пушкина, засунувши в рот папиросу,
Просит у фонаря: «Позвольте закурить».

А кто из одесситов не знает, что памятник Пушкина (ПУШКИНУ?) на Николаевском бульваре?! Бедный Пушкин, бедная Нина Воскресенская! Если бы она не захотела сделаться поэтессой, из нее вышла бы хорошая хозяйка.

Месяц повис, как оранжевая сосиска…
На луне пятна, как на ноздреватом голландском сыре…

Прямо-таки кулинарное … искусство».

Другого мнения придерживается иногородний рецензент И. Поплавский:

«Помимо отдельных удачных мест попадаются в книге и целые стихотворения, на которых внимание останавливается не без чувства эстетического удовольствия. Так поэтесса Нина Воскресенская вложила много свежей женственности в стихотворение, озаглавленное «О любителе соловьев»» (Саратовский вестник. – № 220, 13 окт. 1915).

И лишь немногим посвященным было известно, что Нина Воскресенская и Эдуард Багрицкий – одно лицо. Очевидно, одесситы хотели подражать не только Маяковскому с его «Облаком в штанах», но и Волошину – с Черубиной де Габриак.

Столичная пресса одесских поэтов решительно осуждает, особо прохаживаясь по Багрицкому:

«Футуристы решительно устремляются в облака.

После облака в штанах – авто в облаках. По-видимому, на земле им плохо живется.

От хорошей жизни не полетишь <…>

В тексте <…> облаками даже не пахнет <…>

Заиграй, поиграй, граммофон, из «Травиаты» арию…
Мамаша, дай чаю со сливками мне!
Что не слышишь, со сливками… Вещи старые…

(из стихотворения «Перед отъездом». – **А. Я.**).

Речь идет о мамаше г. Эдуарда Багрицкого», – из отзыва «Синего журнала» № 46 за 14 ноября 1915.

Примерно в том же тоне, не называя фамилии автора, пишут и петроградские «Биржевые ведомости» 13 октября 1915:

«Некоторые еще раскланиваются перед Маяковским, поют славу этого зубра в блестящем цилиндре («Гимн Маяковскому». – **А. Я.**) <…> некоторые еще с телячьей бессознательностью лепечут о своем неистовом восторге, вызванном войною («Я не знаю, почему мне так радостно от этих слов, Почему я весь день склоняю: Война, войне, войною…» – из стихотворения «Перед отъездом». – **А. Я.**).

В 1916 выходит следующий альманах, «Седьмое покрывало», вновь с обложкой работы Фазини. В нем стихи Багрицкого «О Полдень, ты идешь в мучительной тоске…», «О кофе сладостный и ты, миндаль сухой!», «Я отыскал сокровища на дне», «Движением несмелым…», «Мудрец, занявшийся великим мастерством…», «Заботливый ключарь угрюмой старины…».

В них – ни намека на недавнее увлечение футуризмом. Может, поэтому Марк Слоним в рецензии «Седьмое покрывало» одесских поэтов» замечает:

«И критика – местная и иногородняя – и публика встретили, в общем, предыдущие сборники недружелюбно <…> молодых одесских поэтов почему-то причислили к футуристам <…>. Это, конечно, явная ошибка. Я не нахожу ничего футуристического ни у Багрицкого, ни у Фиолетова, ни у Сторицына <…> пишут они стихи так же, как и десятки других средних поэтов <…>.

Гравированный портрет Э. Багрицкого

<…> Больше других мне понравились небольшие стихотворения Эд. Багрицкого. У него замечается работа над стихом, стремление к сжатости, четкому рисунку и лаконической глубине. Несомненная талантливость соединяется у него с тем, что называют «культурой стиха». Багрицкий еще далеко не определился, и несамостоятельность его вскрыть тотчас очень легко. Его «О кофе сладостный» и «Бог шашечной игры» показывают влияние Мандельштама («спортивные» стихи). Сильно напоминает Бунина первое стихотворение «О, полдень, ты идешь <…>»). Стих Багрицкого однообразен в размерах, и очень часто у него зародыши, задатки, а не достижения. Но важно, что зародыши есть, что можно ожидать развития поэтического дарования. <…>

Самое ценное в «Седьмом покрывале», что трое из его участников, Багрицкий, Фиолетов и Горностаев, обладают некоторым талантом. Но даже и они – еще не определились. (Одесский листок. – 1916, 4 сентября).

Одесская публика, не обращая внимания на критику, попрежнему привечает своих поэтов:

«Седьмой вечер «молодых поэтов» состоялся 26 апреля. Авторами были прочитаны свои произведения.

Э. Багрицкий – «Дионис», «В пути», «Рудокоп».

И. Бобович – «Гомер», «Филоктет», «Искатели жемчуга».

А. Горностаев – «Вчера рояль стоял не замкнут», «Глубоким утром», «Сыр-Бор».

В. Инбер – «Рай», «Небо стало меньше и уютней».

С. Кесельман – «Рыбачья песня», «Праздник», «Андерсен».

П. Сторицын – «Успокоение», «О Польше», «Из цикла «Памятники».

А. Фиолетов – «Щелкунчик и мышиный князь», «Художник и лошадь».

Вступительное слово о современной поэзии произнес Г.О. Гершенкройн. Этот вечер посетил проездом через Одессу поэт И.А. Бунин», – из отчета правления Литературно-артистического клуба за 1916.

Надо отметить, что только Семен Кесельман и Вера Инбер не участвовали в альманахах, а Багрицкий, Анатолий Фиолетов, Исидор Бобович и Петр Сторицын читали стихи, ранее там опубликованные.

Со стихотворением «Искатели жемчуга» связана забавная ошибка. Александр Биск, автор воспоминаний о Литературно-артистическом обществе, писал: «Самым талантливым мы считали Багрицкого, мы все увлекались его первыми стихами, в них было много силы, и красок, и бесшабашной удали.

Табака контрабандного тюки
В переполненный трюм погрузив,
Мы на палубе старой фелуки
Отплываем в Персидский залив.

Стихи немного несуразные: нельзя погрузить что-либо в переполненный трюм. Ударение тюки – одесское, надо сказать тюкѝ: тем не менее, в этих сочных стихах уже чувствовался большой поэт».

И все воспринимали цитату как одно из не дошедших в полном объеме ранних стихотворений Багрицкого. В действительности автор этих строк не стал не только большим, а даже и малым поэтом. Исидор Бобович в начале двадцатых бросил писать стихи и почти всю жизнь работал бухгалтером. А стихотворение было опубликовано в альманахе «Серебряные трубы»:

Упоительный берег покинув,
Где, как птица на зыби шелков,
Лишь белеют шатры бедуинов
Средь гонимых самумом песков,

Табаку контрабандного тюки
В переполненный трюм погрузив,
Мы на палубе старой фелуки
Отплываем в Персидский залив.

И на мелях, с покорностью бычьей,
Где свиваются гады в звено,
Мы ныряем за ценной добычей
В час отлива на зыбкое дно. <…>

Возможно, Биска ввело в заблуждении упоминание о контрабандном табаке, вызвавшее ассоциацию с более поздними «Контрабандистами» Багрицкого.

Последний альманах, «Чудо в пустыне», вышел в 1917. Новых стихов Багрицкого в нем не было, перепечатали стихи из предыдущих альманахов: «О Полдень…», «Заботливый ключарь..», «О кофе сладостный…», «Газелла» («Как хорошо курить гашиш…»), «Движением несмелым…», «Я отыскал сокровища на дне…», «Перед отъездом…», «Гимн Маяковскому».

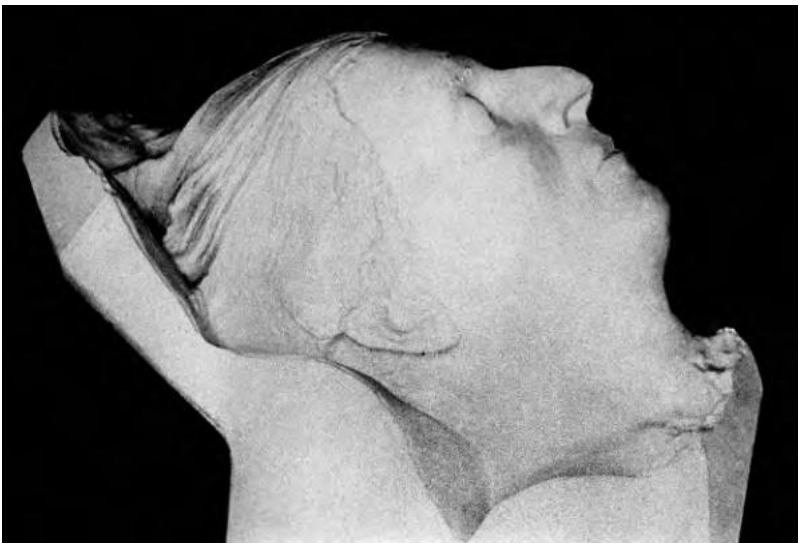
Любопытно, что стихи «Нины Воскресенской» не вошли, – то ли Сторицын не хотел испортить мистификацию, то ли просто выбрал другие.

Всего в альманахах было напечатано двадцать два стихотворения поэта. При жизни Багрицкий ни одно из них не перепечатывал, хоть «Дионис» и «Суворов» были самыми популярными из его стихов в те годы. О «Дионисе» писал Валентин Катаев, о выступлении Багрицкого в конце 1917 – начале 1918 вспоминает Зинаида Шишова:

«И вот появился Багрицкий.

Я увидела его в узком канале между двумя массивами скамей. Он шел накренясь, неся перед собою руку со сведенным пальцем, слабо повторенный сдержанным блеском пола. Чем-то смутно он напоминал парусное судно. Толстый и легкий Ленька Грек приплясывал перед ним. «Это лоцман», – подумала я.

Багрицкий шел громить эстетов. Я это поняла по его решительному виду и по страху, который начался во мне где-то с середины живота.

Посмертная маска Э. Багрицкого работы С. Меркурова

Но не я одна его узнала. Вся аудитория вскочила на ноги. Все закричали:

– Багрицкий!

– «Полководец»!

– «Суворов»!

– Багрицкий!

Это было похоже на клички. Но я уже понимала, что это названия стихов.

– Багриценко, – сказал Ленька Грек, изгибаясь в поклоне, – оставим малюток в покое. Взойдите на эшафот.

Электричества не было в этот день. На кафедре терпеливо потрескивали два огарка. И вот началось:

На кафедру, как леопард,
Взлетел Багрицкий Эдуард.

– «Полководец»! – опять заорали в публике».

В посмертное издание 1938 года, подготовленное Владимиром Нарбутом, вошло большинство стихов из альманахов. Не были опубликованы «О Полдень», «Креолка», «Движением несмелым», «Мудрец, занявшийся великим мастерством», «Заботливый ключарь угрюмой старины», «Перед отъездом». Четыре последних стихотворения после публикации в альманахах более не перепечатывались.

Из многочисленных изданий Эдуарда Багрицкого шестидесятых-девяностых годов стихи из альманахов наиболее полно представлены в книге «Стихотворения и поэмы» 1987, составленной И.Л. Волгиным (семнадцать стихотворений).

Ровно сто лет назад, 3 октября 1915, один из рецензентов альманаха написал:

«Отдохнем от политики – как вегетарианские столовые приглашают «отдохнем от мяса». «Злобою сердце питаться устало», а ведь согласитесь сами, что, кроме злобы, может посеять в душе современная политика? Неожиданность за неожиданностью, – и все вызывающие, как-то умышленно крикливые, ненужные, нелепые…

Отдохнем от политики! <…> Куда направить стопы? Конечно, к поэзии. К какой? Конечно, к молодой, к творчеству юных поэтов, не раздавленных жизнью вдохновений, несломленной энергии, непрекращающихся порывов. Есть ли такая в наше время? Не знаю, но есть молодые поэты, и, может быть, они дадут отдых от злобы, которою сердце, следящее за политикой, питаться устало» (И. Игнатов «Русские ведомости», 3 октября 1915).

Что же за стихи давали «отдых от злобы»?

Серебряные трубы

Газелла

Как хорошо курить гашиш в дыму вечерних комнат,
Смотреть на влагу скользких крыш из окон смутных комнат.

Старинной вязью написать романс давно забытый,
Спросить себя: «давно ль ты спишь в дыму вечерних комнат?»

Зажечь фарфоровый фонарь на бронзовой цепочке,
Завесть часы меж темных ниш в дыму вечерних комнат.

Сквозь темно-синий шелк гардин увидеть синий месяц,
Услышать, как скребется мышь в дыму вечерних комнат.

Узнать, что в городе весна, и очень удивиться,
Сесть на диван, почуяв тишь в дыму вечерних комнат,

И увидав, что свет поблек в моей янтарной трубке,
Взять уголек, разжечь гашиш в дыму вечерних комнат.

Газелла

В твоем алькове спят мечты, и вечер странно долог,
Не знаю я, придешь ли ты, как вечер странно долог…

В твоем саду зеленый грот и синего фонтана
И никнут алые цветы, и вечер странно долог…

Там спит глиняный пастушок с надтреснутой свирелью,
И над прудом шуршат кусты, и вечер странно долог…

К тебе я плыл из смутных стран на зыбкой каравелле,
Я видел тусклые порты, где вечер странно долог,

Я был в туманных городах, где на жемчужном небе
Распяты алые кресты, и вечер странно долог…

Тебе привез я тонкий яд, в кольце под аметистом,
Его, я знаю, выпьешь ты… и будет вечер долог…

Перед отъездом

Скучный поэт и любитель серых соловьев,
Хмурый эстет с вечно раздутой щекою –
Я не знаю, почему мне так радостно от этих слов,
Почему я весь день склоняю: Война, войне, войною…

Именительный, родительный, дательный… Все то ж!..
Всюду она, сероглазая, остроскулая и стройная…
Мухи жужжат безнравственно. За окном приплясывает дождь,
Лампа на столе задыхается, такая желтая, такая беспокойная…

Посвисти, посвисти, посвисти, соловей на серой стене!..
Заиграй, поиграй, граммофон, из «Травиаты» арию…
Мамаша, дай чаю со сливками мне!
Что, не слышишь, со сливка… Вещи старые… старые…

Придет Анатолий Васильевич или нет,
Придет ли проститься с поэтом, на войну уезжающим…
От чьей-то строки в мозгу выжигается след:
«Господи, прими его душу, так невыразимо страдающую!»

Женщина, зачем ты смотришь в тусклое окно,
Я поэт, я поэт, я поэт, понимаешь ты?
И я уезжаю… Мне все равно…
Я поэт, я поэт… Понимаешь ты?
ЖЕНЩИНА!

(В том же альманахе Фиолетов отвечает приятелю:

Осень

<…>
Но вдруг, вы понимаете, мне стало забавно:
Поверьте, у меня голова ходит кругом!..
Ах, я вспомнил, как совсем недавно
Простился с лучшим незабываемым другом.

Я подарил ему половую тряпку.
Очень польщенный, он протянул мне свой хвостик
И, приподнявши паутиновую шляпку,
Произнес экспромтно миниатюрный тостик.

Он сказал: «Знаешь, мой милый, я уезжаю,
Закономерно, что ты со мной расстаешься»…
Но, тонкий как палец, понял, что я рыдаю
И шепнул нахмуренно: «Чего ты смеешься?»)

Нина Воскресенская

Дерибасовская ночью

(Весна)

На грязном небе выбиты лучами
Зеленые буквы: «Шоколад и какао»,
И автомобили, как коты с придавленными хвостами,
Неистово визжат: «Ах, мяу! мяу!»

Черные деревья растрепанными метлами
Вымели с неба нарумяненные звезды,
И краснорыжие трамваи, погромыхивая мордами,
По черепам булыжников ползут на роздых.

Гранитные дельфины – разжиревшие мопсы –
У грязного фонтана захотели пить,

И памятник Пушкина, всунувши в рот папиросу,
Просит у фонаря: «Позвольте закурить!»

Дегенеративные тучи проносятся низко,
От женских губ несет копеечными сигарами,
И месяц повис, как оранжевая сосиска,
Над мостовой, расчесавшей пробор тротуарами.

Семиэтажный дом с вывесками в охапке,
Курит уголь, как денди сигару,
И красноносый фонарь в гимназической шапке
Подмигивает вывеске – он сегодня в ударе.

На черных озерах маслянистого асфальта
Рыжие звезды служат ночи мессу…
Радуйтесь, сутенеры, трубы дома подымайте –
И у Дерибасовской есть поэтесса!

Порт

По липким рельсам ползут паровозы,
Отирая платками дыма вспотевший лоб,
И луна, как вампир с прогнивающим носом,
Злорадно усмехаясь, сосет телеграфный столб.
Внизу визжит, как заржавелый напилок,
Нарумяненных женщин хмельной базар,
Чтоб глаза пьяных матросов наливались сетями жилок,
И в расхлябанные мозги вонзился пароходный угар.
У разбитой кормы норвежского брига,
Где ветер в снастях, как музыкант, чуток,
Ошалевшие матросы отплясывают джигу,
Опрокидывая наземь обнаглевших проституток.
На луне от фабричного дыма пятна,
Как на ноздреватом голландском сыре,
И синеглазому маяку очень неприятно
Оттого, что он не первый в мире.

О любителе соловьев

Я в него влюблена,
А он любит каких-то *соловьев…*
Он не знает, что не моя вина,
То, что я в него влюблена
Без щелканья, без свиста и даже без слов.
Ему трудно понять,
Как его может полюбить ч*еловек:*
До сих пор его любили только *соловьи.*
Милый! Дай мне тебя обнять,
Увидеть стрелы опущенных век,
Рассказать о муках любви.
Я знаю, он меня спросит: «А где твой хвост?
Где твой клюв? Где у тебя прицеплены крылья?» –
«Мой милый! *Я не соловей, не славка, не дрозд…*
Полюби меня – ДЕВУШКУ,
ПТИЦЕПОДОБНЫЙ
и
хилый... Мой милый!»

Седьмое покрывало

* * *

О кофе сладостный и ты, миндаль сухой!
На белых столиках расставленные чашки…
Клетчатая доска и тусклые костяшки –
Построены в ряды внимательной рукой.

Бог шашечной игры, спокоен и угрюм,
На локти опершись, за стойкой дремлет немо…
Какой возвышенной и строгой теоремой
В табачной радуге занялся вещий ум…

Смотри внимательней, задумчивый игрок,
Куда направилась рассыпанная стая…
И вот, коричневый квадрат освобождая,
Передвигается слепительный кружок!..

* * *

Движением несмелым
Ночь кутает комнату пряжей.
В окне потускнелом
Мелькают огни экипажей…

И вот из-под стали
Змеею излиться готово
В бумажные дали
Внезапно расцветшее Слово…

* * *

Мудрец, занявшийся великим мастерством,
Свободный каменщик – он тяжести невольник –
Он ждет, чтоб засиял священный треугольник
Над желтым черепом и метким молотком…

Уж море медное влачит свои валы
К расплавленным валам пылающего Храма,
Правилу острому и циркулю Хирама
Слагая всплесками высокие хвалы.

О Псалмопевец, ты в восторгах истощил
Полет своей души, и в ночь глядишь сурово,
Но братьям сказано таинственное слово,
И в брусья тяжкие вонзились зубья пил…

* * *

Заботливый ключарь угрюмой старины,
Я двери каменной коснулся дерзновенно,
Где ждут рождения из тайны сокровенной
На гулком мраморе начертанные сны…

Здесь боги мирно спят в священной простоте,
Здесь брошены в углах былых трагедий трубы,
И люди молятся торжественной и грубой
Из пены каменной рожденной красоте.

Фотографии Сергея Калмыкова
из коллекции Сергея Лущика
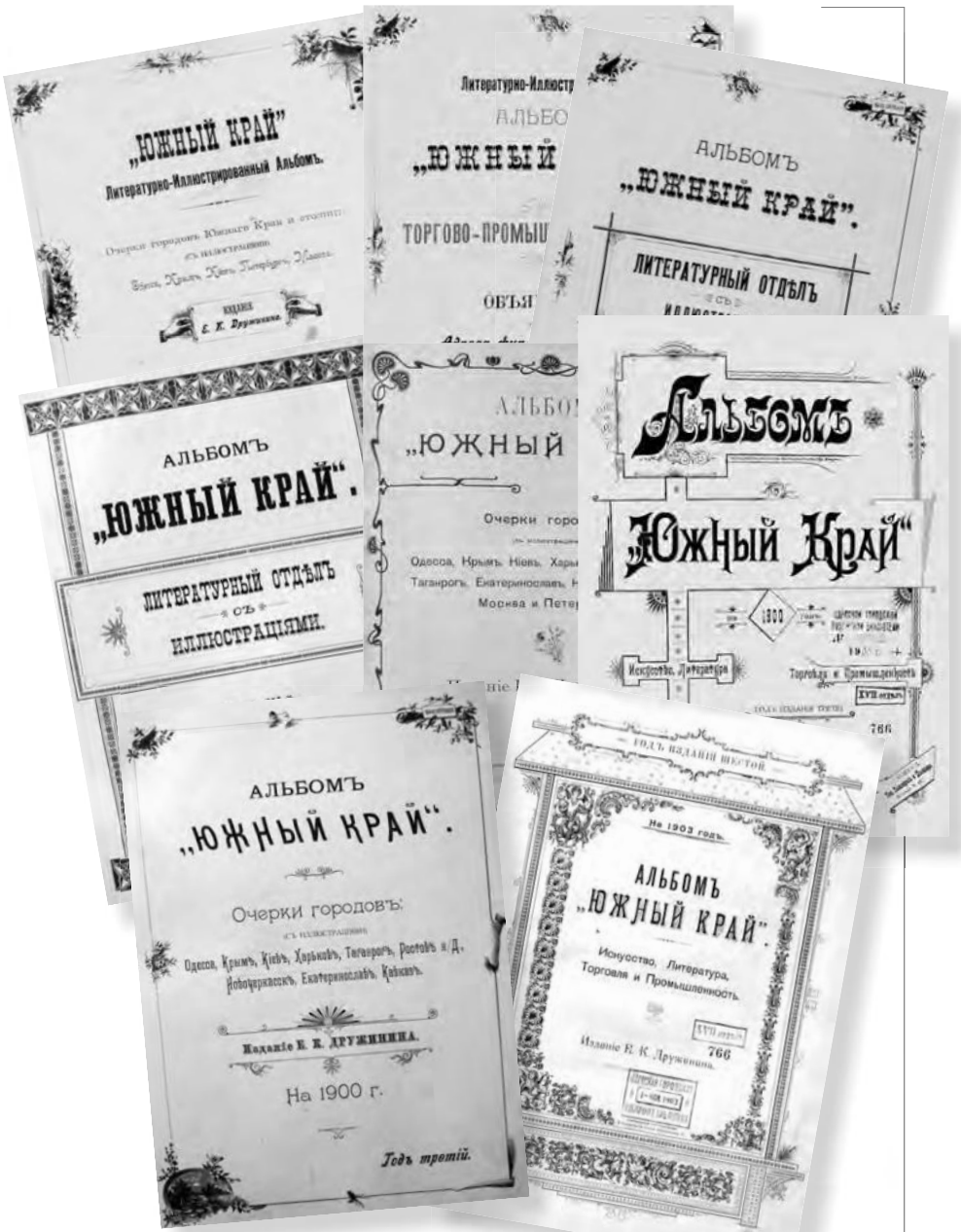
Татьяна Щурова

«Своими превосходными качествами...»

Это фрагмент одного из рекламных объявлений, найденного в альбоме «Южный край». Таких альбомов, по сути – справочников-путеводителей, вышло в Одессе в конце XIX – начале XX вв. несколько. В «Горьковке» сохранились три – за 1899, 1900, 1903 годы. Первое впечатление после просмотра – создатели этих книг стремились охватить как можно больше тем: искусство, литературу, торговлю, промышленность. В обращении к читателям без ложной скромности подчеркивалось, что «издание по своему изяществу и программе единственное в Одессе…». Хотя в то же время здесь, как мы помним, были напечатаны путеводители В. Фельдберга, Г. Каранта, Ю. Сандомского, Г. Москвича, Л. Лисянского, также обладавшие несомненными достоинствами.

Издателю Е. Дружинину наверняка были незнакомы слова «менеджер», «менеджмент», они ведь вошли в обиход много позже, но их суть предприимчивым одесситам была понятна и в те далекие годы. Во всяком случае, он четко ориентировался в вопросах спроса и потребностей рынка, понимал, как достичь оптимальных результатов и получить прибыль.

„ЮЖНЫЙ КРАЙ"
Литературно-Иллюстрированный Альбомъ.
Изданіе Е. К. Дружинина.
АЛЬБОМЪ
„ЮЖНЫЙ КРАЙ".
ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ
АЛЬБОМЪ
„ЮЖНЫЙ КРАЙ".
ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ
ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ.
Альбомъ
„Южный Край"
1900
Искусство, Литература
Торговля и Промышленность
АЛЬБОМЪ
„ЮЖНЫЙ КРАЙ".
Очерки городовъ:
Одесса, Крымъ, Кіевъ, Харьковъ, Таганрогъ, Ростовъ н/Д.
Новочеркасскъ, Екатеринославъ, Кривой Рогъ.
Изданіе Е. К. ДРУЖИНИНА.
На 1900 г.
Годъ третій.
ГОДЪ ИЗДАНІЙ ШЕСТОЙ.
На 1903 годъ.
АЛЬБОМЪ
„ЮЖНЫЙ КРАЙ".
Искусство, Литература,
Торговля и Промышленность.
Изданіе Е. К. Дружинина.
766

ОДЕССА.

ОДЕССА.

Безусловно, г. Дружинин придумал в своем издании нечто отличительное от других. В каждом выпуске яркого иллюстрированного альбома он давал очерки истории городов с кратким перечнем достопримечательностей. Это был неплохой ход для туризма, бизнеса, краеведения. Раздел обязательно открывался очерком об Одессе. Потом следовал рассказ о Харькове, Киеве, Таганроге, Крыме, Ростове-на-Дону, Новочеркасске, Екатеринославе, Кавказе, Москве, Петербурге (в каждом выпуске набор объектов варьировался). К очеркам давались хорошие фотографии, добавляющие привлекательность указанным городам и местностям.

Непременно имелся справочно-коммерческий отдел, несущий сведения о банковых, судебных, телеграфных, почтовых, железнодорожных, нотариальных и других учреждениях. Не лишним был, думаем, алфавитный указатель адресов торгово-промышленных фирм, также давались адреса архитекторов, инженеров, лиц юридического и медицинского персонала. Это имело смысл, ибо каждый приезжий или интересующийся известной отраслью находил эти сведения буквально под рукой.

Огромную ценность представляют различные объявления и реклама – тоже по каждому из городов. Их оформление и подача материала

и сейчас часто интересует людей, занимающихся бизнесом или дизайном, – всем есть чему тут поучиться.

Очень гордился издатель «Литературным отделом» в альбомах «Южный край». Однако учитывая, что книжки распространялись, помимо частной продажи, бесплатно на всех пароходах Русского общества, в ресторанах, кофейнях, кондитерских и др., содержание этой части издания строилось соответственно. Здесь помещались откровенно развлекательные, невзыскательные образцы прозы (например, не самые сильные рассказы Мопассана «Исповедь женщины» или Джерома К. Джерома «Человек, отрицающий счастье») и поэтические салонные опусы авторов, ныне совершенно забытых, в которых звучали трогательные мелодраматические нотки. Тексты дополнялись иллюстрациями «картинок из жизни» – вероятно, они должны были понравиться широкому кругу читателей.

Были там и материалы просветительского направления. В 1899 году «Южный край» поместил статью «Пушкин на Юге», приуроченную к 100-летию со дня рождения поэта. В других номерах находим публикацию П. Герцо-Виноградского «Тоска по жизни» – о произведениях писателя-современника А.П. Чехова, обзор Я. Бродского «По парижским академиям и ателье», сообщивший читателям много любопытных сведений.

Привлекла внимание статья О. Бахмана «Музыкальная жизнь в Одессе». Забавно, но в начале прошлого столетия в одесской периодике часто возникали сомнения в степени «музыкальности и театральности» нашего города. Ответы всегда бывали пристрастными (сказывался южный темперамент) в ту или иную сторону. Вот и здесь прозвучала знакомая фраза: «Одесса самый немузыкальный город в мире!». И обрушились доказательства, хотя они были достаточно спорными, противоречивыми. В городе нет порядочного оркестра. Публика тяготеет к «легкой» классической музыке, правда, традиционно для Одессы посещает оперу. Неистово требует повторения «банальных приторно-слащавых и салонно-сентиментальных арий». Но при этом автор вынужден признать, что та же публика посещает серьезные спектакли, требующие понимания и восприимчивости. Залы полны и на симфонических и камерных концертах. Признавалось, что петь на сцене нашего Городского театра и пользоваться успехом у одесской публики является в Италии отличной рекомендацией для певца. Хотя публика приобрела известный опыт, «музыкальное инстинктивное чутье», необходимо сделать еще многое, в частности, позаботиться о качественном музыкальном об-

разовании в городе. В статье справедливо говорилось, что симфонические собрания должны иметь постоянного дирижера для воспитания оркестра, и не нужно тратить большие средства на гастролеров. Думаем, многое из этих «заветов» исполнено в наше время, хотя проблем хватает во все времена…

Альбомы «Южный край», безусловно, представляют библиографическую редкость и занимают свое место в истории одесских краеведческих изданий. Они могут также быть полезны и нынешним создателям справочных книг – ведь город стремится развивать и бизнес, и туризм.

СЕРДЦЕ МАТЕРИ.

(ЛЕГЕНДА).

Среди знойной Сирійской степи, подъ тѣнью пальмъ, одиноко бѣлѣлась палатка бедуина. Ярко сіяло на небѣ, страстно лаская своими лучами кормилицу землю, южное солнце, но темнѣе ночи было на душѣ у благороднаго, доблестнаго Абдаллы. Его постигло такое горе, которому не помочь ни горячей молитвой, ни быстротой коня, ни мѣткостыо кинжала. Онъ не можетъ даже кинуться ницъ передъ своею старушкою матерью, излить предъ нею свое наболѣвшее сердце, попросить кроткаго родственнаго утѣшенія и совѣта. Въ первый разъ въ жизни ему стыдно самого себя; онъ чувствуетъ себя такимъ маленькимъ, ничтожнымъ, и, когда оборачивается назадъ, чтобы взглянуть на покоящуюся въ глубинѣ палатки мать, на его глаза навертываются слезы. Стыдно плакать бедуину, а Абдалла не простой бедуинъ: онъ гордость своего племени, краса всѣхъ арабскихъ мудрецовъ. Онъ изучилъ и медицину, и астрономію, знаетъ коранъ, отъ доски до доски.

Что же теперь случилось съ нимъ? Отчего онъ плачетъ, отчего презираетъ себя и считаетъ несчастнѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ? Но теперь спорятъ между собою двѣ половины его души, двѣ половины, которыя ему одинаково дороги: въ одной половинѣ любовь къ дивной Медже, въ другой – любовь къ его сокровищу – старушкѣ-матери.

Онъ сталъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ съ тѣхъ поръ, какъ увидѣлъ Медже. Онъ охотился между скалами, а она какъ небесное видѣнье, прошла мимо него за водою къ источнику, стройна, какъ кипарисъ, съ глазами пугливой газели. Ея станъ, гибкій, какъ тростникъ, когда его колышетъ благовонный вѣтеръ; ея осанка, осанка царицы, взглядъ, гордый и страстный, плѣнили сердце бѣднаго Абдаллы, и образъ Медже преслѣдовалъ его повсюду. Онъ бросилъ свои книги; звѣзды небесныя перестали интересовать его, потому что между ними онъ не находилъ своей божественной Медже; да и ни одна звѣзда отдаленная, холодная, вѣчно безстрастная, не могла своимъ мерцаніемъ затмить блескъ чудной красавицы. По цѣлымъ днямъ бродилъ Абдалла между скалъ, надѣясь встрѣтить ту, которая стала счастьемъ всей его жизни; и если ему удавалось увидѣть ее, сердце начинало усиленно биться, въ глазахъ темнѣло, ноги подкашивались, а она, гордая, холодная, проходила мимо, едва удостаивая бросить мимолетный

и скучающій взглядъ въ сторону Абдаллы. Она хорошо знала, кто онъ, знала, какой славой пользовался онъ – да и кто во всей Аравіи не зналъ Абдаллы, – и ея душа радовалась, что она видомъ своимъ победила такого человѣка, и ея гордость подымалась изъ своей темной обители и лживыми рѣчами своими мутила ясный умъ божественной дѣвы. И, что бы еще больше потѣшиться надъ несчастнымъ, однажды, гордымъ движеніемъ

руки, заставила она его подойти и приказала слѣдовать за собою; безмолвно и робко повиновался Абдалла, который однимъ своимъ словомъ разрѣшалъ всѣ самые трудные споры, для котораго не было ничего неизвѣстнаго на землѣ и на небѣ. Одного онъ не зналъ: любви, и, узнавъ ее, не могъ помочь себѣ; сердце не слушалось разсужденій ума, а влекло его неудержимо, и онъ чувствовалъ, что пойдеть за нимъ, хотя бы оно и привело его къ гибели.

И вотъ, однажды, въ чудную звѣздную ночь, не будучи въ силахъ сдержать своей страсти, онъ съ мольбою палъ къ ногамъ Медже.

И въ очахъ пугливой газели мелькнула насмѣшка. И, съ презрѣніемъ взглянувъ на распростертаго у ногъ ея Абдаллу, она сказала ему: «Клянусь сіяніемъ звѣздъ и златорогой луною, клянусь Аллой и пророкомъ его Магометомъ: черезъ три дня я буду твоею. Но ты мнѣ сказалъ, что готовь для меня пожертвовать лучшимъ, что въ мірѣ есть у тебя; помни же ты, что свое обѣщаніе свято долженъ держать ты: его ты предъ небомъ далъ мнѣ: на третій день, сердце изъ матери вырвавъ, его принеси мнѣ».

Она удалилась. Словно громомъ сраженный, лежалъ Абдалла, замеръ на мѣстѣ. Часы проходили, а онъ все лежалъ, и, когда только солнце на небѣ явилось, онъ поднялся, и, шатаясь, побрелъ въ палатку къ себѣ; но зайти не осмѣлился, и вотъ онъ сидитъ у входа, и рвется сердце отъ горя. И помочь не можетъ ему никакая мудрость. Страсть отуманила душу. Онъ мать обожаетъ и жизнь отдать готовъ за нее. Но любовь сильнѣе и жизни для бѣднаго; въ ней слилось все для него, и прекрасный образъ Медже растетъ все ярче, а образъ матери милой все больше блѣднѣетъ. Три дня не спитъ и не ѣстъ Абдалла; молиться не можеть онъ: молитва ему не поможетъ, страданья души омраченной ослабить не въ силахъ.

Заря рокового дня наступаетъ; обезумѣвъ, Абдалла бросился къ палаткѣ и... закололъ мать. Не дождавшись, пока изъ ея горячаго тѣла вылетитъ послѣднее дыханіе, онъ горячее сердце вынулъ изъ груди и стремительно бросился вонъ, чтобъ доказать неизмѣримость любви своей гордой, жестокой Медже, любви, не сломившейся передъ столь дорогою цѣною.

И вдругъ онъ споткнулся о камень и упалъ, и съ изумленіемъ услышалъ голосъ, исходившій изъ сердца матери.

Сердце матери, обливаясь кровью, голосомъ, полнымъ печали и страданья, спросило «сынъ мой, не ушибся-ли ты?» ***Б.***

Серенада.

Лѣтній полдень. Солнце ярко
Свѣтитъ съ высоты.
Блещетъ прудъ въ затишьи парка,
Зыблятся цвѣты;
Паутины тонкой нити
Носятся блестя, –
Но еще вы сладко спите,
Милое дитя!..

* * *

Въ небѣ жаворонокъ вьется
Съ серебромъ руладъ
И съ полей курясь несется
Чистый ароматъ.
Поскорѣе ложе бросьте,
Косы заплетя...
Ясный день зоветъ насъ въ гости,
Милое дитя!

* * *

Заберемся въ паркъ мы темный
И вдвоемъ, потомъ,
Ожививъ обѣдъ нашъ скромный
Смѣхомъ и виномъ,
Кончимъ вечеръ на point-ѣ
Весело шутя...
Не лѣнитесь же и встаньте,
Милое дитя!..

ТЕАТРАЛЬНЫЕ НОВАТОРЫ.

Да, господа, въ наше время для успѣха театральнаго предпріятія одного таланта мало! воскликнулъ антрепренеръ, обращаясь къ членам новой труппы. Нужно еще умѣнье заинтересовать, удивить, привлечь въ театръ публику. Вы согласны, господа?

Всѣ согласились.

– Такъ вотъ я и пригласилъ васъ, какъ участников будущаго сезона, для того, что-бы сообща рѣшить, чѣмъ эту публику, такъ сказать, въ трепетъ и обалдѣніе привести.

– Ахъ, еслибы вы видали, что было въ театрѣ въ Грязепоколѣнскѣ, когда я тамъ Офелію играла? воскликнула «Офелія» m-me Флиртова.

Какой обѣдъ намъ подавали,
Какимъ виномъ насъ угощали
Ужъ я пила, пила, пила...

Да, есть что вспоминать. Въ изступленіи чувствъ публика четыре кресла въ др-р-ребезги изломала! А почему? Потому что я придумала въ сценѣ, когда Офелія поетъ, выступить передъ публикой въ одной батистовой сорочкѣ, обшитой настоящими брюссельскими кружевами. Я создала сцену Офеліи въ сорочкѣ и горжусь этимъ!

– Гм... пустилъ звукъ антрепренеръ: – Что-жъ... Это, мамулечка, хорошо... Я противъ «Гамлета» съ такой Офеліей ничего не имѣю. Можно будетъ въ афишѣ напечатать: «Роль Офеліи будетъ исполнена Г-жей Флиртовой въ сорочкѣ». Я даже придумалъ больше. Вы, Громовъ, сыграете роль Гамлета на англійскомъ языкѣ и мы васъ выдадимъ за извѣстнаго иностраннаго гастролера...

– Позвольте, чортъ возьми, да я совсѣмъ и языка то не знаю никакого, кромѣ русскаго!

– Безразлично. Говорите что-нибудь непонятное, вотъ и конецъ. А все-таки въ афишѣ будетъ пропечатано...

– Да вѣдь засмѣютъ!

– Въ Дерюгинскѣ-то? Да кто-же тамъ, позвольте узнать, англійскій языкъ знаетъ? И такъ, рѣшено. Съ Гамлетомъ кончили. Что же мы еще дадимъ?

– По моему – «Мадамъ Санъ-Женъ». Это для меня самая подходящая роль, заговорила m-me Горелюбова. – При моихъ формахъ и при моей красотѣ нечего опасаться сценѣ переодѣванія придать побольше пикантности.

– «Мадамъ Санъ-Женъ» такъ «Мадамъ Санъ-Женъ», согласился антрепренеръ. – Кстати: у васъ, Ольга Семеновна, гардеробъ не заложенъ?

– Я кажется не какая-нибудь бездарная актриска! – обидѣлась Горелю-

бова. Слава Богу, благодаря моимъ формамъ и моей красотѣ, во мнѣ живѣйшее участіе принимаетъ богатый фабрикантъ, у котораго...

– Значить 43 платья и 22 накидки?

– 45 платьевъ!

– Такъ и въ афішѣ напечатаемъ: «Въ сценѣ переодѣванія г-жа Горелюбова примѣритъ 45 платьевъ и 22 накидки, сшитыя лучшими столичными портнихами и выписанныя изъ заграницы». Какъ, господа?

– Превосходно!

– Чего лучше!

– Для привлеченія дамъ первое дѣло!

Антрепренеръ потеръ руки.

– Такъ. А кому же мы поручимъ роль Наполеона? Не устроить-ли конкурсъ этакій?.. Вы, Громовъ, какъ думаете провести эту роль? Что надѣетесь создать въ ней новенькаго?

– М-мъ... что-же-бы-такое? развѣ нѣсколько разъ поскользнуться во время монологовъ?.. Это развеселитъ публику...

– Старо это... авторитетно заявилъ Козырьковъ. Эхъ, братъ, фантазія-то у тебя того... не очень... А я вотъ придумалъ, такъ придумалъ! Фуроръ произведу.

– Ну, ну что, такое? засуетился антрепренеръ.

– Скажемъ въ афишѣ, что извѣстный столичный артистъ Козырьковъ-Бронскій передъ началомъ спектакля на глазахъ у публики съѣстъ цѣлаго

гуся и послѣ этого будетъ играть Наполеона.

Громовъ съ сомнѣніемъ покачалъ головой.

– Да неужели-же ты и впрямь, Николаша... гуся-то всего?

– Съѣмъ! убѣжденно заявилъ Козырьковъ.

Всѣ присутствовавшіе испустили одобрительные возгласы, даже антрепренеръ не удержался и гаркнулъ «молодца».

– Отлично! началъ онъ, когда первый пылъ восторга прошелъ. – Теперь, господа, и я вамъ открою то, что придумалъ для успѣха нашего дѣла!

Всѣ насторожились.

– Перво-на-перво, мнѣ пришла въ голову счастливая идея играть самому роли... Вы не смотрите, что я прежде чѣмъ антрепренерствовать мясомъ торговалъ. Я въ себѣ артистическую жилку чувствую. А главное однимъ актеромъ меньше нанимать придется, – все-же – экономія! Затѣмъ, я надумалъ билеты на спектакли продавать въ разсрочку... Почему не попробовать?.. Но самое важное – реклама... Заинтересовать публику личностями артистовъ необходимо. Вотъ я для этой цѣли уже и составъ труппы набросалъ.

Антрепренеръ вынулъ изъ кармана брюкъ клочекъ бумаги и прочиталъ:

«Составъ драматической труппы въ Дерюгинскѣ.»

«Горелюбова О.С. – инженю – необыкновенно красивая блондинка съ

родимымъ пятнышкомъ на лѣвомъ плечѣ, изъ-за любви къ которой застрѣлился богатый помѣщикъ, зарѣзался купецъ и повѣсился извѣстный заводчикъ.

Флиртова Л.В. – драматическая актриса – премированная красавица. – За время своей артистической дѣятельности получила одними кредитными билетами отъ своихъ поклонниковъ 162,425 р.

Хвостиковъ-Аполлонскій, резонеръ – обладаетъ феноменальною силой: одной рукой поднимаетъ лошадь.

Громовъ, первый любовникъ, – покорившій въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ безчисленное множество особъ дамскаго пола.

Козырьковъ-Бронскій – комикъ, могущій безъ всякаго вреда для своего здоровья выпить шесть бутылокъ водки.

Кромѣ вышепоименованныхъ главныхъ персонажей въ труппѣ участвуютъ еще 42 талантливѣйшихъ артистовъ и артистокъ».

– Какъ вамъ нравится? Недурна реклама? спросилъ антрепренеръ, окончивъ чтеніе и обводя всѣхъ горделивымъ взглядомъ.

– Браво! въ одинъ голосъ закричали актеры, качать!

– П... погодите! а для того, чтобы публика охотнее шла въ театръ, предложимъ всѣмъ мужчинамъ по рюмкѣ водки, а дамамъ бесплатно образчики модныхъ столичныхъ матерій... И

кстати здѣсь съ однимъ фабрикантомъ условился... Антрепренеръ не кончилъ своей рѣчи. Восхищенные актеры повскакали со своихъ мѣстъ и, не смотря на его сопротивленія, принялись его качать.

А. Гомолицкій.
Москва.

Разбитая жизнь.

(Изъ жизнейскихъ драмъ).

I.

Она его дивной красою плѣнила,
Согрѣла любовнымъ огнемъ,
Она, какъ звѣзда, ему жизнь озарила,
Была для него божествомъ...
То было давно. Онъ всей силою страсти
Ее горячо полюбилъ...
Любви отдаваясь мучительной власти,
Онъ въ царствѣ фантазіи жилъ.
Она же?.. Хотя увлекалася сказкой
Любви его первой, святой,
Но въ сердцѣ холодномъ, подъ лживою маской,
Любовь не сіяла звѣздой!..

II.

Терзали его и печаль и сомнѣнье...
Однажды, колѣни склоня,
Онъ съ трепетомъ тихо шепталъ ей моленье:
– «Я гибну! Спасите меня!..
Я чувствую: гаснутъ послѣднія силы,
И ноетъ мучительно грудь...
Ужели сулитъ мнѣ дыханье могилы
Такъ рано мой жизненный путь?
Люблю васъ... Страдаю... Покой мой умчался...
Безъ васъ мнѣ на свѣтѣ не жить»...
Умолкъ онъ. II вдругъ ея хохоть раздался:
– «Имѣетель право любить?..»

III.

– «Съ любовію вашей чего ждать отъ неба?
Любовь бѣдняка что сулитъ? –
Нужду и борьбу изъ-за черствaго хлѣба
И горечь тяжелыхъ обидъ...
Увы! Съ нищетой и въ любви нѣтъ отрады...
На жизнь я иначе смотрю:
Люблю наслажденья, пиры и наряды,
Къ веселью любовью горю!..
– Но клятвы!.. – Все было одно развлеченье
И я отъ любви далека...
Уймите же вашу печаль и волненье...
Зачѣмь мнѣ любовь бѣдняка!..»

IV.

И юноша гаснетъ... На койкѣ въ больницѣ
Забылся въ мучительномъ снѣ...
И снится ему: беззаботныя птицы
Шлютъ гимны царицѣ-веснѣ...
И дышутъ кусты ароматной сирени,
Всплываетъ на небо луна:
И стелются тихо вечернія тѣни,
И съ нимъ на скамейкѣ она...
Онъ бредитъ... – «Приди, о, приди, дорогая!
Не будешь знать больше тревогъ...
Тебѣ я построилъ, любовью сгорая,
Роскошный, блестящій чертогъ...

V.

Владѣю я золотомь. Чудные клады
Въ своихъ я подвалахъ храню...
Какіе настроилъ дворцы я громады,
Гдѣ я полновластно царю...
У ногъ моихъ люди лежатъ и рыдаютъ,
О помощи просятъ они...

Но всѣ мои клады тебя ожидаютъ,
Приди и на нихъ ты взгляни...
Не будетъ отнынѣ ужъ насъ безпощадно
Терзать роковая нужда...»
И, тихо вздохнувъ, улыбаясь отрадно,
Несчастный заснулъ навсегда.

О.С. Штейнъ.

Страстная любовь.

(Съ французскаго).

Что тамъ бы мудрость ни твердила,
Хочу я золото копить,
Лишь для того, чтобъ къ ножкамъ милой
Мои сокровища сложить.
Ея малѣйшее желанье
Тогда мнѣ было бы законъ...
Нѣтъ, я не скряга по призванью,
Но я влюбленъ, влюбленъ, влюбленъ!

* * *

Когда-бъ даръ сладкій пѣснопѣнья
Счастливый жребій мнѣ послалъ,
Навѣкъ предметомъ восхищенья
Безсмертный образъ милой-бъ сталъ,
И наши имена – я знаю –
Прошли-бъ безвредно тьму временъ...
Нетъ, я о славѣ не мечтаю,
Но я влюбленъ, влюбленъ, влюбленъ!

* * *

Пусть Провиденія велѣньемъ
На царскій тронъ бы я взошелъ, –
Собою, лучшимъ украшеньемъ,
Она-бъ украсила престолъ.
Отдавшись весь вліянью страсти,
Я-бъ вовсе отдалъ ей мой тронъ...
Нетъ, я не думаю о власти,
Но я влюбленъ, влюбленъ, влюбленъ!

* * *

Но что за странное желанье?
Вѣдь счастье я уже позналъ.
К чему мнѣ слава, состоянье?
«Люблю» отъ милой я слыхалъ.
Теперь блаженством упиваюсь,
Смѣюсь надъ жребіемъ земнымъ...
И, хоть съ фортуною не знаюсь, –
Но я любимъ, любимъ, любимъ!..

Искра.

Феликс Кохрихт

Пафос Кипра

Пафос – понятие, нынче встречающееся чаще всего в контексте театральных и политических коллизий, причем зачастую с иронической окраской. А между тем и Аристотель, и Гегель всерьез занимались толкованием этого древнегреческого слова и связывали его более всего со страстью, с проявлением чувства – возвышенного воодушевления.

Но Пафос – еще и древний город, основанный троянцами на южном побережии Кипра, обращенном к знойному африканскому континенту. О нем, как и обо всем острове, хочется вспоминать и рассказывать если не со страстью, то с воодушевлением.

Мы провели здесь две недели – побывали и в приморских городах, и в горных селениях, и в древних монастырях, и в местах светских тусовок, и вероятного базирования оффшорных зон… Кипр невелик: по прекрасным дорогам его можно проехать на автомобиле за день, но если передвигаться не только в реаль-

ном физическом пространстве, но и в инфернальном времени, то не хватит и десятилетий.

Люди поселились на острове с незапамятных времен, реально существовавшим цивилизациям – тысячелетия. Свидетельства их истории, культуры, искусства, зодчества – в сохранившихся крепостях, замках, амфитеатрах, храмах, фрагментах городских застроек, вилл… Но не менее важными и интересными, и, как это ни парадоксально, впечатляющими сведениями о далеком прошлом являются мифы, легенды, апокрифы, передающие нам не факты (они – в учебниках), но куда более важное и ценное для понимания того, каким видели мир, себя, своих богов и героев наши предки. Наши, потому что мы – одесситы, жители Северного Причерноморья, и есть потомки народов, населявших в эллинские времена Ойкумену – ареал, где жили Разумные люди, а не варвары и совсем уж дикие существа с песьими головами.

Начнем с мифов. Первый – о богине любви и красоты, давшей Кипру второе, романтическое имя – остров Афродиты. Согласно преданию, она вышла из пены морской именно здесь – в бухте вблизи древнего Пафоса, и подарила миру свою чарующую улыбку и надежду на счастье в личной жизни. Его можно обрести и сегодня, спустившись по косогору на пляж. Мы так и сделали,

Вилла Евстолия

и, преодолевая, но безуспешно, стадное чувство, я вслед за нашими спутниками побрел к лазурному морю, спотыкаясь и поскальзываясь на крупной округлой гальке. Впрочем, весь ритуал я, как и большинство мужчин, не исполнил и плескался у берега. А вот девицы и дамы резво ринулись к скалам разной величины и конфигурации и принялись описывать круги вокруг той, из грота которой и вышла Афродита, она же Венера у римлян.

Местные парни взбираются на самую верхотуру и бросаются в море, поднимая волны, рождающие ту самую пену.

Сюда приходят пары накануне свадьбы: мы видели, как в мифическую критскую полуденную жару облаченный в черный костюм жених и спеленутая тугим платьем невеста привязывали к специальному ритуальному кусту очередную ленточку с просьбой о покровительстве богини…

Изображения Афродиты и других богов Олимпа можно увидеть и на древних мозаиках на раскопах поместий греческой и римской знати в соседнем Курионе – античном городе XII века до н. э. На вилле Евстолия среди прочих – две дивные мозаики. На одной – великий воин Ахилл, герой Троянской войны, на другой – Ктисим, богиня, но не любви и праздной неги, а промышленного и граж-

данского строительства. В руке она держит измерительный инструмент, длина которого точно равняется римскому футу.

Курион славится своим театром, на удивление хорошо сохранившимся – здесь и сегодня ставят трагедии и комедии античных авторов, но на спектакли нужно покупать билеты заранее, чтобы насладиться не только звучными (акустика – еще та!) монологами героев Эсхила и Аристофана, но и полюбоваться волшебным видом на изумрудное* море и горделивых лошадей, пасущихся в разнотравье прибрежной степи.

На пороге замка Ричарда Львиное Сердце

Пафос – через тридцать минут на песочных часах, как, впрочем, и на водяных, и на электронных. По сути, сегодня это – два города. Новый – фешенебельный дорогой курорт, и старый – заповедный ареал со статусом памятника культуры ЮНЕСКО. У въезда – ансамбль одной из древнейших византийских церквей, связанной с житием на острове Апостола Павла. До наших дней сохранился фрагмент мраморной колонны, к которой в 45 году римский наместник Сергей-Павел повелел его привязать и подвергнуть жестокой пытке. Апостол не только выдержал все мучения, но и настолько поразил патриция, что тот перешел в христианство.

В Археологическом парке Пафоса в здешнюю крепкую жару мы бродили среди арок и колонн, фундаментов древних строений, но покой и прохладу обрели лишь в Доме Диониса, получившего сие имя в связи с тем, что его сохранившиеся интерьеры, особенно мозаики, содержат картины симпозиумов и коллоквиумов –

* Море здесь разное в разное время года и суток и во многом зависит от настроения того, кто на него смотрит: лазоревое, изумрудное, голубое, синее, серебристое…

Богиня Ктисим

возлежаний за низким пиршественным столом с амфорами и чашами доброго красного кипрского вина, которое и ныне славится и вкусом, и ароматом, и цветом. Здесь прохладно – работают кондиционеры, голос экскурсовода звучит заманчиво и обещает скорый привал в придорожной таверне…

Но наше особое внимание внезапно привлекает мозаика – ковер, в узорах которого ясно видятся и античные сюжеты, и вдруг – символы совсем иных верований и даже идеологий – кресты, шестиконечные звезды, свастики… По соседству – изображения зверей, которые в те далекие времена не бывали на острове: Ковчег прошел мимо, да и аргонавты не заплывали к слонам, носорогам, тиграм, бегемотам…

Видимо, древние островитяне знали об окружавшем их, да и далеком от Кипра мире гораздо больше, чем мы себе представляем… Во всяком случае, наш гид-историк признался, что достоверного объяснения этому феномену у его коллег нет.

За многотысячелетнюю историю Кипра здесь сменились государства, культуры, верования, наконец этносы, но есть на острове те, кто ведет свой род с 327 года и живет на том месте, где обрели дом их далекие предки. Точная дата объясняется тем, что она внесена в древние церковные книги. Именно тогда мать византийского императора Константина святая Елена основала на Кипре монастырь в честь покровителя моряков святого Николая. В тот засушливый год на Кипре расплодились ядовитые змеи, и монахи, и все жители острова были в панике и страхе. Елена вернулась в Константинополь и повелела отправить из Египта на Кипр два корабля с пустынными кошками, охотящимися на ползучих гадов, и те вскоре с боями загнали змей в горы, где они смиренно ползают по сей день.

Античный театр Куриона

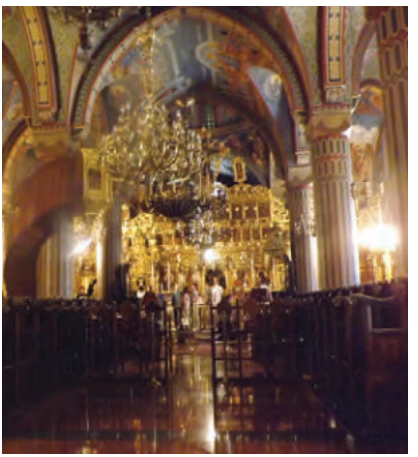
Загадочная мозаика дома Диониса

Даже в летний зной в монастырь Киккос женщин допускают примерно в таком одеянии

У одной из этих колонн принял муки Апостол Павел

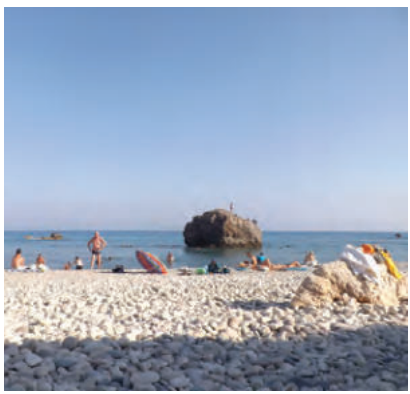
Здесь хранится икона, которую, по преданию, написал Апостол Лука

Эта белая разноглазая кошка ведет свой род от тех, которые сотни лет назад избавили Кипр от змей

Святой Николай – покровитель монастыря

Вход запрещен всем, кроме монахинь и кошек

Скала Афродиты, а на берегу – куст, с которым новобрачные связывают мечты о счастье

С тех пор потомки отважных воительниц живут в этом ныне женском монастыре, и сделали его знаменитым на весь мир. Монахини противятся наплыву посетителей – обители нет в туристических маршрутах, но мы нашли надежного провожатого-таксиста и побывали в тихом окруженном виноградником уголке полуострова Акротири, что вблизи Лимассола.

Насельницы монастыря сторонятся пришлых людей, а вот кошки ведут себя хотя и сдержанно, но приветливо, позволяют гладить, позируют перед фотоаппаратами, но все это – не спеша и с достоинством. Их запрещено кормить, и мы оставили пакетики с лакомствами на указанном месте – здесь так заведено. В монастырской церкви – древняя простота и не показное смирение. Икона святого Николая, незатейливая утварь, словно сошедшая с иконы кисти святого Луки – есть такая в горном монастыре Киккос, и мы ее видели, укрытую покровом, который снимают лишь по большим праздникам…

Кошки провожают до открытых ворот, но дальше не идут. Несут караульную службу – охраняют периметр и территорию с 327 года.

На Кипре жили персонажи знаменитых литературных (и не только) произведений. Одни – исторические личности, другие – плод воображения. К их биографиям прикоснулись большие мастера, и они заиграли причудливыми красками, иногда имеющими мало сходства с действительностью. Упомяну лишь двоих.

В 1191 году в гавань Лимассола пришел корабль с предводителем крестоносцев, английским королем Ричардом Львиное Сердце. Здесь в часовне замка он обручился с принцессой Наваррской, а затем завоевал весь Кипр. Через века турки разрушили эту крепость, затем киприоты ее частично восстановили, и сейчас здесь краеведческий музей, где мы побывали. А история любви короля и принцессы стала основой многих книг, и в первую очередь английского романиста Вальтера Скотта, который ее развил и украсил в полном соответствии со стилистикой романтических историй о рыцарях и дамах их сердец…

Закончим путешествие по Кипру – «Среди мифов и рифов» (это я вспомнил книгу любимого мариниста Виктора Конецкого) на северном берегу острова, ныне принадлежащем туркам-киприотам. В Фамагусте отлично сохранилась старинная венецианская крепость, в которой некогда служил офицер, чье имя столетиями

Новый Старый порт Лимассола

значится на афишах драматических и оперных театров. Впервые его несчастную жизнь изложил малоизвестный итальянский беллетрист Чинети, а обессмертил великий Шекспир, которого поразила история коварства и ревности, любви и смерти мавра Отелло и его невинной жены Дездемоны… Из в общем-то банальной истории гениальный драматург создал трагедию всех времен и народов, которая не только не стареет, но и приобретает особую актуальность в наше время, когда Фейсбук, Ютуб и Инстаграм дают ныне практически неограниченные возможности интриганам, сплетникам и злопыхателям, которых бесит чужое счастье.

Над воротами крепости Фамагусты и сегодня – старинный барельеф, герб Венецианской республики, которой верно служил доверчивый мавр: Лев Святого Марка. При вечернем освещении он удивительно похож на предводителя боевых египетских кошек из монастыря Святого Николая.

…Поздним вечером этого длинного летнего дня мы возвращались с горного массива Троодос в эвкалиптовые рощи приморского Лимассола по серпантину, проложенному эллинами, римлянами, венецианцами, турками, англичанами, греками, в общем, киприотами. Маршрут пролегал через Пафос. Другого пути нет. Ехали – усталые, и если не восхищенные, то довольные.

Фото автора и Татьяны Вербицкой

Леонид Авербух

13 «лёнчиков»

Поздравляем нашего друга и автора Леонида Григорьевича с 85-летием и обязуемся публиковать его «ленчики» еще 35 лет.

* * *

Я знаю, что не я один
Пришел в сей мир в Хеллоуин*,
При этом убежден вполне:
Чертячье что-то есть во мне…

* * *

Сменяются века,
Проходят годы мимо.
Я жив еще пока,
Но это поправимо…

* * *

Идут ветераны.
Внушительный вид.
И ум сохранился, и сила,
И импотенция им не грозит.
Поскольку давно
наступила…

* 31 октября, день моего рождения, – Хеллоуин, древний кельтский праздник, символизирующий зло, оккультизм и монстров.

* * *

Врачи у всех больных анамнез собирать должны,
В любом их возрасте – пусть это старость, зрелость, младость.
– Скажите, мучают вас эротические сны?
– Нет, что вы, это для меня единственная радость…

* * *

Работать продолжать
И старики должны –
И форму поддержать,
И поддержать штаны…

* * *

Все юноши ошибок целый ворох
Вседневно и всечасно допускают.
Мозг в старости работает не скоро,
Их столько совершать не успевая…

* * *

Мелькают иль тянутся дни,
Мы в жизни вседневно на марше,
Умнеют с годами одни,
Другие становятся старше…

* * *

Хоть вам и девяносто,
Но чужды вы фрустрации,
Ведь старость – это просто
Паралич адаптации…

* * *

Возврат ушедших лет (а их не счесть!)
Не оплатить наличными иль чеком.
Но раз мечты несбывшиеся есть –
Ты вправе называться человеком…

* * *

Что нужно старому еврею,
Что от судьбы ждать остается?
Я радуюсь, что я старею;
Не многим это удается…

* * *

Сто девятнадцать лет желали мне идти
Друзья стезей, что вместе преодолевали.
Так отчего уже не до ста двадцати?
А чтобы мой уход безвременным назвали…

* * *

Цепь рассуждений безупречна,
Но каждый нынче в чем-то циник.
Да! Не подарок я, конечно,
Но ведь и ты – не именинник…

* * *

Ты сколько о себе ни говори,
Пусть твой рассказ звучит поэмой, одой, песней,
Пусть час пройдет, пусть день, год, два и три…
– А за глаза расскажут интересней…

Сергей Осташко

И в рифму, и всерьез

30 лет назад, 30 июля 1985 года перестало биться сердце прекрасного одесского поэта, певца Причерноморья Владимира Викторовича Домрина.

К сожалению, мы знали Владимира Викторовича очень недолго. Всего каких-нибудь два года. Я говорю «мы», имея в виду меня и моего друга со студенческих времен Славика Пелишенко, с которым в 1981 году попутешествовали на парусной яхте «Юрий Гагарин» (порт приписки Ильичевск) от Одессы до Астрахани. Нас познакомил, правда, заочно, тогдашний редактор ильичевской газеты «Маяк» Анатолий Станчев. В газете публиковались наши путевые заметки, которые, как мы самоуверенно считали, рано или поздно обязательно должны превратиться в книгу. И в какой-то момент Анатолий Георгиевич сказал нам: «А вы сходите на заседание литературной студии у нас во дворце культуры. Там занятия ведет прекрасный поэт, в прошлом заведующий редакцией художественной литературы издательства «Маяк», и вообще – классный мужик. Познакомитесь, посоветуетесь. Он обязательно что-то подскажет».

Когда в ближайшую среду мы со Славиком бочком протиснулись в комнату, где собиралось ЛИТО, и представились, оказалось, что наши фамилии Домрину знакомы. Он читал наши опусы с продолжением в «Маяке» и даже, как он сказал, очень хотел познакомиться. Впрочем, не исключено, что последнее было просто данью вежливости. А вот то, что опусы читал, причем внимательно, оказалось чистой правдой. Небольшой «разбор полетов» наших последних газетных подач, устроенный тут же, и несколько дельных советов были этому подтверждением. «Будете перера-

батывать в книгу – учтите», – посоветовал Владимир Викторович, заканчивая разбор.

Студийцы первоначально отнеслись к нам настороженно: «Что это за одесские цацы понаехали?» – но, узнав, что стихов мы не пишем (во всяком случае, не показываем), а занимаемся исключительно прозой и юмором, расслабились. И мы, сами того не замечая, влились в дружный коллектив ЛИТО, стали каждую среду ездить в Ильичевск на автобусе и возвращаться на домринской машине. И эта обратная дорога была, пожалуй, самым интересным из всех литературных посиделок – Домрин был прекрасным рассказчиком. Впрочем, и сами посиделки нам нравились той неповторимой атмосферой иронической доброжелательности, которую умел создать руководитель. Он никогда не ругал даже откровенно слабые стихи, а умел очень мягко указать на ошибки, и в своих следующих творениях самодеятельный поэт старался их учесть. Правда, это не всегда получалось, но было видно, что человек старается.

Мне запомнился тезис, который Владимир Викторович втолковывал студийцам: «Практически в каждой строфе любого стихотворения есть одна лишняя строчка. И когда вы научитесь в своих стихах находить эту лишнюю строчку и менять ее, вы станете настоящими поэтами. Впрочем, и у маститых поэтов тоже попадаются лишние строчки».

Были и другие приемы воспитания «настоящих поэтов», которые я, увы, не запомнил. И эти приемы давали результат. Мастерство студийцев росло от занятия к занятию. Сколько лет прошло, а я до сих пор помню некоторые фамилии и ощущение от стихов: мягкую лирику Ивана Гаврюка, ставшего профессиональным литератором, членом Союза писателей, иронические стихи Коли Литовских, пронзительную женскую поэзию Тани Яновой, впоследствии ставшей Веселовой и уехавшей на ПМЖ в Россию, вечные и не всегда удачные эпиграммы плодовитого Толи Яни. И, конечно же, самую яркую звезду студии Марину Хлебникову. Я помню, как ее буквально за руку привел в студию ее муж Сергей со словами: «Вот, моя жена вдруг начала писать стихи. Послушайте, мне кажется, они неплохие». И как потом мы практически все оставшееся время занятия,

затаив дыхание, слушали эти самые «неплохие» стихи, каждый раз прося еще и еще. И даже самые ревнивые к чужим достижениям ильичевские литераторы не могли не признать – вот он, настоящий талант. А Домрин сказал это прямым текстом: «Девочка, тебе обязательно нужно закончить литературный институт в Москве».

Знакомил нас Домрин и с лучшими одесскими поэтами, которых привозил на заседание студии. Благодаря ему мы познакомились с творчеством Исмаила Гордона, Станислава Стриженюка, Анатолия Глущака и многих других.

Постепенно наше знакомство переросло в дружбу. Мы со Славой начали бывать у Домрина дома, познакомились с его очаровательной женой, а по совместительству и музой Лесей, стали ездить на домринской машине по его приглашению уже в оба конца, что в два раза увеличило радость нашего общения. Именно тогда мы узнали о чудном месте напротив Очакова – Кинбурнской косе, «где воздух такой, что его можно пить». У Владимира Викторовича на косе была дача, и мы получили приглашение летом на ней отдохнуть.

В одну из таких поездок в Ильичевск мы, делая вид, что не смущаемся, вручили Учителю папку с рукописью наших путевых заметок «Хождение за два-три моря» и попросили прочитать и высказать свое мнение. «Да-да, конечно, обязательно прочитаю», – пообещал мэтр и положил папку на заднее сидение. И мы стали ждать.

Прошла неделя, другая, месяц, второй. На наши робкие напоминания Владимир Викторович виновато оправдывался – то нужно сдать рукопись в печать, то «написать сложную рецензию на одну бездарную книжку, причем написать так, чтобы все поняли, что книга бездарная, а автор этого не понял».

И вот поздней весной настал, наконец, долгожданный момент. Когда мы со Славой упаковались на заднее сидение двухдверной «Нивы», Домрин протянул нам папку со словами: «Прочел вашу повесть. Посмотрите, там есть пометки». Мы уткнулись в рукопись и обнаружили нечто странное. На первых десяти страницах действительно были карандашные пометки, а остальные 250 страниц сияли девственной чистотой. Мы недоуменно перегляну-

лись: «Владимир Викторович, а что – вы не все прочли? Вам было неинтересно?». И тут мэтр пролил бальзам на наши неокрепшие литературные души.

«Вы понимаете, ребята, я начал было читать вашу рукопись, как обычно читаю молодых авторов – с карандашом в руках. Но вдруг увлекся и за одну ночь проглотил все. Вы написали хорошую вещь, ее нужно печатать так, как она есть. И я вам в этом помогу. А мелкие шероховатости мы обсудим летом, когда вы будете отдыхать у меня на даче».

К сожалению, выполнить свое обещание поэт не успел. Мы с семьями таки поехали на Кинбурнскую косу на две недели, а Домрина задержали в городе дела. Мы еще успели, вернувшись, созвониться с Владимиром Викторовичем и пообещать через пару дней заехать в гости.

А через пару дней Поэта не стало…

Позже выяснилось, что Домрина вызывали в обком партии, и секретарь устроил ему настоящую истерику, с криками, брызганием слюной и угрозами «партбилет на стол». Когда Владимир Викторович вернулся домой, ему стало плохо с сердцем, а Леся была на косе. Она и обнаружила его на следующий день с рукой, протянутой к телефону, по которому он так и не успел вызвать «скорую».

Когда прошли все печальные мероприятия: похороны, 9 дней, 40 дней, Леся пригласила нас со Славой и вручила несколько папок с машинописными и рукописными короткими стихами. «Вот, ребята, это черновики «Книги юмора», которую Володя мечтал издать всю свою жизнь. У меня к вам будет просьба. Составьте эту книгу, как сочтете нужным. Володя очень доверял вашему вкусу».

Работа над книгой заняла больше двух месяцев. Мы вычитывали стихи, сортировали их по темам, спорили, какой из двух вариантов одной эпиграммы лучший… И наконец вручили Лесе перепечатанный начисто результат своих работ. В качестве эпиграфа к книге мы выбрали эпитафию, написанную Домриным самому себе, которая оказалась пророческой:

«Вот, товарищи, об ком позаботился обком».

К сожалению, домринская «Книга юмора» так и не была издана. То ли ее юмор для одесского издательства «Маяк» оказался слишком острым, то ли об этом позаботился вышеупомянутый обком. А когда стало возможным печатать за свой счет, настал финансовый кризис. Через пару лет Леся уехала к дочери за границу, и мы считали, что рукопись утеряна безвозвратно. Но, как известно, рукописи не горят, и недавно выяснилось, что весь домринский архив, в том числе и подготовленную нами к печати «Книгу юмора», Леся перед отъездом оставила старинному другу Владимира Викторовича, прекрасному украиноязычному поэту Станиславу Стриженюку. И я подумал: а может, уже в наше время с помощью Всемирного клуба одесситов удастся воплотить в жизнь мечту Владимира Викторовича Домрина?

А пока книга еще не издана, предлагаю читателям альманаха «Дерибасовская – Ришельевская» познакомиться с некоторыми юмористическими миниатюрами поэта, чудом сохранившимися уже в моем архиве.

Владимир Дроздовский

Мелодия опавшего листа

Мне всегда нравилась середина осени – последние дни сентября и октябрь. Солнечные дни с легкими похолоданиями с утра, разноцветье листьев на каштанах, акациях, кленах. Как-то спокойно и уютно бродить по улицам, не нагретым до вулканической температуры лавы июльским асфальтом, смотреть на холодно-голубое небо с белыми облаками, погружаться в ирреальный мир городской осенней неги.

Возле небольшого кафе на Екатерининской три столика из легкого ротанга. На каждом – небольшая вазочка с оранжевыми хризантемами. Заказанный кофе имеет совершенно другой вкус – за столиком на улице под старым каштаном у него аромат зрелости и покоя.

Падающие с каштана листья наигрывают каждый свою мелодию, но все об одном и том же: «Тихо, тихо, не спеши… Почувствуй, что жизнь не только в суете и делах, она вот – перед тобой – прекрасная, преходящая и уходящая так же, как и уходим, опадаем мы».

И еще один желтый, с загнутыми сухими краями лист падал с дерева, раскачиваясь в воздухе из стороны в сторону, как будто водил невидимым смычком по невидимой скрипке. И нежно звучала в воздухе возле небольшого кафе на Екатерининской мелодия опавшего листа.

Владимир Домрин

Цикл «Эпитафии»

Все алхимики веками
Ищут философский камень
…Исполняется мечта,
Как оно и водится:
И не камень, а плита
Целая находится…

Автоэпитафия

Вот, товарищи, об ком
Позаботился обком!

Невезучий

Его как щепку по судьбе
Несло.
Ему, хоть был он мал
По габаритам,
И в смертный миг опять
Не повезло.
Он был в толпе убит метеоритом.

Крикун

Крикун, бедняга, утонул
На озере вчера:
Пытался крикнуть «Караул!» –
А вырвалось – «Ура!».

Жене поэта

Гранит прочней терпенья их
И пьедестал…
Из наших книг.

На могилу охотника

Тебе медведь случайно
Дал по уху.
Лежи, коллега.
Ни пера! Ни пуху!

Последствие образа жизни

Он терапевта пригласил,
За что постигла божья кара!
А был бы жив и полон сил,
Когда б позвал ветеринара!

Алкоголику

Шестое поколение
Его обходит тление!

Ловчиле

Он жизнь устраивал за взятку.
Когда же, наконец, почил,
Из гроба на момент вскочил,
Чтоб дать гробовщику «десятку».

Рубен Ашрафян

Тайное поручение

Незадолго до открытия пушкинской мемориальной доски на здании бывшего Ришельевского лицея сидели мы с моим другом Краеведом за столиком в заведении неподалеку и умеренно выпивали.

– Скажи мне, Краевед, – спросил я ехидным голосом, – что, потвоему, Пушкин мог делать в Ришельевском лицее?

– Как это, что? Общался с лицеистами. Об этом существуют свидетельства… – и он перечислил мне ряд известных и не известных мне фамилий.

– Это понятно. Но к кому он туда приходил? Ясно же, что без разрешения ни о каком общении с лицеистами, по крайней мере в самом лицее, учебном заведении закрытого типа, речи быть не могло. Опять же, зачем Александру Сергеевичу понадобилось захаживать к малолеткам? Ну зашел один раз из любопытства – и довольно, между тем видели его там неоднократно.

– Да я тебе приведу двадцать причин, по которым Пушкин мог бывать в Ришельевском лицее, – с горячностью ответил Краевед.

– Например?

– Например, Пушкин заходил в лицей кого-либо навестить…

– Правильно, – согласился я, – и у меня есть на этот счет убедительная версия…

Дело в том, что несколько лет назад ко мне попала любопытная икона «Рождество Иисуса Христа», на которой в превосходной академической манере изображена сцена поклонения пастухов. Довольно распространенный сюжет, известен еще с раннехристианских времен, чему подтверждением росписи в катакомбах Св. Себастиана в Риме, позже неоднократно использовался художниками Возрождения.

Однако мое внимание привлек, во-первых, микроскопический шрифт надписи, сделанной на русском языке, где имя Иисус написано с одной буквой «і», как в светской литературе начале XIX века, а «Христос» – и вовсе с маленькой буквы. А во-вторых, загадочный белый четырехугольник, исходящий из облака на заднем плане. Сия геометрическая фигура по смыслу должна означать Божественное послание. Если же учесть, что параллельно ей расположены родившийся Христос и ягненок со связанными ногами, то получаем классическую триаду: послание – посланник – жертва.

Справедливо полагая, что икона может иметь отношение к масонам и, в частности, к ложе «Умирающий сфинкс», которую возглавлял в начале XIX века вице-президент петербургской Академии художеств А.Ф. Лабзин, а в состав входили такие живописцы, как Левицкий и Боровиковский, я приступил к детальному ее изучению. Оказалось, что икона буквально наполнена масонской символикой.

Прежде всего, вместо обычно изображаемых трех пришедших поклониться Христу пастухов, по аналогии с тремя волхвами здесь четыре взрослые фигуры и еще мальчик (к слову, сложная фигура мальчика говорит о высоком мастерстве живописца). Очевидно, пастухи символизируют четырех евангелистов и Иоанна Крестителя, день памяти которого является одним из двух главных масонских праздников. Второй праздник – День Иоанна Богослова, изображенного в виде молодого человека (самый младший среди апостолов), склонившегося над Христом в розенкрейцерском приветствии высокого градуса посвящения: со скрещенными на груди руками. Напомню, что большинство российских масонских лож в то время были розенкрейцерского толка, как тогда говорили, мартинистскими. «Умирающий сфинкс» – не исключение.

Далее. Характернейшей деталью является изображение краеугольного камня, на который опирается своим посохом Иосиф, муж Марии. Краеугольный камень, обычно находящийся ниже уровня пола, – важный атрибут любого масонского храма. Что же касается самого Иосифа, то как человека, обладающего мастерством и инструментами, его считают одним из прародителей современного масонства. На оборотной стороне доски вырезана владельческая подпись «Феофил», крестик поверх которой означает,

что икона некогда принадлежала духовному лицу. Личность же этого духовного лица прелюбопытна.

В недавно изданной «Энциклопедии духовенства Одесской (Херсонской) епархии» упоминается иеромонах Феофил (Фиников), переведенный в 1818 году из Петербурга на должность законоучителя Ришельевского лицея, иными словами – проректора по воспитательной работе. В то время Феофил состоял в упомянутой ложе «Умирающий сфинкс». Дело в том, что для некоторых ритуалов высоких градусов розенкрейцерам необходим был священнослужитель. А.Ф. Лабзин даже сетовал, что, переехав в Одессу, тот вынужден был прервать отношения с братьями. Представьте мое удивление, когда среди членов ложи я обнаружил и Сергея Львовича Пушкина, отца великого поэта. Оказывается, Сергей Львович являлся известнейшим в Петербурге масоном (если, конечно, слово «известнейший» уместно в данном случае). В конце концов он даже стал стуартом – правда, уже другой розенкрейцерской ложи. Вполне вероятно, что, воспользовавшись пребыванием сына в Одессе, Сергей Львович передал через него весточку своему старому знакомому. По крайней мере это обстоятельство может объяснить посещения Пушкиным Ришельевского лицея. Других преподавателей Пушкин знать не мог – все они происходили из Полтавы, Харькова или же прибыли с Запада Украины, не считая аббата Николя, разумеется.

К сказанному добавлю, что о. Феофил (Фиников) был человеком незаурядным. Происходя, судя по фамилии, полученной лишь в семинарии, из низших слоев общества, а может, будучи крещеным евреем, он сделал впечатляющую карьеру, окончив свои дни в епископском сане. Еще в юношеском возрасте он попал под влияние московского митрополита Платона (Левшина), отличавшегося широтой взглядов и благосклонным отношением к масонам – розенкрейцерам. Недаром же Феофил заставлял несчастных лицеистов заучивать наизусть «Катехизис», написанный учителем. Малейшее неповиновение каралось ударом указки по рукам… К слову, нерадивых греков, воспитанников лицея, Феофил частенько обзывал пиндосами, не исключено, что обидное словечко, об этимологии которого теперь много спорят, придумано лично им. С другой же стороны, Феофил оказывал финансовую поддержку «гетеристам».

Прибыв в Одессу, он вел себя с подчеркнутой скромностью, почти аскетично: жил при лицее в тесной комнатушке, похожей на келию. Однако, пообжившись и став архимандритом, перестал отказывать себе в маленьких удовольствиях: переехал в просторные апартаменты, стал носить черную атласную рясу с голубым подбоем, турецкого шелка подрясник и туфли с золотыми пряжками. Конечно же, пользовался немалой популярностью у дам, в основном купеческих женушек, которых регулярно возил на Фонтан в открытом экипаже. Современники подозревали разные непристойности, однако этим поездкам существует объяснение: Феофил принимал деятельное участие в обустройстве Свято-Успенского мужского монастыря на Большом Фонтане, и денежки купчих были отнюдь не лишними.

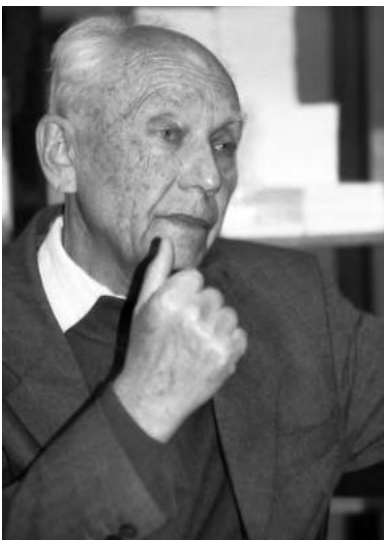
Столь известный интеллектуал, щеголь и, к тому же, дамский угодник, не мог не привлечь внимания Пушкина. Отчего же Александр Сергеевич никогда не упоминал о знакомстве? Видимо, был связан масонской клятвой, а кроме того, не желал навлекать беду на отца и его приятеля, поскольку в последние годы правления Александра II масоны в России подвергались преследованиям, которые продолжились и во времена Николая I.

Архимандрит Феофил (Фиников), впрочем, не смог избежать неприятностей и за свое масонское прошлое был сослан в 1825 году в исправительный Борисоглебский монастырь…

Краевед выслушал меня внимательно, а потом заявил, что эта история высосана из пальца и нуждается в тщательном обосновании и проверке в архивах. Я же всегда полагал и до сих пор полагаю, что история такова, каковой мы ее себе представляем, и наши представления имеют вес куда больший, чем свидетельства давно умерших очевидцев…

Несмотря на это, мы с моим другом чокнулись и продолжали умеренно выпивать.

Памяти Сергея Зенoновича Лущика

8 ноября 2015 года умер Сергей Зенонович Лущик. Ни званий, ни наград не было у этого человека. Но уже многие годы мы понимали, как много значит он в жизни не только культурной Одессы, но и далеко за ее пределами.

Библиофил, краевед, литератор. До этого – инженер. Всё так, но только этого перечисления недостаточно.

Сергей Лущик был примером того, как следует сохранять чувство собственного достоинства. Как можно его сохранить вопреки «правилам игры», которые навязывает время.

Сергей Лущик был тем человеком, о котором всегда помнилось: а как на твой поступок, фразу он отреагирует?

У Давида Самойлова – «Нету их, и все разрешено». Сознание, что есть Лущик, внушало: нельзя было сподличать. Он этого не прощал.

Уходит эпоха. Очень сложная эпоха.

У Сергея было ясное представление о том, что Октябрь – это злодейство, вооруженный переворот, что тоталитарная власть отвратительна. Он вернул из небытия имена Михаила Жука, Вениамина Бабаджана, Владимира Издебского, Семена Кесельмана и многих других –

вычеркнутых и забытых. И не переносил запах национализма – русского, украинского, еврейского, и свои взгляды не скрывал. Они в его замечательных книгах.

С первых номеров во «Всемирных одесских новостях», а потом и в альманахе «Дерибасовская – Ришельевская» Сергей Зенонович в числе наших постоянных и любимых авторов.

Горжусь, что его первую заметку о рисунке П. Коновского я опубликовал в «Комсомольской искре» в 1966 году. В последнее время, когда он тяжело болел, мы продолжали публиковать тексты из его архива.

Больно, невыносимо терять друзей. Утешает лишь мысль – память о Сергее Зеноновиче Лущике, настоящем одессите, так много сделавшем во имя Одессы, ее культуры, будет жить долго.

Евгений Голубовский

Тина Арсеньева

Губарь – это история без ГМО

Так отозвалась, и лучше не скажешь, о краеведе Олеге Губаре креатор международной книжной выставки-ярмарки «Зеленая волна» Галина Безикович, поздравляя его с выходом новой книги на презентации в Золотом зале Литмузея 10 сентября. Объемистое иллюстрированное издание «История градостроительства Одессы и функции Одесского строительного комитета» – результат более чем десятилетней кропотливой исследовательской работы Почетного гражданина Одессы и лауреата нашего газетного конкурса «Люди дела», нашего автора и друга Олега Губаря…

Нужно ли представлять читателям заслуженного любимца всей порядочной Одессы? Человека энциклопедических знаний и озорника, скрупулезного изыскателя, проникнутого благоговейным уважением к факту, и веселого, до насмешливого цинизма, скептика, ненавидящего всякую авторитарность. Человека мужественного, противостоящего нешуточным угрозам, как социальным, так и личным, своими оптимизмом и созидательностью. «Делай что должно, и будь что будет» – под этот девиз подпадает и Олег, а что нам, порядочным людям, еще остается?..

«Губарь никогда не ошибается. Это настоящий летописец Одессы», – сказал на презентации член президентского совета Всемирного клуба одесситов Анатолий Горбатюк.

«Более десяти лет назад я узнал от автора этой книги о его замысле, – говорит кандидат исторических наук Александр Третьяк, рецензент издания. – Ведь в восьмидесятые годы само упоминание о «старой Одессе» вызывало неприятие во властном официозе. Сейчас в это трудно поверить, но в Историко-краеведческом музее не было портретов де Рибаса, Ришелье, Воронцова. Выход книги Олега Губаря – гораздо более глубокое событие, чем кажется на первый взгляд. До сих пор в нашем распоряжении были разрозненные монографии, фрагментарные результаты многих изысканий. А в книге Губаря – фундаментальное обобщение огромного пласта информации».

Да, сопоставишь иные «научные подходы» тех «застойных» и сегодняшних «революционных» времен, и убеждаешься, что тоталитарная матрица сознания не растворилась в небытии, пресловутые административно-командные партийные методы так и норовят проникнуть в строгую науку, которая по определению должна быть аполитичной! Правительственный почин «всенародного» празднования «письменного упоминания города Коцюбиева», невзирая на контраргументацию именитых краеведов и археологов, тому свидетельство. И не кто иной как Олег Губарь в ходе презентаций ко Дню города в присутствии множества чиновных особ встал здесь же, в Золотом зале, и дал такую неофициозную, веселую и неотразимую отповедь «коцюбиевцам», что зал полег от смеха!..

…Старая Одесса, она и в молодом 221-летнем возрасте старая Одесса. Она, напомнил нам на презентации историк Александр Третьяк, была единственным городом среди провинциальных городов империи, наделенным столичными правами. Ведущим среди европейских – по темпам строительства и благоустройства. Превосходящим в середине XIX века Москву и Санкт-Петербург по доходу на душу населения. Город с неизменно положительным сальдо. Из 19 миллионов рублей прибыли государству от внешней торговли около 12 миллионов давала в середине позапрошлого века Одесса. Одессе не даровали привилегий – Одесса их сама покупала!

«Какую бы тематику мы ни взяли в музейную разработку, мы не можем обойтись без книг Олега Губаря, – констатировала ученый секретарь Литературного музея, заслуженный работник культуры Украины Елена Каракина. – Сколько же он, бывало, сидел в архиве – одетый в ушанку, ватник и валенки, в лютом холоде, листая документы стынущими пальцами! Это Олег Губарь установил, что Роберт Стивенсон останавливался в «Лондонской», посетив Одессу в своем последнем кругосветном путешествии. Или, например, мы знали, что автор «Рукописи, найденной в Сарагосе» Ян Потоцкий бывал в Одессе, – но где именно и чем здесь занимался? Это разведал Олег Губарь. И тот факт, что в Одесском заливе промышляли пираты – если есть купцы, как не быть пиратам? – документально установил Губарь…

Мне как сотруднику музея не единожды приходилось сталкиваться и с невежеством, и с конъюнктурщиной. А вот Губарь – археолог: он-то знает, что историю надо раскапывать!

Он пишет две разные прозы. В одной – бесшабашный авантюризм, дурашливая шалость. Другая – это строгий фактаж, доказательность исторических выкладок».

…Директор Государственного архива Одесской области Владимир Левчук, отметив высочайшую добросовестность Олега Губаря как архивного завсегдатая, обратил внимание публики на проблемы архива, призвав к сотрудничеству. Скоро архивному пользователю уже не понадобится экипировка в виде ватника с валенками: идет ремонт архивных помещений, проведено отопление. Но… недостает места для хранения документов! «Одесский

архив должен быть построен – вот мой девиз, – сказал директор. – Будьте активными сотрудниками. Будьте соавторами страниц нашей истории, по примеру Олега Губаря».

Елена Павлова, и. о. директора Всемирного клуба одесситов, отметила, что ей довелось работать вместе с Олегом в историко-топонимической комиссии горсовета: «Губарь – это мудрость, это знания, это чувство юмора и готовность протянуть руку помощи».

О пушкиниане повел речь организатор литературного фестиваля «Пушкин в Одессе» Олег Борушко: «Губарь сказал однажды, что «пушкинские места» в Одессе – сплошной апокриф, а его цель – воссоздать подлинные пушкинские маршруты. Первый итог: 15 сентября в 14:00 мы откроем мемориальную доску на здании бывшего Ришельевского лицея, улица Дерибасовская, 16. В этом здании бывал Пушкин, пользовавшийся большой популярностью у лицеистов».

«Мы много говорим, но мало знаем, – с такой речью обратился к публике виновник торжества. – Эта моя книга не об архитектуре, хотя и об архитектуре в том числе; она о том, как застраивался город, как формировались его районы, как складывалась в нем наука инженерно-геологических изысканий и как закладывались городские сады и парки. Это история градостроителей. И возникла книга из того массива накопленной информации, из которого вышло несколько книг: об истории еврейской общины Одессы, об одесских кладбищах, теперь вот об Одесском строительном комитете.

Главная тема для меня – люди. Книга делалась отчасти из чувства горечи и обиды: за людей, за историю. Из любви, из жалости, из сострадания пишутся книги, а не из честолюбия. Мы ранены своим городом. Книги об истории Одессы – это наше сопротивление ее сегодняшнему убожеству, попыткам затоптать и затолкать наш город».

…Олег Губарь тут же сделал памятный подарок меценату издания Руслану Тарпану. Есть, оказывается, два практически одинаковых памятника губернатору, графу Воронцову, сказал Олег, – в Одессе и в Тифлисе. Старинную коллекционную тарелку с изображением памятника Воронцову в Тифлисе автор презентуемой

книги подарил ее меценату. А музыкальные приношения самому «имениннику» предложили артисты: этногруппа Дмитрия Земского «Зира», заслуженный артист Украины Алексей Ботвинов, солистка Одесской оперы, лауреат международных конкурсов Алина Ворох.

Презентация, как видим, стала своего рода подведением творческих итогов для писателя-краеведа. «А теперь – следующая жизнь и второе дыхание», – говорит Олег.

Ведущий вечера главный редактор одесского альманаха «Дерибасовская – Ришельевская» Феликс Кохрихт провел акцию дарения: экземпляры книги «История градостроительства Одессы и функции Одесского строительного комитета» были вручены представителям библиотек, музеев и общественных организаций города, а также областному архиву.

Фото автора

Евгений Голубовский

Книжный развал

Издано в Одессе

«Enfant terrible». Одесский концептуализм
Каталог выставки в Национальном художественном музее Украины
МСИО, 2015

Выставка – первый шаг к осмыслению целого пласта одесской культуры. И каталог, соответственно, не только фиксация экспонатов выставки, но и исследование процессов, проходивших в художественной жизни нашего города.

Проект был посвящен организаторами выставки памяти скоропостижно скончавшегося художника, искусствоведа, поэта Мирослава Кульчицкого, его куратору. Координатор проекта – Семен Кантор.

Выставка стала такой насыщенной еще и потому, что к экспонатам музея добавили свои произведения художники. Более того, некоторые из них написали статьи для каталога. Это Владимир Наумец, Юрий Лейдерман, Василий Рябченко.

Хотелось бы надеяться, что в историю концептуализма теперь войдет как неразрывная цельность творческий поиск одесских художников, станет признанным понятием «одесский

концептуализм», который создатели выставки и каталога не случайно вынесли на обложку.

Татьяна Пековитина
Одесские переливы
Одесса, Пресс-курьер, 2015

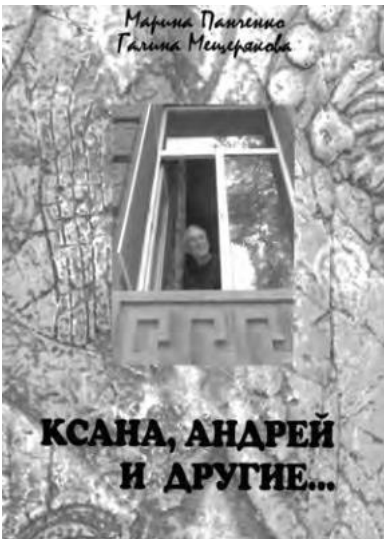
Это своеобразный альманах, который написала и подготовила жена выдающегося художника Юрия Егорова – Татьяна Пековитина.

Если бы она написала только воспоминания о себе, о своем муже, а она и была его музой и соратницей, начав работу с Юрием как натурщица, затем стала воплощать его замыслы, создавая по его эскизам гобелены, то и тогда это был бы бесценный вклад в круг материалов о Мастере. Но Татьяна присовокупила к этому и свои стихи (они вышли и отдельной книгой «Небесное и земное»), и большое количество фотографий и репродукций, но и ряд статей о Юрии Егорове – Ольги Савицкой, Уты Кильтер, Николая Степанова, Феликса Кохрихта, В.П. Цельтнера…

Мне приятно, что и две мои статьи, а также большое часовое интервью с Юрием Николаевичем Егоровым Татьяна включила в этот сборник. Безусловно, обогащают его и воспоминания самого художника.

Книга получилась насыщенной. Она живет не только прошлым, но и настоящим, так как Татьяна Пековитина много пишет о своем понимании процессов, происходящих сейчас в мире, о творчестве и религии.

Думаю, теперь всем, кто интересуется творчеством Юрия Егорова, не обойтись без этого альманаха.

Марина Панченко,
Галина Мещерякова
Ксана, Андрей и другие…
Одесса, ОНУ, 2015

На обложке книги фотография – Андрей Добролюбский выглядывает из окна квартиры на Успенской, где семья Добролюбских жила все годы после Великой Отечественной войны. И это хороший эмоциональный зачин к рассказу об интереснейшей семье, но в первую очередь – о Ксане Добролюбской, светлом солнечном человеке, ставшей на наших глазах одной из легенд Одессы, о ее брате – историке, археологе Андрее Добролюбском.

Марина Панченко дружила с Ксаной, любила Ксану, и сочла своим долгом памяти написать о ней книгу. Галина Мещерякова была знакома с Родионом Феденевым, много общалась с Андреем Добролюбским и поделилась своими размышлениями об этой семье.

Признаюсь, любое новое воспоминание о Ксане меня радует. Ее не должны забывать. Для очень многих замечательных людей знакомством с Ксаной Добролюбской и открывалась Одесса. Могу назвать Евгения Рейна, Асю Пекуровскую, первую жену Сергея Довлатова, Романа Каплана, переводчика, ставшего в Нью-Йорке совладельцем с Иосифом Бродским знаменитого ресторана «Русский самовар», где собирается интеллектуальная элита.

Да, Ксаночка заслужила книгу и добрую память.

Если бы я писал книгу о ней, возможно, не так бы ее построил, не на том бы поставил акцент. Но книгу написали другие – и правильно сделали, представив в ней семью Добролюбских такой, какой она им видится.

Скажем авторам – спасибо!

Нина Данилова
В то далекое счастье
Одесса, 2015

Постоянные читатели нашего альманаха уже не раз встречались с этим автором и ее замечательными рассказами.

Нина Данилова прекрасно умеет строить фабулу, но не только в занимательных сюжетах прелесть ее рассказов. Она мастерски владеет иронией – и к окружающему миру, и к самой себе. И настолько легко и весело вводит нас в круг проблем, которые ее занимают, что радуешься знакомству с новым автором, дарящим читателю современные интеллектуальные тексты.

Одесские рассказы с легкой руки А. Аверченко, потом И. Бабеля стали определением жанра. Именно в этом жанре узнаваемых одесских рассказов и работает Нина Данилова. И работает хорошо. Поэтому с радостью поздравляем ее с книгой.

Измаил Гордон
Ябеда-беда
Рисовал Геннадий Гармидер
Одесса, Экология, 2015

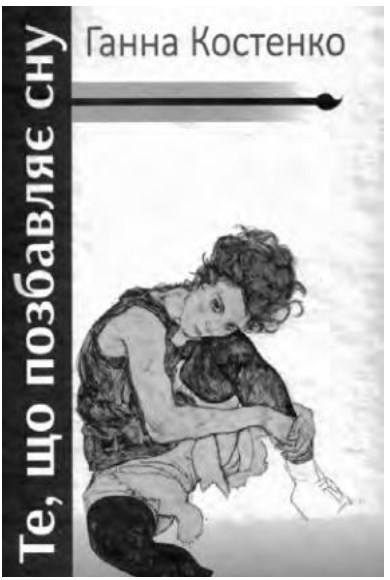
Измаил Борисович Гордон прожил долгую и насыщенную жизнь. Родился в 1922 году, умер в 2008. На его долю выпала Великая Отечественная война, воевал, восстанавливал после войны Одессу, он тогда был рабочим, но с юности писал стихи. Печатался.

А вот детские стихи писались не для книг, а для своих троих сыновей, двух внуков. И в этом году семья собрала эти стихи, их красиво нарисовал Геннадий Гармидер, и были они изданы отдельным сборником.

Кстати, в этом году и мемориальная доска И.Б. Гордону была открыта на доме, в котором он жил в Одессе.

Можно радоваться тому, что одесские дети свою первую поэтическую книгу получат именно такую – веселую, яркую, морскую.

Издано в Киеве

Ганна Костенко
Те, що позбавляє сну
Київ, Український пріоритет, 2015

Биография Ани Костенко сама по себе может послужить основой для романа. В 17 лет быть принятой в Национальный союз писателей Украины, организацию весьма традиционную. И все же приняли. Во время учебы в институте издала две книги рассказов. Защитила диссертацию, выпустила первый роман.

Наш альманах обратил на нее внимание давно. В 20-м номере альманаха мы опубликовали ее рассказ на украинском языке. Обычно мы публикуем поэтов на том языке, на котором они пишут, а прозу переводим на русский. Но тут был такой образный яркий язык, что мы нарушили собственные правила.

И вот роман. Молодежный? Нет – о молодежи. А написан он так, что тонкость его стиля смогут оценить вдумчивые читатели. В нем отзвуки символистской прозы начала XX века, хоть это сугубо современная вещь – из нашего XXI столетия.

Анна Костенко сама предложила издательству для обложки картину Эгона Шилле. Очень точный образ, как бы помогающий войти в брамы романа.

Издано в Харькове

Евгений Деменок
Казус Бени Крика. Рассказы об Одессе и одесситах
Харьков, Фолио, 2015

Почти все рассказы этого сборника Евгений Деменок публиковал в нашем альманахе, в газете «Всемирные одесские новости». Но собранные воедино, они дают панорамное видение его интересов, пристрастий. Он пишет для взрослых и для детей, о детях и о взрослых.

Есть тут рассказы-шутки, а есть рассказы-притчи, а есть просто забавные невероятные истории.

Уверен, что кто-то предпочтет «Легенду о происхождении одесского юмора», другие – «Катюшу и котов», я же считаю, что самым удачным, щемяще нежным получился рассказ «Мама и Би

Джаз». Жаль лишь, что издательство «Фолио» не «вытянуло» обложку Игоря Гусева.

Издано в Москве

Наиль Муратов
Психопат (Повести)
Москва, Время, 2015

Наиль Муратов публиковался в Одессе, затем в Киеве. В этом году его книгу выпустило престижное московское издательство «Время». И вновь хочу подчеркнуть – Наиль давний автор нашего альманаха. И в этом номере напечатан его новый рассказ.

Вот аннотация, которую предпослало книге издательство «Время»: «Для дебюта в российском издательстве известный украинский писатель Наиль Муратов дал две очень разные повести – психологический триллер и остросюжетный «экшн». Впрочем, и общего у них много, туго закрученная интрига и, прямо скажем, нестандартные персонажи…». Думаю, можно не продолжать.

Добавлю лишь, что, начав читать книгу, войдя во вкус, читатель ее уже не отложит. Она втягивает, как воронка. Был бы у нас кинематограф, естественно было бы посоветовать режиссерам обратить внимание на эти две повести.

Содержание

От редакции 3

Евгений Голубовский
Два эссе о жизни и смерти 5

Михаил Жванецкий
Удар с предоплатой 6

Михаил Жванецкий
Стыдно за себя 9

Одесский Международный литературный фестиваль

Феликс Кохрихт
«Здесь все Европой дышит, веет…» 14

Ольга Ильницкая
Литературные мосты 17

Йоахим Сарториус
Одесса 21

История, краеведение

Юрий Шуйский
Город и порт Одесса 26

Андрей Добролюбский, Лариса Пикановская
Археологические поиски в песках Ланжерона 43

Ева Краснова, Анатолий Дроздовский
Исаак Эммануилович Бабель 54

Иван Петров
Пушкину и лицею 66

Одесский календарь

Олег Губарь
Дерибасовская, № 17 + Екатерининская, № 16:
недвижимость Калафати (Санца) 70

Проза

Олег Губарь
The second (next) life 92

Виталий Кузьмин
По дороге домой..... 96

Наиль Муратов
Увидеть Париж и... 98

Майя Димерли
Три рассказа..... 110

Ирина Барметова, Евгений Голубовский
Литература без берегов, или Мост между двух морей..... 118

Сергей Тимофеев
Кафе..... 120

Далия Кыйв
Бард..... 128

Мехис Хейнсаар
Конфуз 136

Армин Кыомяги
Анонимные логистики 141

Поэзия

Юрий Михайлик
Над нами взойдет звезда-полынь..... 152

Елена Касьян
Сил хватит..... 156

Андрій Хаєцький
Перепливи океан..... 163

Игорь Потоцкий
Непричесанная звезда 167

Михаил Сипер
Доверенное белому листу. 172

Первые шаги

Море талантов 2015: «Ребята о зверятах» 176

Искусство – жизнь – искусство

Аркадий Вайнер, Эдуард Кузнецов
Враг пошлости 188

Евгений Деменок
Ильф и Петров в стране Швейка 203

Людмила Сауленко
Прозрение 221

Феликс Кохрихт
Быть или слыть? 227

Михаил Пойзнер
«И если б не было Одессы – что б я делал?..» 235

Роман Бродавко
Дар музыкального общения 253

Юлия Сущенко
«Открытые двери» 259

Светлана Лаздина
«Наша заграница» 267

Георгий Юнгвальд-Хилькевич
Фильм «Д'Артаньян и три мушкетера» 281

Публикации

Ростислав Александров
Беседы с Николаем Харджиевым 294

Евгений Голубовский
Акмеизм не погиб 299

Алена Яворская
«Чудо в пустыне серебряных труб» 303

Сокровища из сокровищницы

Татьяна Щурова
«Своими превосходными качествами...» 328

Путешествие

Феликс Кохрихт
Пафос Кипра 348

Ах, Одесса

Леонид Авербух
13 «лёнчиков» 356

Владимир Дроздовский
Мелодия опавшего листа 359

Сергей Осташко
И в рифму, и всерьез 360

Владимир Домрин
Цикл «Эпитафии» 365

Рубен Ашрафян
Тайное поручение 367

Памяти Сергея Зеноновича Лущика 371

Издано...

Тина Арсеньева
Губарь – это история без ГМО 374

Евгений Голубовский
Книжный развал 379

Одесский альманах

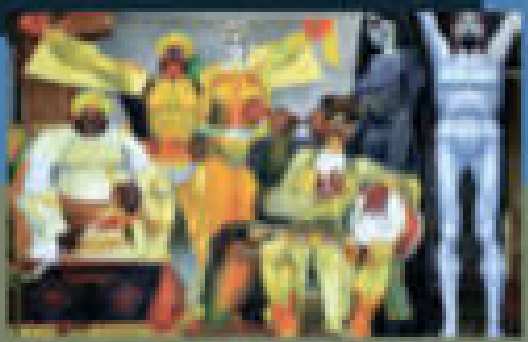
№63

IV / 2015

ДЕРИБАСОВСКАЯ ↔ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

PLASKE
ПЛАСКЕ